

ИСТОРИЯ РОССИИ

ЭПОХА ПЕТРА I

ИСТОРИЯ РОССИИ

М.Н. Демкина

ЭПОХА ПЕТРА I

ББК 63.3
Д30

Использование текста, а также его фрагментов,
без разрешения правообладателя запрещается
и преследуется по закону.

Научный редактор
кандидат исторических наук Д.А. Ванюков

Демкина, Мария Николаевна

Д30 Эпоха Петра I. — М.: ООО ТД «Издательство Мир книги», 2008. — 240 с.: ил.; цв. вкл. 16 с. — (История России).

К концу XVII века военное отставание России от европейских стран нарастало, что представляло серьезную угрозу национальному суверенитету. Социальная нестабильность порождала необходимость укрепления позиций правящего сословия, совершенствования государственного аппарата управления и армии. Справиться с решением назревших проблем смог только Петр I.

ББК 63.3

ISBN 978-5-486-01883-1

© Демкина М.Н., текст
© ООО ТД «Издательство
Мир книги», 2008

Предисловие

К концу XVII в. Россия представляла собой огромную страну, простиравшуюся на многие тысячи километров от Запада до Востока, но не имевшую доступа к морским путям сообщения, а потому в значительной мере изолированную от мира как в экономическом, так и в культурном отношении. Белое море большую часть года сковывали льды, а побережье Балтики почти полностью контролировалось Швецией. Выход к Черному морю запирали турецкие крепости Азов и Очаков.

Чтобы завладеть северными или южными «морскими воротами», России недоставало военной мощи — она не имела не только собственного флота, но и регулярной армии. Стрелецкие полки мало годились для военных походов в силу того, что стрельцы были воинами только наполовину — в большей степени они были заняты своими промыслами, огородами, подворьем и т.п. Отошли в прошлое времена, когда государство могло использовать стрельцов в качестве надежной полицейской силы: теперь они сами зачастую представляли угрозу для государства.

Управлять обширными российскими территориями было весьма трудно. Учрежденные еще при Иване Грозном приказы, плохо справлялись с этой задачей.

Одним словом, к последней четверти XVII в. реформы, намеченные еще при царе Алексее Михайловиче, стали просто необходимы. Российское государство того периода можно сравнить с большим судном, застоявшимся в тихой заводи и оттого рассохшимся. Чтобы за короткое время превратить его в быстроходный корабль и вывести на океанский простор, требовался энергичный и уверенный флотоводец. Такой человек явился миру и России в лице Петра Великого.

РОССИЙСКИЙ ТРОН В ОЖИДАНИИ МОНАРХА

К последней четверти XVI в. из-за малолетства наследников российский трон остался фактически без хозяина. Положение усугублялось тем, что по материнской линии царевичи принадлежали к соперничающим боярским фамилиям. Драматические события, происходившие в тот момент вокруг московского трона и связанные с борьбой за него, на всю жизнь отложились в памяти самого младшего из них — будущего российского императора Петра Великого.

Правление Федора Алексеевича

«Тишайший» царь Алексей Михайлович, неожиданно скончавшийся 29 января 1676 г. в возрасте 46 лет, оставил после себя многочисленное семейство. Его первая супруга Мария Ильинична Милославская родила 13 детей; из них в живых остались сыновья Федор, Иван и пять дочерей, из которых важную роль в российской истории предстояло сыграть Софье. Вторая жена Алексея Михайловича Наталья Кирилловна Нарышкина принадлежала к не очень знатному боярскому роду. От брака с ней у Алексея Михайловича родились две дочери и сын, которому и суждено было войти в историю под именем Петра Великого.

Федор Алексеевич (иллюстрация к книге «Российский царственный дом Романовых», 1852—1853 гг.)

Почти все царские дочери от обоих браков родились здоровыми — по свидетельству современников, их отличало «крепкое сложение» [1]. А вот сыновья от Милославской были слабыми и очень болезненными. (В этом историки видят причину вторичной женитьбы Алексея Михайловича: он опасался, что сыновья рано уйдут из жизни, и после его смерти трон останется пустым, что может привести к новым смутам.)

Старшему сыну Федору к моменту смерти царя исполнилось всего 14 лет. Он страдал тяжелым недугом, из-за чего его ноги опухали и юноша не мог передвигаться самостоятельно. В отличие от своего единоутробного брата Ивана Федор отличался развитым умом. Его наставником был выдающийся мыслитель и писатель того времени, просвещенный монах Симеон Полоцкий. В воспитании царевича преобладало религиозное направление, однако Полоцкий, сам подверженный католическому влиянию, не стремился прививать Федору интерес к русской старине, а внушал идеи, имевшие хождение в Киевско-Могилевской академии (где он прежде учился), обучал польскому языку и латыни. Полоцкий преподавал Федору основы стихосложения, благодаря чему царевич выполнил вольный поэтический перевод нескольких псалмов с церковнославянского.

По действовавшим на Руси законам о престолонаследии и в соответствии с завещанием Алексея Михайловича Федору предстояло занять трон. Один из приближенных покойного царя, боярин Артамон Сергеевич Матвеев, руководивший русскими дипломатами, вопреки традициям выступал за то, чтобы царем был избран Петр, сын Алексея Михайловича от второго брака. Очевидно, Матвеев полагал, что воцарение немощного Федора чревато нежелательными последствиями для страны. Кроме того, он рассчитывал на то, что избрание Петра царем приведет к возвышению Натальи Кирилловны Нарышкиной, которая была воспитанницей Матвеева — он сам выбрал ее в супруги Алексею Михайловичу. Под покровительством Нарышкиной и сам Артамон Матвеев мог бы добиться большего влияния при дворе (в случае победы Милославских ему было не избежать опалы).

Матвееву почти удалось уговорить бояр выступить за Петра, но его планы сорвал приезд князя Юрия Алексеевича Дол-

горукого. Узнав о смерти царя, тот срочно прибыл в Москву, поскольку Алексей Михайлович в завещании назначил его опекуном царевича Федора. Прежде всего Долгорукий отправился к патриарху Иоакиму, чтобы выяснить, кого из сыновей Алексей Михайлович благословил на царствование.

Получив ответ, князь бросился к покоям Федора. Обнаружив двери в покои царевича запертыми, Долгорукий выломал их, подхватил Федора на руки и понес к трону. Он усадил юношу на трон, и его именем приказал боярам целовать руку новому царю. Артамон Матвеев и Наталья Кирилловна с ее малолетними детьми поспешили скрыться из дворца.

В течение некоторого времени Матвеев оставался на своем посту, занимаясь дипломатической работой. Но вскоре Милославские, заручившись поддержкой нескольких бояр, обвинили Матвеева в краже из Посольского приказа 500 рублей. Артамона Сергеевича без суда лишили дипломатического чина и отправили в ссылку в Пустозерск (до середины XX в. — город за полярным кругом в низовьях реки Печоры, ныне — территория Ненецкого автономного края). Посольские дела были переданы в ведение дьяку Лариону Иванову, известному своими славословиями в адрес Федора Алексеевича и его матери. Репрессиям по ложным обвинениям подверглись и другие лица, по каким-либо причинам неугодные Долгорукому, Милославским и их друзьям.

В первую очередь окружению юного царя Федора Алексеевича пришлось заняться вопросами внешней политики.

Россия в конце XVII в.

Турция воевала с Россией, претендуя на земли Западной Украины, и ставила уступку ей этих территорий условием перемирия. В октябре 1679 г. в Батурине (ныне — территория Черниговской области), тогдашней резиденции украинских гетманов, начались тайные переговоры царских послов с гетманом Иваном Самойловичем. Гетман обещал Москве помощь в заключении мирного договора, поскольку запорожское войско устало от войны «с басурманами».

Дважды (в конце 1679 г. и в августе 1680 г.) из Москвы отправлялись послы к крымскому хану Мурад-Гирею (в то время Крымское ханство находилось в зависимости от Турции). Второе посольство добилось относительного успеха. Хан согласился на условия Москвы и оставил России большую часть украинских земель.

Московские послы заключили с ним перемирие на 20 лет (начиная с 3 января 1681 г.), обозначив границу ханства (а значит и турецких владений) по Днепру. В 1681 г. очередное посольство отправилось из Москвы в Константинополь, чтобы получить согласие султана на обговоренные в Крыму условия. Однако турки выдвинули встречные условия, и русским пришлось уступить султану Заднепровье. Тем не менее царь и бояре результатами переговоров остались довольны: войну, начатую еще при Алексее Михайловиче, удалось остановить не слишком дорогой ценой. Заднепровье в ту пору представляло малый интерес для России — фактически это была голая степь.

И все же перед лицом турецкой угрозы Россия нуждалась в усилении военной мощи. Когда Федор Алексеевич начал действовать уже самостоятельно, он приступил к разработке военной реформы, в чем ему помогал князь Василий Васильевич Голицын. Попутно обсуждались проект искоренения местничества и финансовая реформа, поскольку без этих преобразований создать полки с «новым строем» было бы крайне затруднительно, а может быть, и невозможно. (Местничество, с которым безуспешно пытался бороться еще Иван Грозный, проявлялось в подборе военачальников не по способностям, а по родовитости, то есть в соответствии с тем местом, которое занимали в государственном аппарате его предки.)

В 1682 г. царь Федор Алексеевич назначил «чрезвычайное сидение с боярами» [1], пригласив на него патриарха и дру-

гих важных церковных лиц. Получив их согласие на отмену местничества, Федор приказал сжечь все разрядные книги прямо в дворцовых сенях. Судя по сохранившимся документам, он предполагал все должности в государстве разделить по степени важности. Его проект росписи высших чинов по степеням содержал должности трех родов: военные, придворные и гражданские, что в некоторой степени по своему духу предшествовало реформам Петровской эпохи.

Среди прочих внутренних дел Федору Алексеевичу пришлось разбирать жалобы стрельцов. В Смутное время стрельцы показали себя героями, защищая Троице-Сергиев монастырь от поляков, а Москву от Тушинского вора (Лжедмитрия II). Позднее они остановили бунтовщика Разина, сражались с турками и татарами. Однако со временем ситуация изменилась. Самых храбрых из стрельцов направили в Астрахань и соседние с нею города — охранять границу от нападений из южных степей. Большинство стрельцов остались в слободах, обзавелись семьями, превратились в домовитых хозяев, озабоченных своим огородом и подворьем. В поисках сытой и спокойной жизни в стрелецкие полки хлынули многочисленные любители «хорошо поесть, сладко поспать и выпить за казенный счет» [2]. Их волновали главным образом притеснения со стороны полковников да невыплаченное жалованье.

Первых недовольных по приказу боярина Ивана Максимовича Языкова выпороли. Явились жалобщики из другого полка — теперь к главе Стрелецкого приказа Юрию Михайловичу Долгорукому. Узнав из доклада, что пришел пьяный стрелец, князь приказал его высечь. Однако экзекуция не состоялась: у съезжей избы, куда отво-

Стрелец времен Федора Алексеевича

дили подлежащих наказанию, стрельца отбили товарищи. Долгорукый был в растерянности. Полковника, на которого была подана жалоба, лишили воинского звания и сослали. С тех пор стрельцы почувствовали силу.

При Федоре Алексеевиче они для решения своих дел обращались с челобитной уже не в приказ, а к самому царю. Жаловались в основном на полковников: «На наших землях на наши сборные деньги полковые выстроили себе загородные дома; посылают наших жен и детей в свои деревни пруды копать, плотины и мельницы делать, сено косить, дрова сечь; нас самих употребляют во всякие свои работы, даже отходы чистить... а из государского жалованья вычитают многие деньги и хлебные запасы» [1].

Между тем молодой царь был склонен заниматься другими государственными вопросами. Его очень интересовал проект учреждения высшего училища (Академии). Возвратившийся из странствий монах Тимофей рассказал об упадке греческой церкви из-за удручающего состояния наук, необходимых для поддержки богословия. Это побудило русского царя заняться вопросами образования. При типографии (основанной в Кремле в 1679 г. Симеоном Полоцким) было открыто маленькое (на 30 учеников) училище, начальником которого назначили монаха Тимофея. Однако царь не оставлял надежд на создание настоящей Академии.

Главы Теремных церквей (конец XVII в.)

Он сравнивал себя с иудейским царем Соломоном, который тоже пришел к власти в молодом возрасте, но управлял страной успешно и облагодетельствовал свой народ. Московский царь мечтал уподобиться Соломону, чтобы «позаботиться о мудрости, с которою все блага от бога людям даруются» [1]. Предполагалось, что в будущей Академии будут преподаваться грамматика, пиитика (теория стихосложения), риторика, диалектика (то есть логика), философия, естествознание, право и, разумеется, богословие. Но эти проекты остались нереализованными: 27 апреля 1682 г. царь Федор Алексеевич скончался в возрасте 22 лет, не оставив распоряжения о престолонаследии.

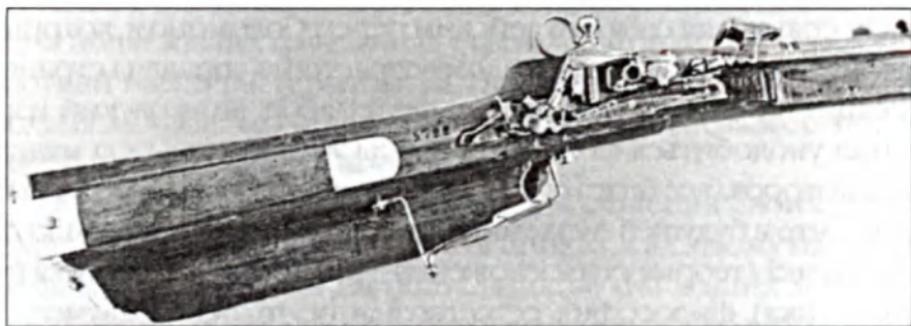
Стрелецкий бунт 1682 года

Сразу после смерти Федора Алексеевича разгорелась борьба за власть между сторонниками Милославских и Нарышкиных. Помимо происхождения царские родственники из враждующих фамилий различались воспитанием. Симеон Полоцкий был наставником не только Федора, но и всех старших детей Алексея Михайловича (в том числе и царевны Софьи). Благодаря этому они получили образование и воспитание с сильным влиянием южно-русского богословия и польских традиций. Наталья Кирилловна Нарышкина, являвшаяся воспитанницей Артамона Матвеева, «впитала в себя влияние западноевропейской культуры» [5].

Ивана, брата умершего царя, предлагали посадить на трон его старшая сестра Софья и весь клан Милославских во главе с опытным интриганом Иваном Михайловичем. Ученица Симеона Полоцкого Софья имела представление о том, как живут принцессы в других государствах. Судьба, ожидавшая русскую царевну при российском дворе, не имела с их жизнью ничего общего.

В Москве царевны всю жизнь проводили в хоромы со служанками. Даже в церковь они ходили скрытыми переходами, а во время богослужения тихо и незаметно стояли где-нибудь в углу. На пасхальные богомолья, совершавшиеся в монастырях, царевны ездили в закрытых каретах.

Замуж их никто не брал: выходить за своих подданных запрещал старый обычай, а иностранцы знатных кровей не про-

Кремневый замок и приклад стрелецкой пищали (конец XVII в.)

являли стремления породниться с Россией. Однако попытки такого рода случались, хотя и неудачные. Один немецкий принц при Алексее Михайловиче просидел в Москве целых три года, святая его дочь, да так и не увидел невесты.

Впрочем, вряд ли заморские принцы стремились бы добиваться руки Софьи, разве что из политических соображений. Видевший в то время российскую царевну француз Невиль описывал ее так: «В духе и достоинстве принцессы Софии ничего не было от безобразия ее тела. Она была чудовищно толста, имела большую голову с волосами на лице, ноги в волчанке и возраст по крайней мере в сорок лет» [3]. На самом деле Софье тогда исполнилось 25 лет. Но решительности ей хватало: характером она пошла в своего прадеда — патриарха Филарета.

Пока болел Федор, Софья познакомилась у его постели с главными царедворцами: Иваном Михайловичем Милославским, Василием Васильевичем Голицыным и Иваном Андреевичем Хованским, которые с удивлением обнаружили, что царевна умна. Милославскому, как и самой Софье, нечего было ждать от правления Петра, за которым стояли Нарышкины. Поэтому они решили поддержать Ивана Алексеевича, устранить Нарышкиных и выдвинуть вперед Софью.

Милославский отыскивал единомышленников — своего племянника Александра («злодейственного и самого грубияна» [3]), двух братьев Толстых, стрелецких полковников Ивана Цыклера, Ивана Озерова и некоторых других. Основная надежда была на стрельцов.

Впрочем, 27 апреля, в день смерти Федора, стрельцы вместе с дворянами, купцами и горожанами выступали за Петра. Многие бояре ожидали возмущения и в целях безопасности яви-

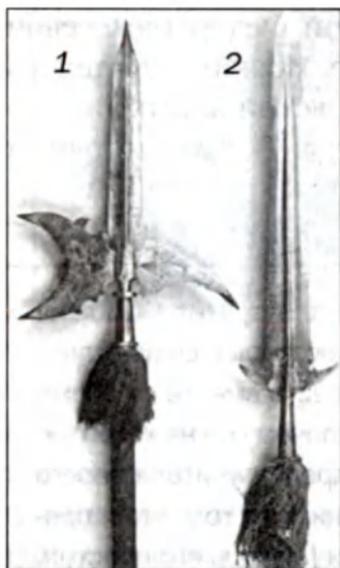
лись на избрание в панцирях под одеждой. Федор Алексеевич не указал преемника, поэтому патриарху Иоакиму пришлось собрать в Кремле представителей московской знати и спросить: «Кого в цари?» Все закричали: «Петра!» Только дворянин Максим Самбулов и некоторые из его друзей кричали: «Ивана!» Может быть, уже тогда Самбулов был в числе заговорщиков.

Существует предание, что через много лет Петр встретил Самбулова в одном из северных монастырей, где царь остановился на отдых. Хмурый и оробевший монах, не пожелавший сесть вместе со всеми за стол, и был Самбулов. Петр спросил у него, почему он не хотел видеть его царем. Самбулов процедил: «Иуда предал учителя своего Христа за тридцать сребреников. Что же странного в том, что я предал тебя, не учителя мне, за большие деньги?» [3] Царь его простил.

Как полагалось, после избрания царя устроили пир. Нарышкины решили, что теперь все наладилось окончательно. Всех высланных родственников и друзей призвали обратно в Москву. Матвеев был уже близко. Но 29 апреля состоялись похороны Федора Алексеевича, на которые неожиданно явилась Софья. Наталья Кирилловна настолько разгневалась, что ушла вместе с Петром до окончания церемонии. А Софья, выйдя из церкви, заплакала, причитая: «Видите, как брат наш царь Феодор неожиданно отошел с сего света, отравили его враги зложелательные; умилосердитесь над нами, сиротами, нет у нас ни батюшки, ни матушки, ни брата; старший брат наш Иван не выбран на царство; а если мы перед вами или боярами провинились, то отпустите нас живых в чужие земли, к королям христианским!» [1] Окружающие смотрели на нее сочувственно.

А стрельцы между тем продолжали требовать суда над своими полковниками. Мало того, уже безо всяких челобитных они сами расправлялись с пятисотскими и более мелкими начальниками. У своих съезжих изб стрельцы завели «казачьи круги», на которых наскоро разбирали все дела. Неудобных сбрасывали с каланчи вниз и при этом кричали: «Любо! Любо!»

В Кремле с каждым днем все более ощущалась тревога. По-немногу стрельцам начали уступать: полковников, на которых были поданы жалобы, снимали с должности, штрафовали и били кнутами. Сами стрельцы следили за тем, как исполнялось наказание, и определяли, кому сколько ударов назна-

Оружие стрельцов
(западноевропейские
заимствования):

- 1 — алебарда;
2 — протазан

чить. К чему это может привести, понимал, казалось, только патриарх. Он письменно обращался к стрельцам, уговаривая их одуматься. Однако те уже никого не слушали.

Люди Милославского и Софьи ходили по полкам, убеждая служивых в том, что выбрали не того царя. Сам Милославский, чтобы не навлекать на себя подозрений, сказался больным — лежал в теплых отрубях, обложенный горячими кирпичами, и принимал доклады своих агентов. Софья тоже пока не показывалась, вела обычную жизнь царевны. С единомышленниками она общалась при помощи казачки Федоры Семеновой по прозвищу Родимица. Та раздавала стрельцам деньги и обещала им всякие милости за поддержку царевны.

Когда разобрались со всеми полковниками, стрельцы ненадолго утихли. Им досталось много подарков и денег, изъятых у бывших командиров. Опекуны Петра снова успокоились, для верности отстранили от должностей Языкова и Алексея и Михаила Лихачевых, а на их место назначили троих Нарышкиных.

Между тем люди Милославских действовали умело: во многих стрелецких полках зрело недовольство Нарышкиными. Стрельцам говорили, что Иван Нарышкин примеряет царский венец на себя, а царя Петра хотят погубить. При этом указывалось на то, что Нарышкины вообще вознеслись над старыми боярами. Стрельцы вновь стали возмущаться. Ждали только Матвеева, чтобы сразу расправиться со всеми негодными людьми по особому списку.

11 мая Матвеев появился. Еще в пути его встретили семеро стрельцов и стольник Семен Алмазов. От них он узнал, что заговорщики хотят его убить. Но когда Матвеев въехал в Москву, его встретили, как родного отца. Нарышкины старались показать, что видят в нем своего спасителя. За три дня Матвеева посетили все московские дворяне (за исключением

«больного» И.М. Милославского), представители от купцов, горожан и тех же стрельцов. Матвеев не одобрил возвышения младших Нарышкиных, но никаких признаков готовящегося заговора не обнаружил.

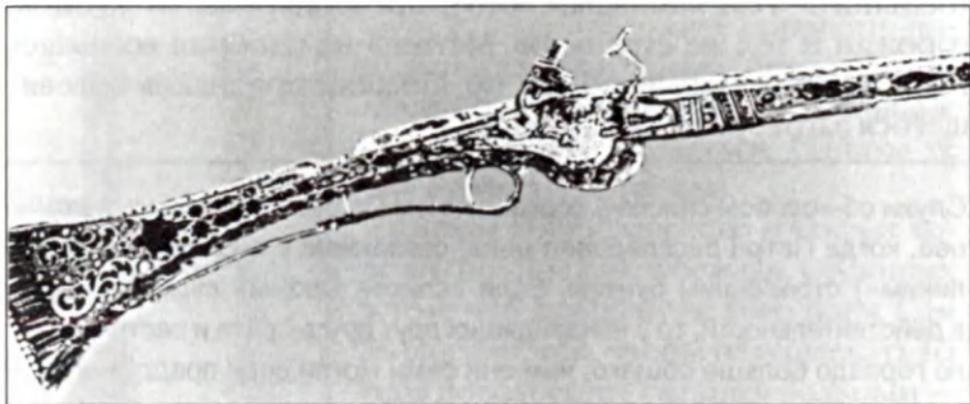
Слухи об «особом списке», составленном Софьей, появились позднее, когда Петр I расследовал дела, связанные с последним («великим») стрелецким бунтом. Если «список Софьи» существовал в действительности, то у ненавидящих друг друга брата и сестры было гораздо больше общего, чем они сами могли себе представить.

Бунт начался рано утром 15 мая. Петр Толстой и Александр Милославский объехали полки, говоря стрельцам, что Нарышкины задушили царевича Ивана Алексеевича, поэтому надо спасать царя Петра. Таких вестей здесь явно ожидали. Все полки, кроме Сухаревского, в полном вооружении, а также с иконами и хоругвями двинулись к Кремлю. Длинные древки копий заранее обрубали, чтобы удобнее было обращаться с оружием. В этот момент в Кремль, откуда бояре уже расходились, прибежал князь Урусов с известием о приближении стрельцов. Защищать Кремль было некому, и ворота закрыть не успели. Нарышкины и преданные им бояре собрались в Грановитой палате на совет.

Сначала стрельцы завели речь о царевиче Иване Алексеевиче. Матвеев посоветовал царице выйти с обоими мальчиками (Иваном и Петром) на крыльцо и показать, что они живы. Появление Ивана несколько смутило бунтовщиков. Затем особенно дерзкие из них притащили лестницы, залезли по ним к крыльцу и стали разглядывать царевича. «Ты Иван?» — спрашивали они.

Петр, по свидетельствам очевидцев, смотрел на все спокойно, не изменяясь в лице. Но самое страшное было впереди. «Не убили Ивана — значит, еще убьют!» — рассудили стрельцы. Люди Милославского напомнили, что изменники пока еще не наказаны. Всех неугодных потребовали к Софье и Милославскому.

В это время на крыльцо дворца вышел Матвеев. Он напомнил, как стрельцы успокаивали разных смутьянов — от Разина до восставших в Коломенском холопов, как славно они бились с турками и с поляками. Потом посоветовал разойтись, обе-

Кремневый замок и приклад детской пищали царевича Петра (1688)

щая, что все их просьбы будут рассмотрены. Стрельцы замялись: Матвеев пользовался среди них авторитетом.

Дело испортил Михаил Долгорукий, начальствовавший вместе с князем Юрием в Стрелецком приказе. Решив показать свою власть, он заявил стрельцам: «Ступайте по домам, полно буяннить, разберемся и без вас!» Разъяренные его словами стрельцы стащили тучного боярина с крыльца и бросили на копья. Патриарха, пытавшегося вмешаться, не стали слушать. Царица поспешила увести Петра и Ивана во внутренние покои дворца.

Стрельцы бросились в Грановитую палату, чтобы найти изменщиков и расправиться с ними. Как потом рассказывали, Матвеева пыталась заслонить сама царица, но ее отбросили. Вступившийся за Матвеева князь Михаил Алегукович Черкасский был сильно ранен. Самого Матвеева сбросили на бердыши и зарубили насмерть. После этого началась резня, продолжавшаяся весь день.

Малолетний Петр видел, как зарубили Григория Ромодановского, который был воеводой в походе против турок. Расправившись с «изменщиками», стрельцы начали хозяйничать во дворце, убивая попадавших под руку слуг. Того, что происходило дальше, Петр не видел, но он знал обо всем по рассказам.

Стрельцы расправлялись с неудобными по списку Милославского, полагая, что спасают государство от изменников. Были и случайные жертвы: глава Стрелецкого приказа Долгорукий просто попал под руку, а Федора Салтыкова спутали с Иваном Нарышкиным. Однако перед отцами «невинно уби-

Наталья Нарышкина спасает сына Петра во время бунта стрельцов (фрагмент гравюры из книги «Живописный Карамзин», 1838)

енных» стрельцы извинялись. «Божья воля», — сказал старик Салтыков, узнав о гибели сына, и даже нашел в себе силы напоить пришедших стрельцов вином.

Отец Долгорукого, парализованный старик, сделал то же самое. Но едва стрельцы ушли, он сказал жене: «Не плачь! Щуку-то они съели, да зубы остались, недолго им побунтовать, скоро будут висеть на зубцах по стенам Белого и Земляного города» [1]. Услышавший это холоп бросился за стрельцами. Они вернулись, убили хозяина и ограбили дом. Уходя, стрельцы бросали на тело старика Долгорукого соленую рыбу, приговаривая: «Вот, ешь рыбу, зубастый!» [4]

В церкви Воскресенья стрельцы схватили шута Хомяка и заставили показать, где прячется его хозяин Афанасий Нарышкин. По указке шута Нарышкина отыскиали в церкви за алтарем, откуда выволокли за волосы на паперть и там забили. Стрельцы грабили дома своих жертв, вытаскивали из погребов вино и тут же напивались. Жены стрельцов наряжались в одежду боярынь.

В тот же день бунтовщики разгромили Судный и Холопий приказы. Они порвали все бумаги, по которым записывали в холопы, крича при этом: «Все, теперь вы свободны!», и отправились далее «гулять» по Москве. Ивана Языкова узнал на

улице холоп. Бывший царский фаворит сунул ему перстень и просил не выдавать. Холоп хотя и взял перстень, но указал стрельцам на Языкова.

Когда совсем уже стемнело, стрельцы заперли ворота в Кремле и Китай-городе, расставили караулы и обещали вернуться. Вряд ли кто-нибудь спал этой ночью во дворце. Ивана Нарышкина, прятавшегося в палатах царицы, провели в покои малолетней царевны Натальи.

Всех убитых стрельцы стаскивали на Красную площадь, приговаривая: «Вот едет боярин Матвеев! А вот Григорий Григорьевич Ромодановский! Дайте дорогу!» Тела убитых разрубали на части, заставляя публику (народ сгоняли насильно) кричать: «Любо! Любо!»

На следующее утро все повторилось. Но по Кремлю стрельцы рыскали уже не столь ретиво — многие из них были пьяны, другие отправились грабить подмосковные села. Петра Фомича Нарышкина отыскивали в его поместье. Доктора Даниила фон Гадена, чем-то насолившего Милославскому, бунтовщики нашли только на третий день. Переодевшись в крестьянскую одежду, он скрывался в лесу и лишь ненадолго пришел в Немецкую слободу поесть у знакомого. Схваченный сын фон Гадена сказал, что доктор укрывается у соседа, датского посланника.

Заканчивался третий день бунта, а стрельцы все требовали выдать Ивана Нарышкина. Где именно он находился вместе с 16-летним Андреем Матвеевым и еще несколькими дворянами, знала только спальница царевны Натальи Клущина. Она посоветовала беглецам спрятаться в чулане, а для отвода глаз (чтобы стрельцы не догадались) приоткрыла дверь. Окошко в чулане было маленькое, за сложенными перинами было трудно кого-нибудь заметить. Когда очередь дошла до покоев царевны, стрельцы прошли мимо, ткнув несколько раз в перины копьями. Андрея Матвеева, переодетого в платье конюха, вывел из Кремля любимый карлик Петра Комар.

Иван Нарышкин был нужен в первую очередь Софье, которая в разгар бунта назначила новое правительство. Туда вошли все главные заговорщики: Милославский, Василий Голицын, Иван Хованский с сыном Андреем. Между тем стрельцы,

считавшие себя искоренителями измены, намеревались идти до конца.

Софья и новые правители делали вид, что они не имеют к бунту никакого отношения. Они играли роль людей, которые в страшное время взяли на себя ответственность за судьбу страны. Софья заявила Ивану Нарышкину, что «великая необходимая нужда требует отдаться стрельцам» [4]. Перепуганные бояре согласились с тем, что надо принести еще одну жертву.

Ивана Нарышкина провели в Успенский собор и причастили. Софья посоветовала ему взять икону и идти с ней в сопровождении царицы — может быть, стрельцы сменят гнев на милость. Однако стрельцов не смутили ни икона, ни присутствие царицы и Софьи. Ивана Нарышкина схватили и поволокли пытать в Константиновский застенок. От него требовали признания в том, что он участвовал в заговоре против царя. Нарышкин молчал.

Пытали также и доктора фон Гадена: его спрашивали, готовил ли он вместе с Матвеевым яд, чтобы отравить царя. Под пытками старик признал себя виновным и просил дать еще три дня, обещая после этого срока назвать поименно всех «изменников». Но стрельцы не согласились ждать: они разорвали прежние показания доктора, а его самого поволокли на Красную площадь. Здесь его вместе с Иваном Нарышкиным убили. Беременную жену фон Гадена с трудом спасла вдов-

Грановитая палата (современная фотография)

ствующая царица Марфа Апраксина. Вечером третьего дня стрельцы объявили, что «расправа» завершена и можно забрать тела для погребения.

Наступило затишье. Софья фактически управляла всем начиная с 16 мая, второго дня бунта. Теперь стрельцы высказывали свои требования через нового главу Стрелецкого приказа Ивана Хованского. На следующий день после окончания резни они подали челобитную, прося постричь в монахи отца царицы, Кирилла Нарышкина. Эта просьба была исполнена. Затем стрельцы выдвинули новое требование — сослать всех оставшихся Нарышкиных, Лихачевых, Языковых, Андрея Матвеева и прочих людей, враждебных Милославским.

Таким образом, двор был очищен для Софьи. А 23 мая Хованский сообщил, что стрельцы хотят на трон Ивана и Петра вместе, а правительницей при них Софью. Таких случаев еще не было на Руси, но образованная Софья быстро отыскала пример в римской истории: дева Пульхерия правила в Риме вместо своих малолетних братьев Аркадия и Гонория.

Спешно принялись изготавливать для Ивана вторую «царскую утварь»: крест, бармы, скипетр, державу, венец. Тем временем стрельцы, поостыв, одумались. Им стало страшно:

а не поднимется ли вся Россия, не соберется ли дворянское ополчение, если на них пожалуются?

В новой челобитной содержалась просьба официально признать, что стрелецкое войско не бунтовало, а искрененно изменило, а на Красной площади установить по этому случаю памятный столб. Софья исполнила и это желание. На прибитых к столбу чугунных досках были перечислены заслуги стрельцов и фамилии казненных ими бояр.

Кроме того, Софья распорядилась выдать каждому стрельцу по 10 рублей из мо-

Стрелец (гравюра, XVII в.)

настырской казны, которую цари никогда не трогали, за исключением крайних случаев. (Позднее, чтобы расплатиться со стрельцами, Софья велела собирать у населения серебряные вещи и чеканить из них монеты.)

Казалось бы, царевна могла праздновать победу. Однако реальной власти Милославские не получили, так как она полностью находилась в руках стрелецких полков. Очевидно, Софья понимала, что, если хотя бы на время не удовлетворить требования стрельцов, вслед за Нарышкиными могут отправиться и Милославские. Стрельцы были переименованы в «надворную пехоту» и получили право подавать свои жалобы напрямую государям, а не главе приказа.

Хованщина

Хованский во всем потакал стрельцам, они хозяйничали в Москве все лето. По их челобитной издали вызвали старого полковника Янова, пытали его и казнили. Потом среди стрельцов появились раскольники — сторонники протопопа Аввакума, отлученные от Церкви собором 1666—1667 гг. С помощью стрельцов они надеялись вернуть «старое благочестие». Раскольникам сочувствовал и сам Хованский. Услышав, что стрельцы хотят узнать у патриарха, почему запретили старую веру, он очень обрадовался. Решили устроить ученый диспут по церковным догматам (выяснить, чья вера правильнее).

Представители от раскольников начали прибывать в Москву и проповедовать среди горожан. Первым из таких проповедников оказался суздальский монах Никита по прозвищу Пустосвят. Он был речист и вызвался возглавить беседу с патриархом Иоакимом. Почти все расхождения между старообрядцами-раскольниками и новыми православными касались церковных обрядов. Для Никиты было весьма важно, чтобы Ивана и Петра венчали на царство по «старой, правильной вере». Поэтому диспут должен был пройти до венчания братьев на царствование.

Хованский уговорил раскольников перенести диспут, а на венчание царей принести свои просфоры с «правильным» крестом, а не «четыреконечным крыжом», как называли

знак креста, введенный патриархом Никоном. (Увы, во время венчания Никита, застряв в толпе, не смог пробиться к Кремлю, и просфоры в конце концов съели его единоверцы.)

Ивана венчали «первым царем», а Петра — «вторым». Венчание прошло гладко. Бояре и все прочие присягнули на верность малолетним царям, при которых Софья стала регентшей (правительницей). Народ долго праздновал это событие.

Намеченный диспут устроили в Грановитой палате, а не на площади, хотя раскольники боялись, что без поддержки стрельцов их убьют. В споре хотела участвовать сама Софья Алексеевна, а ей появляться на площади было неприлично. Во время диспута рассуждения Никиты по поводу церковных книг и проклятья в адрес Никона разъярили Софью. Она сказала: «Если Арсений и Никон-патриарх еретики, то и отец наш и брат такие же еретики стали; выходит, что и нынешние цари не цари, патриархи не патриархи, архиереи не архиереи; мы такой хулы не хотим слышать!» [1]

Правительница Софья Алексеевна (иллюстрация к книге «Российский царственный дом Романовых», 1852—1853 гг.)

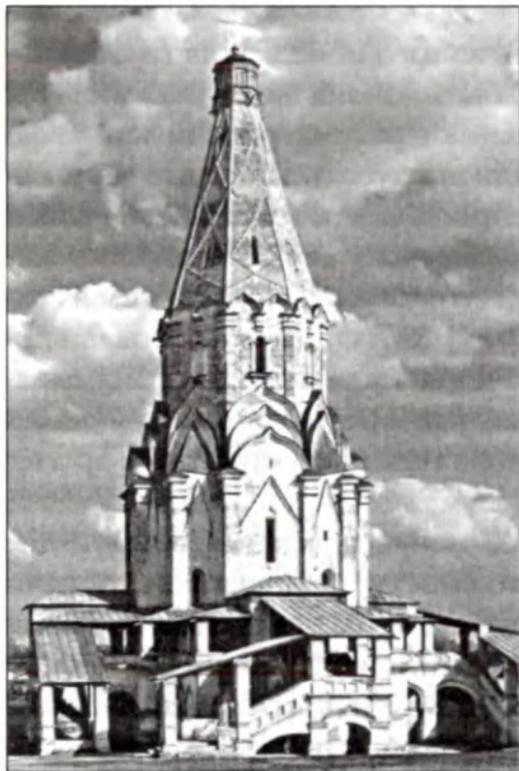
Хотя в споре не оказалось явного победителя (в сложившихся условиях его не могло быть изначально), уже сам факт проведения диспута раскольники рассматривали как свою победу. Но стрельцы перестали выступать за старую веру, как только Софья собрала их и спросила, кто им важнее — она и государи или шесть чернецов-монахов. Стрельцы легко выдали доверившихся им людей со словами: «Черт ли нам в старой вере, пусть попы спорят!» [2] Они снова потребовали денег, которые были им выплачены. Царевна приказала схватить сторонников Аввакума, как еретиков, не сумевших доказать своей правоты. 11 июля Никиту Пустосвята и других раскольников казнили.

Стрельцы становились все менее надежной опорой для Софьи — при любой возможности они шантажировали Кремль. Об этом свидетельствовало их поведение во время диспута: стрельцы с пренебрежением относились к попыткам Софьи вмешаться в диспут и Хованского слушали «гораздо более, чем повиновались правительству» [5].

Хованский тоже боялся, что соберется дворянское ополчение, но тем не менее продолжал, опираясь на стрельцов, диктовать свою волю Кремлю. Среди народа, как и при дворе, он не пользовался уважением: за склонность к пустым разговорам и обещаниям Хованского называли Тараруем (болтуном). Многих раздражала его привычка гордиться древностью рода: Хованский происходил от литовских Гедиминовичей, поэтому считал себя знатнее Милославских и Нарышкиных.

Пользуясь обстоятельствами, Хованский ловко вел свою игру, лавируя между Софьей и войском, возбуждая в стрельцах недовольство правительством. Например, он жаловался на недостаток денег в своем приказе, что не позволяло ему вознаградить их как следует.

Поскольку Хованский не мешал стрельцам жить согласно их вкусам и наклонностям, его популярность в стрелецком войске росла. В Москве пошли слухи о том, что князь задумал сместить Милославских и завладеть престолом для себя и сына. Софья чувствовала, что опасность, угрожавшая ей со стороны Хованского и стрельцов, растет изо дня в день, а Иван Михайлович Милославский отсутствовал в это время в Москве: все лето он прятался по деревням, скрываясь. Забрав Ивана и Петра, она выехала в Коломенское и уже оттуда направи-

*Церковь Вознесения
в Коломенском
(заложена в 1532 г.)*

лась в Троице-Сергиев монастырь, приказав собираться дворянскому ополчению.

Отъезд царевны слегка отрезвил стрельцов и даже внес смятение в их ряды. Из спасителей Отечества они превращались в мятежников, а значит, были вне закона. Стрельцы отправили к Софье послов, желая убедить царевну в отсутствии злого умысла и уговорить ее вернуться в Москву. Софья отказалась, но, стремясь выиграть время, на словах постаралась успокоить стрельцов. Оставалось только найти способ для того, чтобы выманить Хованского из Москвы.

Предлог нашелся довольно быстро: всем боярам велели явиться в село Воздвиженское для встречи сына гетмана Самойловича. Направился туда и князь Хованский, не ожидавший никаких неприятностей от этой поездки.

17 сентября, празднуя свои именины в Воздвиженском (Софья сделала там остановку по пути в монастырь), царевна объявила Хованского государственным преступником, замышлявшим покушение на жизнь царей. Доказательством послужило подброшенное письмо, адресованное Ивану и Петру.

Боярская дума, собравшаяся праздновать именины правительницы, вынесла смертный приговор князю и его сыну. Находившийся в составе ополчения боярин Михаил Лыков, получив приказ Софьи арестовать Хованского, с небольшим отрядом напал на лагерь главы Стрелецкого приказа. Наскоро прочитав царский указ, здесь же, у Большой Московской дороги, Хованского обезглавили, а затем отрубили голову и его сыну Андрею.

Второй сын Хованского — Иван — уцелел. Он прибежал в Москву и объявил стрельцам, что их благодетеля убили. Стрельцы стали спешно готовиться к защите Кремля, однако воевать со всей Россией им не хотелось. Михаил Головин, присланный в Москву градоправителем, склонил их к миру. Стрельцы выбрали челобитчиков и послали их к Софье.

Софья простила стрельцов. Они выдали второго сына Хованского, сами сломали памятный столб, возведенный на Красной площади по их требованию, и повинились в бунте. В ноябре двор вернулся в Москву. По пути в столицу не обошлось без происшествий. Когда все находились еще в Воздвиженском, в палатах, где спал Петр, вспыхнул пожар. Наталья Кирилловна едва успела спасти сына. Но вряд ли это был коварный замысел Софьи: в то время строения в России были главным образом деревянными, а потому горели часто.

Новым начальником Стрелецкого приказа был назначен думский дьяк Федор Леонтьевич Шакловитый. Весной стрельцы снова намеревались бунтовать, но Шакловитый пресек эту попытку и казнил основных зачинщиков.

Итак, в России воцарилась Софья со своей «партией». Но страшные события 1682 г. на всю жизнь отложились в памяти Петра. Считается, что именно с этого времени у малолетнего царя появились судороги. Повзрослев, Петр не смог избавиться от детских кошмаров: старое русское платье и борода связывались в его представлении с ненавистным образом бунтовщика.

РЕГЕНТСТВО ЦАРЕВНЫ СОФЬИ

Годы правления царевны Софьи были относительно благополучными — особенно на фоне предшествующих стрельецких бунтов и последующих (весьма болезненных для страны) реформ Петра. Можно сказать, что Софья неспешно подталкивала Россию к Западу, ориентируясь на католическую Польшу. Вместе с тем, будучи регентшей при малолетних правителях, Софья стремилась исподволь делать все возможное для того, чтобы в будущем сохранить власть за «партией» Милославских.

Братья Голицыны

В новое правительство из сторонников Петра вошел только Борис Алексеевич Голицын — Софья пошла на эту уступку «для потешения» Нарышкиных. Голицыну доверили Казанский приказ, ведавший всеми делами поволжских земель. Князь Борис приходился двоюродным братом Василию Васильевичу Голицыну, помогавшему Софье захватить власть. Борис Голицын, как и его брат, был «ума великого, а особливо остроты, но к делам неприлежный и склонен к питию» [3]. Он практически не управлял Поволжьем (тогда оно называлось Низом), а лишь выкачивал оттуда деньги и за семь лет едва не разорил этот край.

Как утверждали современники, его двоюродный брат Василий Голицын стал первым министром в государстве исключительно «по особенной инклинации и амуру (склонности и любви)» [6] царевны Софьи. Между ними и в самом деле установились романтические отношения, продолжавшиеся в течение семи лет.

Справедливости ради стоит сказать, что кроме привлекательной внешности у Василия Голицына были и другие поло-

Первый министр В.В. Голицын (с гравюры)

жительные качества. Он был умен и хорошо образован даже по европейским меркам — знал латынь, греческий, немецкий и польский языки. В доме у него имелись картины, книги и разные иноземные диковинки. Так же, как в свое время царь Алексей Михайлович выдвинул Артамона Матвеева, Софья назначила князя Василия «царственные большие печати и государственных великих посольских дел оберэгателем» [1].

Наставники Петра

По возвращении в Москву Петр сразу выехал в Преображенское, где ему было комфортнее, чем в столице. Возможно, старозаветная Москва напоминала десятилетнему мальчику о стрелецком бунте, поэтому он стремился быстрее покинуть ее. Царь никогда не любил этого города и, вероятно, поэтому впоследствии перенес столицу России в Петербург. Заодно

Сержант
Преображенского полка

с Петром Софья поспешила отправить в Преображенское всех неудобных во главе с царицей Натальей, мотивируя это «малолетством царя». Большую часть времени Петр был предоставлен самому себе и мог заниматься тем, что было ему по душе. С ранних лет он проявлял интерес к ремеслам. Специально для него в Преображенское доставляли плотницкие и столярные инструменты, кузнечные мехи и молот. Будучи взрослым, Петр в совершенстве владел по меньшей мере дюжиной ремесел, причем особого мастерства он достиг в плотницком и токарном деле. Тяга к физическому труду резко отличала Петра от его царствующих предшественников и преемников.

В 1683 г. Петру назначили учителя — думского дьяка Никиту Зотова. Он был достаточно образованным

для своего времени человеком (это удостоверил на особом экзамене сам Симеон Полоцкий). Тем не менее собственных знаний наставников хватало лишь на то, чтобы научить юного царя читать, писать, заучивать тексты из богослужебных книг. К тому же Никита Зотов страдал немалым пристрастием к хмельному, что мешало ему придерживаться какой-либо методики в преподавании: сведения из разных наук, полученные Петром, были весьма обрывочными.

*Солдат потешного полка
(с гравюры XVII в.)*

Строго говоря, в годы обучения Петр не прошел даже курса, который обычно преподавали царевнам. Между тем в зрелом возрасте он обнаруживал глубокие познания в истории, географии, артиллерии и фортификации. Этим Петр был обязан собственной одаренности, живому и восприимчивому уму, привычке к самообразованию. Впрочем, ему удалось восполнить не все пробелы: до конца жизни царь писал с орфографическими ошибками.

Кроме того, наставником («дядькой») Петра числился князь Борис, но тот не утомлял юного царя ученьем, а позволял ему делать все, что захочется. Впрочем, это происходило не потому, что Борис Голицын пренебрегал своими обязанностями: он искренне любил Петра, и Петр отвечал ему тем же.

Считается, что благодаря Борису Алексеевичу Петр вылез из водобоязни. Этой болезнью он страдал с пяти лет. Как-то весной вместе с матерью маленький Петр выехал на богомолье. Начался бурный паводок, все реки переполнились. Когда Петр, заснувший на коленях у матери, проснулся от ее крика, вся карета была заполнена водой. С тех пор Петр старался к открытой воде не приближаться.

Князь Борис решил эту проблему хитрым образом. Он взял юного царя с собой на охоту и незаметно завез к реке. «Зачем мы здесь?» — перепугался Петр. Голицын объяснил,

позволяли производить пальбу из пушек и вести военные игры с участием сверстников.

Заказы от Петра приходили чуть ли не еженедельно. Из Москвы в Преображенское везли барабаны, знамена, оружие, а заодно — заводные часы, седло и «глебос» (глобус). Поскольку упомянутый «глебос» очень скоро потребовалось чинить, очевидно, что его использовали не для учения. Петр неустанно обследовал окрестные деревни и монастыри, собирая себе «игрушки». В этом ему помогали друзья и слуги.

От царя Алексея Михайловича в Преображенском осталось несколько служб, в которых теперь не было никакой нужды. Царь Алексей любил охотиться, а новых московских правителей это занятие не интересовало: Иван часто болел и вообще был человеком тихим, из своей резиденции выезжал редко. Софья в таких забавах участвовать тоже не могла — достаточно было того, что она вопреки российским обычаям показывалась с тремя сестрами на публике и по-мужски руководила делами в государстве. Одним словом, в полном распоряжении Петра оказались конюхи, сокольничие, псары и ловчие, оставшиеся после смерти Алексея Михайловича без дела. В конце 1683 г. Петр собрал из этих людей полк. К слову, многие конюхи и сокольничие были не совсем простыми людьми, а «породными», но Петр брал в полк и слуг. Через брата Ивана он вытребовал разрешение нанимать в полк молодых мужчин и платить им жалованье.

Первым официальным солдатом будущего Преображенского полка был объявлен (правда, уже задним числом) Сергей Бухвостов. Впоследствии, став императором, Петр приказал итальянцу Растрелли отлить медный бюст Бухвостова. Для обучения конюхов военным премудростям были наняты разные «немцы». Дьяки Оружейной палаты сбивались с ног:

Никита Зотов обучает царевича Петра (миниатюра, XVII в.)

А.Д. Кившенко. Военные игры потешных войск Петра I под селом Кожухово

заказы на сукно для мундиров и оружие следовали один за другим, их не успевали записывать.

«Марсовы потехи» в Преображенском шли полным ходом. В 1685 г. Петр затеял на берегу Яузы строительство крепости, дав ей название Плесбурх (в честь австрийской крепости Пресбург). В 1686 г. в Преображенском возник военный городок с жилыми помещениями для Петра и потешных солдат, амбарами для хранения пушек и оружия. Крепость была обнесена деревянными стенами с башнями, а снаружи еще и земляным валом.

Со временем потешный полк сильно разросся. Сначала в нем выделились два батальона по триста человек. Потом, в 1687 г., пришлось часть людей перевезти в соседнее село Семеновское. Так появились два полка, которые соответственно стали называться Преображенским и Семеновским (впоследствии они составили костяк российской регулярной армии). Туда стали принимать и детей благородного происхождения, из бояр. Например, малолетний Михаил Голицын был записан в Семеновский полк барабанщиком. Царь Петр тоже значился сначала рядовым, потом сержантом. Впоследствии из потеш-

ных полков вышли фельдмаршалы Александр Меншиков и Михаил Голицын, адмирал Федор Апраксин, многие генералы. Поначалу офицерами были только иностранцы, но во главе потешных войск Петр I поставил русского — Автонома Головина. Понемногу Петровы полки становились реальной силой.

Наталью Кирилловну слегка беспокоило увлечение сына, который вел себя как-то не по-царски. Однажды она попросила бояр сводить его на охоту. Петр не любил охоту, но не посмел отказать матери. Утра он явился туда, где его ждали бояре со всеми слугами, псарями и сворой собак. Петр решил схитрить и заявил, что намерен развлекаться лишь в компании благородных людей, а не всякой черни. Бояре согласились, отпустили псарей, но сами справиться с собаками не смогли. Петр посмеялся, глядя на эту суматоху, и заявил: «Царю подобает быть воином, а охота есть занятие холопское» [3]. Со временем Наталья Кирилловна смирилась с военными забавами сына.

Ни с чем не могла сравниться страсть Петра к мореплаванию и кораблестроению. По признанию самого царя, это увлечение началось с того, что однажды Яков Долгорукий упомянул в разговоре об астролябии. Князь Яков Федорович Долгорукий был сторонником «партии» Нарышкиных. Петр любил его и своей (пусть пока еще малой) властью возвышал. Он сделал Долгорукого стольником (в обязанности стольника входило прислуживать царю за столом), и князь был благодарен ему за это.

Зная, что царь интересуется разными диковинками, князь сказал, что когда-то у него был прибор, которым можно измерять расстояние, не сходя с места. Петр попросил привезти ему такой из Франции (Долгорукий как раз отправлялся туда с посольским поручением). Так у него появилась астролябия, а в Немецкой слободе нашелся человек, умевший с ней обращаться. Им оказался поручик кавалерийского полка голландец Франц Тиммерман.

В Немецкой слободе Петр разыскал мореплавателя и кораблестроителя Брандта, который взялся отремонтировать ботик, поставить на нем паруса и обучить царя управлению ими.

Итак, Петр отправился в первое плавание — пока только по реке Яузе. Вскоре на Яузе Петру стало тесно: позднее он

вспоминал, что ботик то и дело упирался в берега. Тогда он перевез его на Просяной пруд в селе Измайлове, но и здесь не было нужного простора. Брандт посоветовал царю практиковаться на Плещеевом озере под Переяславом (Переславском озере). Однако Наталья Кирилловна не разрешила сыну туда ехать. Тогда Петр схитрил: отпросился в Троицкий монастырь на богомолье, а оттуда сбежал в Переяслав. Брандт с мастерами уже ждали его там. Втроем они и заложили верфь.

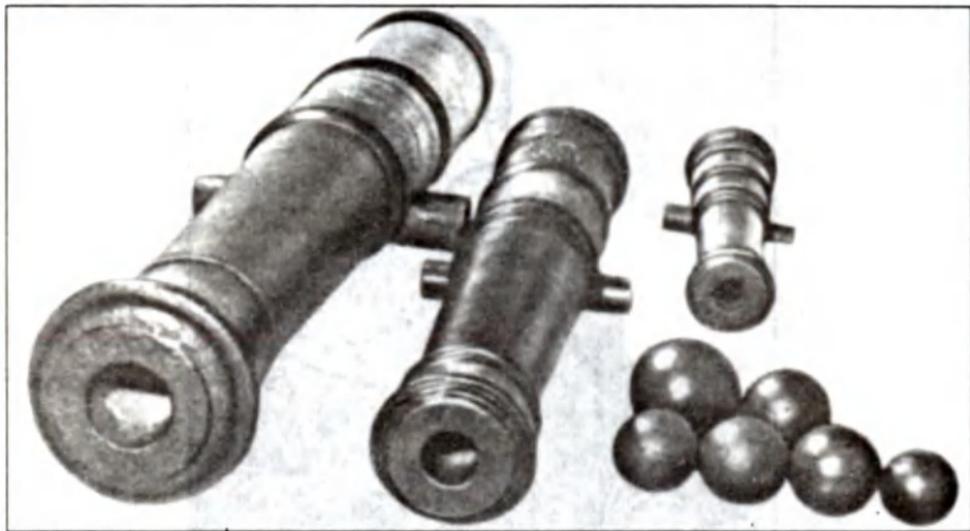
Наталья Кирилловна посылала сыну письма, требуя возвращения. Петр отписывался, отшучивался — ведь, по его мнению, он был занят серьезным делом: «В непрестанном плавании и увеселении изыскивал удобных действий во обращении и в деле парусов и искусстве строения» [7]. Время от времени он возвращался в Преображенское. Корабли на верфи продолжали строиться, и теперь он распределял свое время между полками, гуляньем в Кокуе и работами в Переяславе. Свой первый бот царь впоследствии называл «дедушкой русского флота» и даже отмечал юбилей его спуска на воду.

Царские обязанности

Ивану и Петру полагалось самим принимать послов. Для этого был сооружен двойной трон. Переговоры с иностранцами вели, разумеется, бояре. Другие царедворцы стояли в это время за тронном и через окошечко в спинке подсказывали царям, как им следовало себя вести (главным образом они должны были сидеть тихо, сохраняя надлежащую позу и подобающее выражение лица).

Однажды принимали шведского путешественника, секретаря посольства Кемпферта. В самом конце приема, когда наступило время прощаться с послом, стоявший за тронном боярин сноровисто взял сзади руку Ивана и снял ею шапку с его головы. Петр не стал дожидаться — сам сдернул шапку, вскочил и начал торопливо спрашивать о здоровье «брата нашего Карлуса» (шведского короля) и прочих интересовавших его вещах. Петру тогда было 11 лет, но Кемпферт, глядя на его бойкость решил, что ему 16.

Московский двор тоже удивлялся, глядя на молодого царя. Однажды после крестного хода Петр стал выпрашивать пат-

Стволы и ядра русских пушек

риарха о православных обрядах. Потом зашла речь о кремлевских укреплениях. Бояре провели юного царя по стенам и башням. Увидев пушки, Петр очень обрадовался и потребовал, чтобы ему дали пострелять. Бояре напугались, но Петр, вспомнив уроки Зоммера, выстрелил не хуже профессионального бомбардира.

Однажды его заинтересовали ученья стрельцов. Петр сам начал отдавать команды по «Артикулу», составленному еще царем Алексеем Михайловичем. Петру показалось, что команд слишком много: только для того чтобы приказать солдату выстрелить, нужно было отдать несколько распоряжений: «подыми мушкет ко рту», «содми с полки», «возьми пороховой зарядец», «посыпь пороху на полку» и тд.

Сократив число команд, Петр потребовал, чтобы один из стрельцов выполнил его приказ, отданный по-новому. Стрелец справился без труда. («Артикул» царь Алексей Михайлович составлял на основе венгерского устава, и стрельцам он никогда не нравился.)

Софья, казалось, была только рада тому, что «второй царь» не интересуется государственными делами и не помышляет об управлении. Существует, правда, и другая версия: Софья охотно финансировала из казны «потешные» забавы Петра, рассчитывая, что со временем он станет полководцем и большую часть времени будет проводить в военных походах, вдали от столицы. На войне смерть подстерегает даже венце-

*Иван V Алексеевич (иллюстрация к книге
«Российский царственный дом
Романовых», 1852—1853 гг.)*

носных особ, и, случись так, никто уже не мог бы заподозрить правительницу Софью в злом умысле.

Впрочем, обезопасить себя Софья не забыла. В 1684 г. она женила своего брата Ивана на Прасковье Салтыковой. Ею двигал дальний расчет: если, повзрослев, Петр попытается отнять у нее власть, его можно отстранить, а самой сделаться регентшей при сыновьях Ивана, законных наследниках трона. Правда, у Ивана пока рождались только дочери, но Софья продолжала надеяться на появление племянника.

Законы и проекты

В годы правления царевны Софьи продолжалась борьба с местничеством. На основе проекта, разработанного с участием Василия Голицына при царе Федоре Алексеевиче в 1682 г., был принят указ об отмене местничества. Однако некоторые бояре изыскивали способы, чтобы обойти указ, уклоняясь под тем или иным предлогом от назначения, кото-

рое не соответствовало их родовитости.

По инициативе Василия Голицына предполагалось провести преобразования в армии. По замыслам князя, регулярная российская армия должна была полностью состоять из дворян. При этом предполагалось, что дворяне, прошедшие курс обучения военному делу за границей, будут производиться в офицеры.

В своих нововведениях царевна Софья показала себя верной ученицей Симеона Полоцкого. При ней «умножилась коммерция и всякие ремесла, и науки почали быть... Также и политес (учтивость) восстановлена была в великом шляхетстве

(дворянстве) и других придворных с манеру польского — и в экипажах, и в домовом строении, и в уборах, и в столах» [4].

Один из наставников Софьи Сильвестр Медведев (в прошлом секретарь Симеона Полоцкого) печатал в московской типографии труды, не всегда нравившиеся патриарху. С точки зрения главы Русской православной церкви, пропагандируемые Медведевым «польские» новшества представляли собой сплошное «латинство» (католичество). Во время правления Софьи в России начали печататься и другие книги, в том числе учебник арифметики «Легкий щет (счет)» и «Астрономический календарь».

Чаша князя В.В. Голицына

«Вечный мир» с Польшей

Во время соцарствия (под таким названием вошло в историю семилетнее правление двух царей и царевны) Россия добилась некоторых дипломатических успехов. Хотя при Федоре Алексеевиче был заключен мир с турецким султаном, опасность с юга всегда угрожала России. Боялась турецкой

Политическая карта Европы в конце XVII в.

угрозы и Европа — особенно страны, с которыми Турция граничила: Австрия, Польша, государства Средиземноморья. В 1683 г. под покровительством Папы Римского сложилась антитурецкая коалиция. В нее вошли Австрия, Польша и Венеция. Предполагалось, что к ним присоединится Россия.

Фаворит Софьи Василий Голицын тем временем развивал дипломатию. Были подписаны договоры с империей Габсбургов («Священной Римской империей»), Англией, Голландией, Китаем. Объединиться в борьбе против турок мешали территориальные споры России с Польшей. Еще в Польской войне (1653–1667) русские отвоевали Киев, Смоленск, Чернигов, Дорогобуж, но официально эти города оставались за Польшей. С турками у России пока был мир, а Польша уже воевала. Наконец в Польше решили пойти на уступки и после 7-недельных переговоров в 1686 г. Голицын заключил с поляками «вечный мир». По условиям этого договора Левобережная Украина и Киев присоединялись к России, которая взяла

на себя обязательство в скором времени выступить против турок. Впрочем, Польше тоже отошли некоторые города (Полоцк и Витебск), кроме того, Россия выплатила ей 146 тыс. рублей выкупа.

Крымские походы Василия Голицына

Осенью 1686 г. по велению царевны Софьи Василий Голицын был поставлен во главе 100-тысячного войска, которое направилось на покорение Крымского ханства (по дороге на Крым к войску присоединились 50 тыс. казаков украинского гетмана Самойловича). Голицын собирался лишить Турцию главной опоры в регионе, где жили крымские татары. Однако его план не осуществился: из-за недостатка продовольствия в войсках начались болезни. В довершение загорелась степь, и Голицыну пришлось отступить.

Поход длился целый год, но никаких видимых результатов не дал. В украинской части войска творилось неладное: казакам давно не нравился гетман Самойлович, и они решили его сместить. К Голицыну тайно явились казацкие старшины и сказали, что степь подожгли по приказу гетмана. Началась долгая переписка с Москвой.

Князь Василий опасался, что кто-нибудь из окружения Софьи может возвыситься в его отсутствие. Глава Стрелецкого приказа Шакловитый доносил ему, что сильно возносится Михаил Алегукович Черкасский (тот, что пытался защитить Артамона Матвеева во время стрелецкого бунта).

Наконец казаки сместили Самойловича и с согласия Голицына выбрали гетманом есаула Ивана Мазепу. Летом 1688 г. Голицын возвратился в Москву, где его встретили как героя, пресекшего «измену» гетмана Самойловича. Софья одарила своего фаворита и всех командиров пониже чином. Но умные люди в государстве понимали, что поход провалился. Даже Петр выразил свое недовольство.

Едва Голицын вернулся, как пришло известие о том, что татары напали на оставленный им отряд у реки Самары (приток Днепра). В феврале 1689 г. Василий Голицын вновь выступил в поход. На этот раз с ним кроме русских бояр был генерал Патрик Гордон. Шотландец понимал, что взять Крым бу-

*Татарский воин
(акварельный рисунок, XVIII в.)*

дет непросто. В мае татары были разбиты в бою, но Голицын так и не решился перейти Перекоп и вторгнуться в Крым. В июне он вернулся ни с чем.

Софья снова решила отблагодарить фаворита, но Петр не стал подписывать наградные указы, демонстративно отказался от участия в пышных торжествах и не принял Василия Голицына и других военачальников, прибывших в Преображенское.

Затевая Крымские походы по условиям «вечного мира» с Польшей, Софья провозгласила явно недостижимые цели. После войны с Турцией она рассчитывала вернуть России Крым, выселить оттуда татарское население, возвратить без выкупа русских пленных и т.п. Кроме того, Софья рассчитывала получить от Османской империи крепость Очаков в устье Днепра и Азов в устье Дона. Такие требования были бы уместны лишь в случае сокрушительного разгрома противника, чего в действительности не произошло. Поэтому Петр

был недоволен. Спустя месяц по просьбе брата Ивана Петр утвердил награды, назначенные Софьей. Но его первоначальное несогласие было показательным: царь становился все более самостоятельным.

Столкновение между правящей «партией» и Преображенскими царедворцами зрело давно. Софья стала позволять себе откровенно оскорбительные выходки. С 1684 г. на всех указах значилось: «Великие государи цари и великие князи Иван Алексеевич и Петр Алексеевич, вся Великия и Малыя и Белья России самодержцы и сестра их, великая государыня царевна и великая княжна София Алексеевна указали и бояре приговорили...». А в 1686 г. уже писалось: «Цари и великие князи Иван Алексеевич и Петр Алексеевич и сестра их великая государыня, благоверная царевна и великая княжна София Алексеевна, вся Великия и Малыя и Белья России самодержцы». Иными словами, Софья поставила себя наравне с царями.

Когда стольник Языков при ком-то обмолвился, что указы даются от имени царя Петра, а самого его что-то не видно, Языкова сослали. Кроме него еще около 50 московских бояр, сочувствующих Петру, были отправлены в ссылку. В Преображенском нарастала обида.

ВОЦАРЕНИЕ ПЕТРА

Младший из царей повзрослел, и российский трон больше не нуждался в регентстве. Достигнув наивысшей точки, противостояние двух знатных боярских фамилий, стоявших за Иваном и Петром, вылилось в очередную смуту, спровоцированную по сценарию семилетней давности теми же лицами и с той же целью. Однако на этот раз события развивались с меньшими жертвами и закончились победой «партии» Нарышкиных, хотя номинально государством по-прежнему управляли два монарха.

Брак Петра I с Евдокией Лопухиной

Намереваясь изменить положение сына, царица Наталья решила женить Петра, когда ему не исполнилось еще и 17 лет. По ее расчетам ранний брак должен был превратить «второго царя» во взрослого человека и таким образом избавить от опеки со стороны сестры Софьи. Фактически это было бы началом правления Петра: юный монарх по замыслам Нарышкиной покинул бы Преображенское и переселился в кремлевские палаты.

Кроме того, Наталья Кирилловна надеялась, что после женитьбы сын остепенится и оставит забавы, которые не к лицу российскому государю. Нарышкиной не нравились поездки Петра в Немецкую слободу, строительство судов, военные игры. К тому же у «первого царя» Ивана (к тому времени, напомним, уже женатого) могли родиться сыновья, которые со временем стали бы оспаривать у Петра право на трон.

Поиск и выбор невесты для сына Нарышкина взяла на себя. Царице приглянулась по душе Евдокия Лопухина. Ее отец Федор Лопухин был знатным боярином. Евдокия, как писал

Евдокия Лопухина в молодости (гравюра, XVII в.)

о ней князь Б.И. Куракин, была «лицом изрядная, токмо ума посреднего и нравом несходная к своему супругу» [4]. Видимо, именно поэтому, как замечает далее тот же Куракин, «любовь между ими, царем Петром и супругою его, была изрядная, но продолжалася разве токмо год» [4].

Впрочем, еще до начала охлаждения отношений между супругами в обществе Лопухиной Петр испытывал скуку. Отчасти это было связано с тем, что он женился по принуждению — брак отрывал его от любимых занятий. Спустя всего месяц после свадьбы он, оставив Евдокию, поехал на Плещеево озеро ради «нептуновых» потех.

Историки располагают несколькими письмами Евдокии к Петру (ответов царя не сохранилось). Евдокия обращалась к мужу с нежными словами: «Здравствуй, свет мой, на множество лет! Просим милости, пожалуй, государь, буди к нам, не замешкав. А я при милости матушкиной жива. Женишка твоя Дунька челом бьет» [6].

Евдокия пока еще не догадывалась об угрозе ее семейному счастью. Поэтому в другом письме она просит позволить ей самой прибыть на свидание. Письма «женишки Дуньки» выдержаны в старомосковском сентиментальном стиле, в них

Церковь Покрова в Филях
(заложена в 1693 г.)

нет ни деловитости, ни страстности. Вряд ли эти послания могли тронуть Петра.

Охлаждение царя к молодой жене было связано и с другими обстоятельствами. Во время одной из своих поездок в Немецкую слободу Петр познакомился с Анной Монс, дочерью винооторговца. В противоположность Евдокии, которая выросла в тереме, а потому была излишне застенчива, Анна отличалась живостью и веселостью. Энергичного Петра утомляли рабская покорность и кротость Лопухиной, а готовность Анны Монс пошутить или потанцевать, умение поддержать светский разговор делали эту девушку очень привлекательной в его глазах. Неудивительно, что Петр предпочитал проводить все больше времени в ее компании.

Милославские против Нарышкиных

Враждебность между окружением Петра в Преображенском и официальным двором в Кремле нарастала. Каждая из «партий» отслеживала любой шаг соперника. Благодаря такой бдительности те и другие рассчитывали предупредить возможный удар, а заодно накапливали «компромат». Например, Нарышкины отмечали за Софьей нарушения придворного этикета, которые нетрудно было расценить как посягательство на верховную власть.

Софья действительно часто показывалась на официальных церемониях, завоевывая популярность (так полагали в Преображенском). 8 июля 1689 г. она вместе с царями приняла участие в соборном крестном ходе, хотя вековая традиция запрещала женщинам шествовать за крестами. Петр рассердился на царевну и напомнил ей о правилах приличия. Но сестра сделала вид, что ничего особенного не произошло. Разгневанный Петр, будучи не в состоянии терпеть присутствие Софьи, ускакал в Коломенское, а оттуда добрался до Преображенского.

Наблюдения Милославских за Преображенским велись с такой же тщательностью. Софью всерьез тревожили два обстоятельства: рост численности потешного войска и пополнение запасов его оружия. У Нарышкиных не было недостатка в советчиках, поднаторевших в политических интригах.

Надвратная церковь св. Стефана в Муроме (конец XVII в.)

Они подсказали Наталье Кирилловне, как воздействовать на честолюбие молодого царя.

Софья намеревалась лишить Петра права на престол. Ей необходимо было узнать, как стрельцы воспримут идею ее воцарения. Выяснить это правительница поручила своему новому фавориту — начальнику Стрелецкого приказа Федору Леонтьевичу Шакловитому. В 1687 г. Шакловитый попытался обсудить этот вопрос с некоторыми из стрелецких начальников. Он предложил им подать «...челобитную, чтоб ей, великой государыне благоверной царевне, венчаться царским венцом» [4]. Но начальники уклонились от прямого ответа, поддержки не обещали, мало того, были явно недовольны предложением Шакловитого. Это вынудило Софью временно отказаться от своих замыслов. Позднее Шакловитый, чтобы не спровоцировать волнений и лишних слухов среди стрельцов, созвал начальников и «сказал, что великая государыня того дела делать не указала» [4].

Прошло два года, и Софья решила вновь заявить о своих притязаниях на трон. Действовала она так же, как и в мае 1682 г., когда начался стрелецкий бунт. Шакловитый приказал распространять среди стрельцов слухи, будто князь Борис Алексеевич Голицын и Лев Кириллович Нарышкин хотят убить царевну Софью. Та, в свою очередь стараясь спровоци-

ровать стрельцов на бунт, направляла им послания, в которых жаловалась: «...Житье-де наше становится коротко, царя-де Иоанна Алексеевича ставят ни во что, а меня-де называют там девкою, будто-де я и не дочь царя Алексея Михайловича» [4].

Так как со многими Нарышкиными и их сторонниками удалось расправиться во время стрелецкого бунта 1682 г., то теперь список врагов Милославских включал немало новых имен. Пятисотник Ларион Елизарьев свидетельствовал впоследствии, что «в то число велел он, Федор, побить... и Льва Кирилловича и всех Нарышкиных до единого человека, да Опраксиных всех троих» [4].

Произошли перестановки и в лагере Софьи. После казни Ивана Хованского и последовавшей в 1685 г. смерти И.М. Милославского главным помощником Софьи в борьбе за власть стал ее фаворит Ф.Л. Шакловитый. Чтобы заручиться участием стрельцов в предполагаемом бунте, «партия» Софьи пошла на подкуп: рядовым платили по одному-два рубля, стрелецким начальникам — от пяти до десяти рублей (иногда даже до ста). Кроме того, Шакловитый пообещал стрельцам, что им будет позволено безнаказанно грабить дома убитых, как это было и в 1682 г.: «А как их побьют, и кто что в домах их возьмет, и то все перед ними, также-де и сыску никакого не будет» [4]. Разумеется, при таком развитии событий ограблению подверглись бы и ни в чем не повинные люди. Стрельцы сообразили, что им вновь предстоит «погулять», и толковали между собой: «Ныне-де терпите да ешьте в долг, даст-де Бог, будет ярмонка — станем-де боярские дворы и торговых людей лавки грабить и сносить в дуван» [4].

В ходе подготовки к бунту сторонники Софьи организовали провокацию. Вся Москва знала, что Лев Кириллович На-

*Царь Алексей Михайлович
(из «Царского Титулярника» царя
Алексея Михайловича, 1676 г.)*

А.О. Орловский. Петровские времена, зима. Фрагмент

рышкин носил белый атласный кафтан. Сторонник Софьи подьячий Матвей Шошин наряжался в такой же кафтан и ездил по ночным московским улицам. Сопровождавшим его стрелецким капитанам он приказывал избивать стрельцов, стоящих на карауле. При этом один из спутников Шошина нарочито громко, чтобы слышали стрельцы, уговаривал его оставить их в живых, называя при этом Львом Кирилловичем. А Шошин так же громко отвечал, якобы от имени Нарышкина, что собирается отомстить стрельцам за смерть своих братьев. Маскарад оказался убедительным: доставленные в Стрелецкий приказ потерпевшие заявляли на допросах, что стали жертвами Льва Кирилловича Нарышкина.

Стрелецким командирам внушали, что, утвердившись в Кремле, Нарышкины расправятся со сторонниками Софьи. Федор Шакловитый не раз говорил стрельцам, что во главе заговора против Софьи стоит якобы царица Наталья Кирилловна. Он утверждал, что она собирается лишить его должности начальника Стрелецкого приказа, а всех остальных начальников выслать из Москвы.

Существует также версия, что некоторые стрелецкие начальники уже тогда переметнулись в противоположный лагерь (к Нарышкиным) и далее выполняли роль провокато-

ров. Среди них были участники стрелецкого бунта 1682 г., стремившиеся реабилитировать себя в глазах набиравшей силу «партии Преображенской слободы». Эту версию косвенно подтверждает дальнейшая судьба одного из «крамольщиков» 1682 г. Петра Толстого: он не только был в «фаворе» у Петра I, но и получал от царя наиболее щекотливые поручения, в том числе задание склонить сбежавшего за границу царевича Алексея к возвращению домой. Так или иначе технологии заговора и контрзаговора с тех пор надолго утвердились в отечественной политической практике.

Некоторые из стрелецких начальников были готовы к решительным действиям: одни предлагали зарезать Петра во время пожара (всем была известна страсть царя к тушению пламени), другие — подложить ему в сани гранату. Однако большинство командиров оценивали ситуацию трезво и не решались рисковать собственными головами ради призрачной выгоды. Они хотели иметь точное представление об отношении к перевороту всех заинтересованных лиц. Поэтому голословные заверения Шакловитого в том, что отстранение Петра от власти не встретит сопротивления, их не убедили: получив щедрую мзду, стрельцы пошумели, поговорили и разошлись. Заговор пришлось на некоторое время отложить.

Свержение Софьи

В ночь с 7 на 8 августа 1689 г. кто-то пустил слух о том, что к Москве движутся потешные войска из Преображенского. В Кремле поднялась тревога, стрельцы взяли за ружья. В суете не разобравшись в происходящем, московские сторонники Петра решили, что стрельцы задумали идти в Преображенское. В резиденцию Петра были посланы гонцы, чтобы предупредить его об опасности.

Первая реакция Петра (его разбудили среди ночи) была неожиданной: он решил бежать. Возможно, сыграли свою роль воспоминания о событиях 1682 г., когда разъяренная толпа сбрасывала людей из «партии» Нарышкиных с крыльца на острия бердышей. Не тратя времени на одевание, Петр бросился в ближайшую рощу. Вслушиваясь в ночную тишину, он пытался уловить гул людской толпы, но вокруг было тихо.

Подоспевшие придворные принесли царю одежду, и он в сопровождении нескольких преданных ему слуг отправился в Троице-Сергиев монастырь, не подумав о том, что монастырские стены вряд ли послужат надежной защитой, если там появятся стрельцы.

В зрелые годы Петра отличали храбрость и отвага, но в 17 лет, движимый первой реакцией (связанной, возможно, с детскими воспоминаниями о первом стрелецком бунте), он бросил на произвол судьбы мать, молодую жену, близких ему людей и потешных солдат. В монастырь Петр прибыл только к утру 8 августа. Он сразу же обратился к архимандриту с просьбой о прибежище.

В Кремле о бегстве Петра стало известно не сразу: ранним утром Софья пошла на службу в Казанский собор, и только когда она вернулась в Кремль и отпустила сопровождавших ее стрельцов, ей доложили о случившемся.

9 августа Софье пришлось держать ответ за ночной переполох: ей и «первому царю» Ивану от имени Петра была направлена грамота, в которой он требовал объяснить причину скопления стрельцов в Кремле 7—8 августа. Оправдываясь, Софья сказала, что, собираясь в монастырь помолиться, она взяла для безопасности сопровождение из стрельцов.

В распоряжении Софьи находились почти все стрелецкие полки, однако дальнейшие события развивались так, что Софья постепенно утрачивала превосходство, а Петр его приобретал. Этому способствовали два важных обстоятельства. Во-первых, в глазах москвичей и некоторой части стрельцов Петр был одним из царей, а Софья — всего лишь правительницей. Петр выглядел жертвой и, следовательно, имел моральное преимущество. Во-вторых, действия Петра направлял умный и опытный советник — Борис Алексеевич Голицын.

10 августа в Москву приехал гетман Мазепа. В Кремле он высокопарно превозносил воинские доблести Василия Голицына, однако, сориентировавшись в обстоятельствах, через несколько дней явился в Троице-Сергиев монастырь и стал жаловаться на Голицына, говоря, что тот путем вымогательства забрал у него много денег. Впоследствии гетман Мазепа получил компенсацию из конфискованных владений Василия Голицына.

По поручению Софьи 13 августа 1689 г. в Троице-Сергиев монастырь отправился боярин Иван Борисович Троекуров с целью уговорить Петра вернуться в Москву. Однако Троекурову этого сделать не удалось. Затем с таким же поручением, но теперь от царя Ивана Алексеевича, в монастыре появился его «дядька» боярин Петр Иванович Прозоровский, но и он не добился успеха. Софья предприняла попытку сделать своим посредником в этом вопросе патриарха Иоакима, авторитет которого был очень высок. Но тот был на стороне Петра и остался ему верен. Тогда Софья решила лично высказать свое пожелание брату. 27 августа в сопровождении бояр она отправилась в Троице-Сергиев монастырь. Об этом было доложено Петру, и он велел передать Софье предписание вернуться в Москву. Однако Софья продолжала свой путь. Когда она остановилась в селе Воздвиженском (в десяти верстах от Троицы), к ней прибыл боярин Иван Борисович Троекуров. Он передал царевне ультиматум Петра: если Софья вновь ослушается, с ней обойдутся не по достоинству. На этот раз Софье пришлось повиноваться, и 31 августа она возвратилась в Москву.

Позиции Софьи продолжали ослабевать: военные силы, на которые она предполагала опереться, таяли с каждым днем. Не увенчалась успехом и попытка царевны разжалобить стрельцов. По вызову Петра в Троице-Сергиев монастырь один за другим стали съезжаться командиры с подчиненными им солдатами и стрельцами. Царю было доложено о тайных совещаниях у Шакловитого, подбивавшего стрельцов на дворцовый переворот.

Пока разыскивали Шакловитого, Петр отправил брату Ивану письмо с предложением отстранить Софью от власти: «Срамно, государь, при нашем совершенном возрасте, тому зазорному лицу государством владеть мимо нас» [4]. Далее Петр испрашивал разрешения: «...не отсылаясь к тебе, государю, учинить по приказам правдивых судей, а не приличных переменить, чтоб тем государство наше успокоить и обрадовать вскоре» [4]. Письмо подводило итоги придворной борьбы и свидетельствовало о победе «партии» Нарышкиных. Софья была объявлена «засорным лицом».

6 сентября 1689 г., явившись в Кремль, стрельцы потребовали у Софьи выдать Шакловитого на расправу. Царевне при-

шлось удовлетворить это требование. 7 сентября Федор Шакловитый был доставлен в Троице-Сергиев монастырь, где его подвергли допросу и пыткам. Через пять дней он, а также некоторые из главных зачинщиков смуты были казнены. В конце сентября Софью заточили в Новодевичий монастырь, где она и провела последние 15 лет своей жизни.

Таким образом, дворцовый переворот был предотвращен, а Петр и его сторонники окончательно завладели положением. Когда царь возвращался из Троицы в Москву, встречавшие его стрельцы в знак покорности легли на расставленные вдоль дороги плахи с воткнутыми топорами, прося о помиловании.

В своем письме к брату Ивану Петр выразил готовность почитать его «яко отца», однако эти слова можно расценивать всего лишь как формулу вежливости. Фактически «первый царь» был отстранен от дел. Царские обязанности Иван исполнял лишь номинально: он присутствовал на приемах посольств, участвовал в церковных церемониях, его имя упоминалось во всех официальных актах наряду с именем Петра, но начиная с 1689 г. Петр уже не советовался с ним и не спрашивал его согласия при решении важных государственных вопросов.

Троице-Сергиева лавра (современная фотография)

Петр по-прежнему считал своей главной резиденцией Преображенское: в Кремле он появлялся лишь на публичных церемониях (на этом настаивала мать). Он ограничивался присутствием на празднествах и выходами в подмосковные и столичные монастыри и соборы. До поры до времени не привлекало молодого Петра и участие в государственных делах.

Новое правительство

6 октября 1689 г. под звон колоколов Петр торжественно въехал в Москву в сопровождении бояр, потешных солдат и стрельцов. Толпы народа выражали радость. Все ожидали, какие действия предпримет теперь уже полномочный царь. Его брата Ивана мало кто принимал в расчет: слабый умом, Иван не вмешивался в управление страной, хотя аккуратно являлся на все дворцовые и церковные церемонии.

Ждали действий Петра и пребывавшие в Москве иностранные дипломаты. Голландский резидент Ван Келлер, хотя и называл русских «татарами», в целом был довольно объективен в своих донесениях и заметках. В частности, он сообщал в Голландию: «Как царь Петр обладает выдающимся умом и проницательностью, обнаруживая в то же время способность завоевывать преданность к себе. Он отличается большой склонностью к военным делам, и от него ожидают героических деяний, и поэтому предполагают, что настал день, когда татары обретут своего истинного вождя» [3].

Князь Борис Голицын, с юных лет Петра являвшийся его наставником, был готов помогать ему во всех начинаниях. Однако после свержения Софьи на первый план выдвинулись другие сторонники Петра во главе с Львом Кирилловичем Нарышкиным. Борису Голицыну вменили в вину его попытки смягчить участь двоюродного брата — Василия Голицына, первого фаворита опальной царевны. Особенно не могла простить ему такого заступничества мать Петра, Наталья Кирилловна. Поэтому Борис Голицын так и остался начальником одного из второстепенных приказов — Казанского.

Фактически правительство возглавил Лев Кириллович Нарышкин (дядя Петра), которому к тому времени исполнилось 25 лет. Он был назначен и начальником Посольского прика-

*А.П. Рябушкин. Московская улица XVII в. в праздничный день.
Фрагмент*

за. Человек посредственного ума, хотя и энергичный, Лев Нарышкин слыл изрядным пьяницей. Посольский приказ он возглавил только формально — практически здесь заправлял опытный дипломат старой закалки, думский дьяк Емельян Игнатьевич Украинцев.

Правительство формировалось известным путем: должности получали не по заслугам и способностям, а по родству. Все ответственные посты достались родственникам Нарышкиных и Лопухиных. Около десяти лет эти люди управляли государством, но не сделали ничего выдающегося ни во внешней, ни во внутренней политике. Зато взяточничество приобрело в эти годы невиданные размеры. Петр уже тогда понял, что дела в стране идут из рук вон плохо. К тому же любые изменения и нововведения принимались в штыки.

Завещание патриарха Иоакима

В 1690 г. у царствующей четы родился сын, которого назвали Алексеем. По этому случаю в Грановитой палате был устроен «радостный стол» — обед, на который Петр пригла-

сил весьма уважаемого им генерала Патрика Гордона. Однако против этого яростно выступил патриарх Иоаким, считавший, что иноземцу-католику не место за царским столом. Петру пришлось уступить. (Правда, на другой день он устроил в загородном дворце обед специально для Гордона и проявил к генералу особую любезность.)

Патриарх Иоаким ревностно защищал старомосковские традиции, не терпел никаких нововведений и особенно осуждал всякое общение с иностранцами, а тем более заимствование у них идей и обычаев. Он очень неодобрительно относился к сближению Петра с иноземцами. Очевидно, именно опасениями по этому поводу и было продиктовано завещание патриарха Иоакима, написанное им незадолго до смерти.

Иоаким писал: «Какая от них (иноверцев. — *Ред.*) православному воинству может быть помощь? Только гнев Божий наводят. Когда православные молятся, тогда еретики спят; христиане просят помощи у Богородицы и всех святых — еретики над всем этим смеются; христиане постятся — еретики никогда. Начальствуют волки над агнцами! Благодатию Божиею в русском царстве людей благочестивых, в ратоборстве искусных, очень много. Опять напоминаю, чтоб... иностранных обычаев и в платье перемен по-иноземски не вводить» [4].

Патриарх обращался к московским государям с прошением запретить русским людям всякое общение с «еретиками», говорящими на языках, непонятных православным христианам. Он просил не доверять иноверцам должности высших начальников. По его мнению, Крымские походы Голицына потому и потерпели неудачу, что главнокомандующий не прислушался к этим советам.

В 1690 г. патриарх Иоаким скончался. Вся последующая деятельность Петра I в корне противоречила завещанию главы Русской православной церкви. Спустя месяц после смерти Иоакима Петр заказал для себя немецкое платье: камзол, чулки, башмаки, шпагу на шитой золотом перевязи и парик. Однако в таком виде он осмеливался появляться пока лишь в Немецкой слободе.

Когда пришло время выбирать нового патриарха, Петр в очередной раз уступил матери. Он хотел поддержать псков-

ского митрополита Маркела, слывшего весьма образованным человеком. Но Наталья Кирилловна под влиянием ревнителю старины склонялась к кандидатуре Адриана, митрополита Казанского: Маркел не нравился ей тем, что пользовался «варварскими» языками — латинским и французским, был чересчур учен и носил слишком короткую бороду.

Петр и Немецкая слобода

Мысль о том, чтобы учиться у европейцев, превзойти их в достижениях и таким путем обрести независимость от Европы, не оставляла Петра. В последние годы правления Софьи у него была возможность свободно общаться с иностранцами, находившимися на русской службе. Он стремился узнать от них как можно больше о жизни в странах Западной Европы. Встречи молодого царя с иностранцами служили своего рода дипломатической школой.

В разговорах с русскими речь заходила обычно о соседях — поляках, турках, крымских татарах (в крайнем случае о шведах). Но ведь их страны как бы отделяли Россию от Европы,

Н.В. Неврев. Петр I в иноземном наряде

служили тяжелым занавесом, за которым почти невозможно было разглядеть происходящее на сцене большой европейской политики. Иное дело — Немецкая слобода, где жили представители фактически всех стран, втянутых в тогдашние войны и конфликты на Западе.

Разобраться в европейской политике того времени было непросто. Эпоха «французского преобладания» подходила к концу. Напуганные захватническими войнами Людовика XIV страны Западной Европы объединились в коалицию и вели против Франции войну. Главой коалиции был Вильгельм III Оранский — сначала штатгальтер (управляющий) Голландии, а затем и король Англии. Однако коалицию терзали противоречия — ведь в ней объединились страны, преследовавшие разные, подчас противоположные, цели. В связи с этим в Немецкой слободе происходили ожесточенные споры. Внимательно слушая, Петр извлекал для себя немало полезных сведений, пригодившихся ему впоследствии в дипломатической деятельности. Симпатии Петра были на стороне Вильгельма III Оранского, личностью которого он восхищался в связи с победой англо-голландского флота над французским.

В числе иностранных друзей и наставников Петра был уже упоминавшийся генерал Патрик Гордон, которому к тому времени исполнилось 55 лет. Раньше он служил наемным солдатом в Швеции, Германии, Польше, участвовал в обоих Крымских походах Голицына. Доверие Петра Патрик Гордон заслужил уже тем, что в момент угрозы стрелецкого бунта он явился в Троице-Сергиев монастырь, чтобы поддержать юного царя. Знание военного искусства, пунктуальность и хладнокровие сделали Гордона главным наставником Петра в потешных военных затеях.

Другим иностранцем, оказавшим большое влияние на формирование личности Петра и его будущей политики, оказался Франц Лефорт. В отличие от Гордона Лефорт стал не только советни-

А. ван Дейк. Портрет Вильгельма Оранского с его невестой Марией Стюарт. Фрагмент

Его величество часто посещает его и у него обедает. Оба они одинаково высокого роста, с той разницей, что его величество немного выше и не так силен, как генерал. Это монарх в 20 лет. Он часто появляется во французском платье, подобно Лефарту. Последний в такой высокой милости у его величества, что имеет при дворе великую силу. Он оказал большие услуги и обладает выдающимися качествами. Пока Москва остается Москвою, не было в ней иностранца, который пользовался бы таким могуществом. Он приобрел бы большое состояние, если бы не был так великодушен. Верно, конечно, что благодаря этому качеству он достиг такой высокой степени. Его величество делает ему значительные подарки» [3].

Действительно, щедротами Петра вместо прежнего скромного дома в Немецкой слободе Лефорт имел теперь богатый дворец, украшенный картинами, гобеленами и скульптурами. Здесь устраивались пышные праздники — застолья по какому-либо поводу или просто по настроению. Поборники московской старины с укоризной говорили, что Лефорт спаивает молодого царя. Действительно, с Лефортом Петр пил много. Но именно Лефорт показывал пример, как надо пить и не напиваться, сохраняя разум. Отсюда пошли легенды об особом, «политическом» характере отношения Петра к пьянству.

Анри Труайя в книге «Петр Великий» пишет о петровских застольях: «В большинстве случаев он сохранял ясное сознание, несмотря на большое количество поглощаемого алкоголя. В то время как вокруг него люди расслаблялись, лица гримасничали и языки заплетались, он наблюдал эту сцену острым взглядом и запоминал пьяные признания. Это был способ узнавать тайны окружавших его людей. Таким образом, даже попойки использовались им для государственных интересов» [3].

В Немецкой слободе, где жили отнюдь не лучшие выходцы из разных европейских стран, нравы и обычаи были таковы, что москвичи не зря называли ее Пьяной слободой. Юный царь, которого стремились хорошо принять (то есть как следует угостить), приобрел здесь пагубные привычки. Несколько позднее английский епископ Бернет расскажет, как, по его наблюдениям, в 1698 г. Петр «старался с большими усилиями победить в себе страсть к вину».

«Всепьянейший сумасброднейший собор»

Одним из развлечений молодого царя и его окружения стал «всепьянейший сумасброднейший собор всешутейшего князя-папы», учрежденный Петром в начале 90-х гг. Петр I разработал подробнейший «Устав всепьянейшего собора». В нем перечислялись все чины, входившие в состав «собора», и обязанности каждого из них, утверждалась церемония приема новых членов, устанавливались правила поведения и т.д. На роль «князя-папы» был назначен Никита Зотов (тот самый думский дьяк, который в свое время обучал Петра грамоте).

Как ясно из названия «собора», все его действия носили шутовской характер. Нарядившись соответствующим образом, «соборяне» разыгрывали комедийные представления, изображая воинскую службу, бытовые сценки, свадьбу и т.д. Эти «спектакли» не были рассчитаны на зрителей — участники «собора» ставили их для себя. Нередко во время таких забав все, включая царя, изрядно выпивали, из-за чего игры стано-

вились особенно шумными и даже опасными (например, князь Яков Тургенев умер во время несчастного случая на шутовской свадьбе в январе 1695 г.).

Большую часть года «соборяне» проводили в «кельях», поклоняясь богу виноделия Бахусу. Из «келий» они выбирались в дни маскарардов и святок. В это время к ним присоединялись царь и его окружение. Число участников таких мероприятий достигало 200 человек. Разместившись в санях, запряженных свиньями, медведями и козлами, компания отправлялась славить бояр и купцов. Каждый из хозяев должен был угощать и одаривать незваных гостей.

Некоторые историки полагают, что, придерживаясь свет-

*Штоф из зеленого стекла
(первая половина XVIII в.)*

ских воззрений, Петр I учредил «всепьянейший собор» как пародию на иерархию католической, а затем (после смерти последнего патриарха Адриана в 1700 г.) и православной церкви. Другие ученые придают «собору» нравоучительно-воспитательное значение: все должны были видеть, каким отвратительно-безобразным становится пьяный человек. Но не исключено, что в учреждении «собора» изначально не содержалось глубокого смысла — это была дань варварству и «культурным» запросам «соборян» и самого царя. Не стоит придавать «собору» большого значения и по другой причине: как мы знаем, с детства Петра занимали куда более серьезные игры — военные учения в Преображенском.

Несмотря на то что будущий великий противник России Карл XII был на десять лет моложе Петра, в своих потехах он во многом сходен с русским царем. Карл с юных лет демонстрировал неуемную энергию. В компании бесшабашных друзей шведский король бил стекла в окнах домов, скакал в одной сорочке по городу, устраивал в парламенте охоту за зайцем и т.д.

Маневры на суше и знакомство с морем

Почти ежедневно молодой царь проводил в Преображенском военные учения (Петр называл их «экзерцициями»). В октябре 1691 г. он получил серьезный ожог от близко разорвавшейся гранаты. Пострадал и генерал Гордон. Это случилось во время первых крупных учебных сражений в районе Преображенского и Семеновского.

Учения, в которых участвовало более 10 тыс. человек, продолжались несколько дней. Сражались две «враждебные» армии. Первая состояла из потешных и регулярных полков, ею командовал «пруссский король» (Федор Юрьевич Ромодановский). Противник выступал во главе с «польским королем» (Иваном Ивановичем Бутурлиным), под началом которого были старые стрелецкие полки. Им обычно отводилась роль побежденных, что, впрочем, объяснялось не только затаенной неприязнью Петра к стрельцам, но также их слабой военной подготовкой. С обеих сторон были убитые и раненые, от ран

Генерал Патрик Гордон
(гравюра, конец XVII в.)

скончался князь Иван Долго-рукий.

Генерал Гордон, назвавший эти учения «военным балетом», по-видимому, недооценил затею Петра. Характерно, что бои велись между прусским и польским «королями»: солдатам внушалось, что они должны соответствовать уровню европейских армий.

Однако для будущей регулярной российской армии требовались не только солдаты, но и офицеры. Царь нуждался в помощниках, способ-

ных действовать активно, самостоятельно и со знанием дела. Сначала Петр потянулся к иностранцам. Они были наиболее подготовлены для намеченных молодым царем дел. В особенности они годились для дипломатии: знание языков и европейской жизни давало им огромное преимущество. Однако Петр не забывал, что иноземцы — люди наемные. В их преданности еще следовало убедиться. Исключение составляли разве что Гордон и Лефорт.

В мае 1692 г. на Переславском озере был спущен на воду первый потешный корабль. Строительству этой флотилии Петр отдавал много времени, пренебрегая даже дипломатическими обязанностями. В феврале в Москву прибыл персидский посол и ожидал официального приема двумя государями. Однако Петр не захотел отрываться от постройки корабля. Лев Кириллович Нарышкин и князь Борис Алексеевич Голицын вынуждены были выехать в Переяслав. Они долго убеждали царя в том, что ему необходимо явиться в Москву, поскольку персидский посол мог обидеться из-за пренебрежительного отношения к своей особе. Петр согласился. Узнав, что посол привез московским царям подарок — живых льва и львицу, он первым посетил посла, чтобы посмотреть диковинных зверей.

Однако реального участия в решении внешнеполитических вопросов Петр не принимал. Он все более осознавал

слабость России — в этих условиях дипломатия не имела прочной опоры. В 1692 г. 12-тысячное войско крымского хана (вассала Турции) напало на Немиров; татары сожгли город и увели две тысячи пленников для продажи в рабство. Через год число пленников достигло уже 12 тыс. Не располагая достаточными силами, Москва до поры до времени была вынуждена мириться с таким положением. Молодой царь понимал, что вначале государство должно обрести силу. С военных походов в Преображенском началась коренная модернизация русской армии и подготовка к созданию флота.

В июне 1692 г. голландский резидент Ван Келлер, передавая свои впечатления от встреч с Петром I, писал из Москвы: «Этот юный герой часто выражает живое, воодушевляющее его желание присоединиться к кампании под предводительством короля Вильгельма и принять участие в действиях против французов или оказать поддержку предприятиям против них на море» [3].

В августе на воды Переславского озера были спущены потешные корабли. Однако возможность маневров была ограничена небольшой акваторией, поэтому в 1693 г. Петр в сопровождении бояр, окольных, стольников и 40 стрельцов отправился в Архангельск. Именно в Архангельске он впервые увидел настоящие морские корабли. Это были английские, голландские и немецкие торговые суда, доставлявшие в Россию из стран Западной Европы сукно, краски, галантерею. Обрато иностранные торговцы увозили мачтовый лес, меха, пеньку, икру. После того как Петр совершил свое непродолжительное морское путешествие на небольшой яхте, в Городе (так в те времена часто называли Архангельск) был заложен корабль. Его строительство царь поручил воеводе Федору Матвеевичу Апраксину.

Кончина Н.К. Нарышкиной

В январе 1694 г. умерла Наталья Кирилловна Нарышкина. Ее смерть выявила характерную черту Петра — стремление переживать горе в одиночестве. Когда положение матери стало безнадежным, сын простился с нею и уехал в Преобра-

женское. Он не вернулся в Москву и на похороны. Лишь на третий день после похорон он посетил могилу матери, где в одиночестве оплакивал ее смерть. Архангельскому воеводе Ф.М. Апраксину Петр сообщил о своем горе кратко и выразительно: «Беду свою и последнюю печаль глухо объявляю, о которой подробно писать рука моя не может, купно же и сердце» [4].

Рождение первенца у царствующей четы не упрочило семейных уз. Не сблизили супругов и семейные несчастья — смерть второго, а затем и третьего сына, кончина Натальи Кирилловны. Об этом свидетельствуют письма Евдокии Лопухиной, адресованные Петру в 1694 г. Одно письмо наполнено особенной грустью — ясно, что оно написано женщиной, которая знает, что она отвергнута ради другой (Петр по-прежнему посещал Анну Монс). Евдокия не скрывает своей горечи и не может удержаться от упреков: она сетует, что не получает в ответ на свои письма «ни единой строчки».

У России появился флаг

Первую поездку Петра к морю можно назвать спонтанной — она носила больше разведывательный характер. Ко второй поездке в Архангельск царь готовился с особой тщательностью. Она была запланирована на апрель 1694 г. В марте Петр отправил архангельскому воеводе письмо с распоряжениями от имени князя Ф.Ю. Ромодановского, который в компании молодого царя числился «генералиссимусом» на суше и «адмиралом» на море. Письмо было выдержано в шутовском тоне, которого молодой Петр придерживался лишь в переписке с близкими людьми. Вслед за письмом были отправлены две тысячи пудов пороха и тысяча самопалов.

Корабль, строительство которого начали во время первого приезда Петра в Архангельск, был готов к спуску на воду и ожидал царя на верфи. Однако первое же плавание на этом корабле, предпринятое в июне 1694 г., едва не стоило Петру жизни: в пути его настигла буря.

Во время этой поездки к морю произошло знаменательное для отечественной истории событие. В Архангельске Петр дожидался прибытия построенного в Голландии кораб-

ля. 21 июля, увидев вошедшее в порт судно, царь пришел в ярость. Указывая на трехцветный (красно-бело-синий) голландский флаг, развевавшийся на корме, он гневно спросил, почему русское судно идет под чужим флагом.

Как только корабль причалил, Петр взобрался на палубу, схватил полотнище, разорвал его и поменял полосы местами — вверху расположил белую, а ниже синюю и красную. По-видимому, царь уже давно думал о том, что России необходимо иметь свой флаг. Позднее Петр напишет, что при прочтении Новгородской летописи он нашел толкование смысла этих трех цветов в геральдике: белый — символ чистоты помыслов, синий — «виктория» (победа), а красный — справедливый суд над обидчиками всех слабых. Такая символика Петру очень понравилась — он полагал, что она отвечает историческому предназначению России.

В Москву царь вернулся в сентябре и сразу начал готовиться к учениям на суше. В окрестностях деревни Кожухово была сооружена крепость с земляным валом высотой 3,5 м, глубоким рвом и бойницами. Новым полкам, численность которых достигала свыше 7 тыс. человек, поручалась осада крепости (в ней засели стрельцы) с последующим штурмом.

Кожуховские маневры проходили с 23 сентября по 18 октября и были самыми продолжительными из всех. Эти учения были последней военной потехой Петра — в дальнейшем ему предстояло участвовать в настоящих войнах.

АЗОВСКИЕ ПОХОДЫ

Походы на Азов, предпринятые Петром I, были продиктованы политической необходимостью: уже в первые годы правления молодой царь понимал, что любые дипломатические усилия будут тщетными, пока Россия не обретет статуса независимой державы путем закрепления своих позиций на море. Имело значение и другое обстоятельство: после Крымских походов Василия Голицына между Россией и Турцией фактически сохранялось состояние войны. Крым, находившийся в зависимости от турецкого султана, не соглашался на предложения Москвы.

Россия и Турция: взгляд из Европы

Архангельск, к сожалению, не решал для России проблемы выхода к морю: подступы к этому городу были свободны от льдов лишь несколько месяцев в году; к тому же отсюда до европейских портов надо было плыть долгим, очень опасным путем вокруг Скандинавии. Не лучше обстояли дела и на юге: Россия владела Астраханью в устье Волги, но Каспийское море — это большое озеро, не связанное с Мировым океаном. Другое дело — Черное море, которое в древности называлось Русским. Позднее Петр рассказывал, что в юности, читая летопись Нестора, он узнал о походах князя Олега на Царьград (Константинополь), оказавшийся затем под властью турок. С тех пор у Петра возникла мечта повторить подвиг Олега, «отомстить туркам и татарам за все обиды, которые они нанесли Руси» [7].

После отстранения Софьи от власти русская дипломатия, направляемая Нарышкиным и Украинцевым, не отличалась особой активностью. Правда, хорошо было уже и то, что она стала исходить из реальных возможностей. После свержения Софьи Москва снизила тон в переговорах с Турцией. Обменяться пленными, отменить выплату ежегодной московской дани крымскому хану, прекратить набеги крымских татар на

Первый Азовский поход

русские владения, предоставить России право свободной торговли с Крымом и Турцией — такие требования выдвигала Москва. Однако Крым не хотел мира.

В те годы русская дипломатия в основном занималась малороссийскими, то есть украинскими, делами. Переяславский договор 1654 г. о воссоединении Украины с Россией (Переяславская рада) предоставлял украинским гетманам право самостоятельных дипломатических отношений с другими странами. Многие из гетманов злоупотребляли им, причём отнюдь не в интересах Москвы.

Австрия и Польша стремились к тому, чтобы Москва продолжала военные действия против Крыма, отвлекая на себя турецкие силы. Войны требовало и греческое православное духовенство, крайне задетое тем, что турки передали Святые места в Иерусалиме (Голгофу, Вифлеемскую церковь, Святую пещеру и т.п.) французам-католикам. Иерусалимский патриарх Досифей писал в Москву: «Татары — горсть людей и хвалятся, что берут у вас дань, а так как татары — подданные турецкие, то выходит, что и вы турецкие подданные» [7].

Действительно, турки демонстративно третировали Москву. Когда на престол вступил новый султан Ахмед II, всем европейским дворам было послано торжественное уведомление об этом. Кремль при этом игнорировали.

К решительным действиям побуждали Петра и другие соображения. Кожуховские маневры в какой-то мере помогли ему избавиться от комплекса неполноценности в отношении военной мощи России. Пришло время испытать новую армию в настоящей войне. Нужно было доказать, что «потехами» в Преображенском занимались не зря.

Ж.-М. Вьен. Султанша

Кроме того, у Петра появилась еще одна причина для войны: Франц Лефорт давно убеждал царя посетить наиболее развитые страны Западной Европы, чтобы познакомиться с их достижениями и путем сравнения реально оценить положение своего государства. Однако Петру хотелось явиться в Европу в лаврах победителя, разговаривать с западными суверенами на равных.

Первая осада Азова

В конце 1694 г. в многочисленных беседах с близкими людьми Петр постоянно обсуждал идею похода против крымских татар. 20 января 1695 г. служивым людям официально приказали собираться под началом боярина Б.П. Шереметева в поход на Крым. Однако это было объявлено лишь для отвода глаз: на самом деле Петр был намерен нанести удар по Азову — турецкой крепости в устье Дона. По-турецки крепость называлась Саад-уль-Ислам, «оплот ислама». Этот «оплот» и решил сокрушить Петр.

Войско Шереметева численностью 120 тыс. человек двинулось к низовьям Днепра, к Крыму. В то же время другое отборное войско в 31 тыс. человек направилось по иному пути. Турки все же узнали о надвигавшейся опасности и усилили гарнизон крепости, увеличив его численность с 3 до 7 тыс. человек.

Первой серьезной ошибкой Петра, затруднившей осаду крепости, стало разделение войска на три обособленные части во главе с Головиным, Лефортом и Гордоном, то есть русская армия не имела общего командования. К тому же на глазах у русских к крепости подплывали турецкие галеры, доставлявшие припасы и подкрепление. Петр не предусмотрел способа помешать туркам снабжать крепость свежими силами.

Осада Азова продолжалась почти три месяца. Два штурма, предпринятых по настоянию Петра, выявили несогласованность в действиях осаждавших. Мины, закладываемые в подкопы, при взрывах наносили больше ущерба русским, чем туркам. Кроме того к туркам перебежал голландский матрос Янсен, который, как напишет позднее историк, «выдал врагу тайну русской стратегии» [7]. Он рассказал, что у русских имеется привычка спать после обеда.

Турецкая сабля в ножнах
(конец XVII в.)

Турки незамедлительно воспользовались полученной информацией и совершили успешную вылазку: перебили сотни сонных солдат, захватили и испортили много пушек.

В начале осады Петр был настроен оптимистично. В своих письмах в Москву он сообщал, что «врата к Азову счастливо отворились», что «марсовым плугом все испахано и посеяно» [7]. Однако «всходы» оказались довольно чахлыми: русские захватили две башни («каланчи»), стоявшие выше по течению Дона и цепями преграждавшие подход к крепости. В числе трофеев оказались одно знамя, одна пушка и один пленный турок.

27 сентября 1695 г. Петр решил прекратить осаду Азова и возвратиться домой. На обратном пути, переживая стужу, непогоду и голод, подвергаясь набегам татарской конницы, русская армия потеряла еще немало людей.

Потерь во время первого Азовского похода оказалось не меньше, чем в свое время у Василия Голицына. Положение слегка исправил войско Б.П. Шереметева, которое захватило на Днепре четыре турецких опорных пункта. И все же возвращение Петра в Москву вызвало неблагоприятные толки в народе, не говоря уже о донесениях иностранных резидентов.

Первый военный поход молодого царя окончился неудачей. Именно в этот момент обнаружилась сила характера, свойственная Петру. Он проявил весьма редкую для монархов с неограниченной властью способность учиться на ошибках извлекать из них уроки. Как пишет С.М. Соловьев, «благодаря этой неудаче и произошло явление великого человека: Петр не упал духом, но вдруг вырос от беды и обнаружил изумительную деятельность, чтоб загладить неудачу, упрочить успех второго похода. С неудачи азовской начинается царствование Петра Великого» [1].

Взятие «Оплота ислама»

Уже при возвращении «от невзятия Азова» (горько-ироническое выражение самого Петра) царь начал подготовку к новому походу. В письме к главе дипломатического ведомства

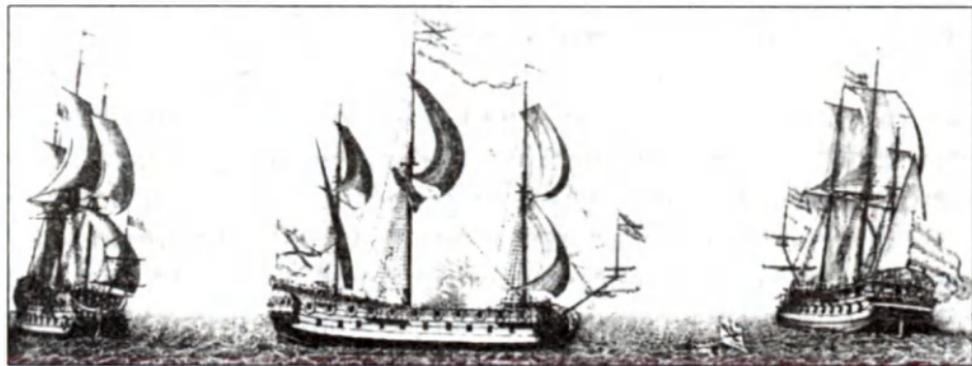
Л.К. Нарышкину от 8 октября из Черкаска царь дал указание о вызове из Австрии специалистов по взятию крепостей. Такая же просьба была направлена и в Пруссию. Петр принял эти меры, чтобы при новой попытке взятия Азова взрывом вражеских укреплений руководили сведущие в этом деле инженеры.

Во время первого похода и осады Азова Петр внимательно следил за международной ситуацией в Европе. Думный дьяк А.А. Виниус в своих письмах регулярно информировал его о том, как проходили завершающие этапы войны Аугсбургской лиги во главе с Вильгельмом III против Франции, а также о военных действиях Австрии, Польши и Республики Венеции против Турции. Хотя Священная лига (кроме этих государств в этот союз входила и Россия) формально продолжала существовать, после первого Азовского похода Петр направил в Вену посланника К.Н. Нефимонова для переговоров с императором о заключении наступательного союза против Турции. Кроме того, Нефимонову было поручено ускорить направление в Россию специалистов по организации взрывных осадных работ.

В декабре командующим новым походом на Азов был назначен боярин А.С. Шеин, а его помощником — генерал Гордон. Командование флотом было доверено Францу Лефорту, хотя флота как такового в России еще не было.

29 января 1696 г. скончался «первый царь» Иван Алексеевич. Таким образом, вся власть в государстве не только фактически, но и официально принадлежала Петру I. И главной задачей царя в этот период стало именно создание российского флота. В Воронеже, а также в других городах небывало быстрыми темпами развернулось строительство кораблей. Отовсюду к Петру направлялись иноземные специалисты-кораблестроители. Из разных мест на работу согнали более 27 тыс. человек. Сразу после похорон брата Ивана Петр I отправился в Воронеж, где сам работал топором, заражая всех окружающих своей энергией. «В поте лица своего едим хлеб свой» [1], — писал он Стрешневу из Воронежа.

В Преображенском в это время происходило формирование войск. В армию зачислялись даже крепостные крестьяне, получавшие таким образом свободу без ведома хозяев. Ради интересов государства Петр пренебрегал «священными» устоями, в данном случае — крепостным правом.

Суда, построенные Петром под Воронежем (гравюра)

Всего под командованием Шеина к Азову шло около 70 тыс. человек. Другая армия под началом боярина Шереметева вместе с украинскими казаками отправилась в низовья Днепра. К сожалению, основную часть того и другого войска составляли стрельцы. Н. Устрялов, автор многотомной «Истории царствования Петра Великого», пишет в связи с участием стрельцов в Азовских походах: «Петр не был доволен их службою, в особенности при первой осаде Азова, и не раз изъявлял им гнев за малодушное бегство из траншей во время вылазок неприятеля» [4]. Генерал Гордон в своих записках неоднократно жаловался на лень, беспечность и строптивость стрельцов, которые в решительные минуты не торопились идти на приступ вместе с другими солдатами. Но пока Петр был вынужден пользоваться старомосковским войском.

23 апреля, погрузившись на струги, войска отправились в путь. 3 мая отправился к месту сражения новорожденный военный флот: 2 больших корабля, 23 галеры и 4 брандера. Впереди шла галера «Принсипиум» под командованием капитана Петра Алексеева, то есть самого царя, строившего эту галеру своими руками.

Турки предпринимали меры для защиты Азова. 14 июня на помощь гарнизону крепости подошел турецкий флот из 23 кораблей с 4 тыс. человек подкрепления, боеприпасами и продовольствием. Увидев стоявшие в устье Дона русские галеры, турки в изумлении остановились. Заметив, что русские корабли начинают сниматься с якорей, они подняли паруса и ушли в море.

16 июня началась осада Азова: пушки открыли огонь по крепости. Сначала обстрел оказался недостаточно эффек-

тивным. Но когда к осаждавшим прибыли посланные германским императором иностранные артиллерийские инженеры, дело пошло на лад. 16 июля удалось разрушить основную часть крепостных сооружений. Войскам было приказано готовиться к штурму.

Без подкреплений гарнизон крепости не выдержал осады и 18 июля объявил о капитуляции. Среди прочих трофеев оказались 136 пушек и прошлогодний изменник Янсен. Поскольку возле самой крепости не было условий для причаливания крупных судов, Петр вышел в море и нашел неподалеку удобную гавань, где два года спустя основал крепость Таганрог.

30 сентября 1696 г. в Москве состоялось триумфальное чествование победителей. Такого российская столица еще не видела. Шествие продолжалось с утра до вечера, войска растянулись на пути от Симонова монастыря до села Преображенского, проходя через всю Москву и Кремль. Москвичи были искренне восхищены и удивлены. Гигантскую Триумфальную арку украшали фигуры Геркулеса, Марса, Нептуна в сочетании с библейскими изречениями, а также с изображением поверженных врагов. Впереди войск в роскошной карете ехал глава «всепьянейшего собора» Никита Зотов. А русский царь шел вместе со всеми пешком, в простом камзоле и с копьём в руке.

Руины в Крыму (В.П. Петров. Вид Тавриды)

Победа над Турцией не могла не поражать — ведь она была первым торжеством над непобедимым прежде врагом, еще недавно разорившим город Чигирин, постоянно грабившим Южную Русь. Особенно торжествовала «компания» Петра, его близкие соратники и товарищи. Преображенцы уже устали от намеков на то, что они горазды только на потехи и запуск фейерверков. Теперь же оказалось, что «игра в кораблики» была нешуточным делом, а «нечестивое» братание с иноземцами принесло славу и победу России.

Реакция заграницы

Сразу после взятия Азова Петр дал задание А.А. Виниусу и Посольскому приказу известить об этом событии русских дипломатических представителей в Вене и в Варшаве и поручить им сообщить обо всем местным властям. В частности, Виниус специально просил бургомистра Амстердама Витзена передать известие о победе английскому королю Вильгельму III.

Дипломатические последствия взятия Азова не заставили себя ждать. Переговоры о союзе против Турции, которые вел русский посланник Нефимонов, ускорились: австрийцы, а затем и венецианцы стали явно сговорчивее. Но в целом из Европы поступали самые противоречивые отклики.

Когда 29 августа российский резидент в Варшаве А.В. Никитин получил известие о взятии Азова, он велел палить из ружей и пушек. Сбежался народ, для которого Никитин приказал выкатить пять бочек пива и три бочки меда. В народе кричали: «Виват царю, его милости!»

На другой день на торжественном собрании польского сейма (сената) Никитин подал царскую грамоту с известием о взятии Азова примасу — главе польской католической церкви. В то время в Польше проводились выборы короля, поэтому в стране царил редкий даже для тех времен хаос. Уже два года польские войска не предпринимали никаких действий против турок, нарушая союзнические обязательства.

Присутствуя на собрании сейма, Никитин сказал речь. В частности, он обратился к участникам с такими словами: «Теперь, ясновельможные господа сенаторы и вся Речь Посполитая, знайте вашего милостивого оборонителя, смело

помогайте по союзному договору... По договорам царское величество зовет наияснейшую монархию польскую на ту же дорогу, которая была бы теперь закончена... Теперь время с крестом идти вооруженною ногою топтать неприятеля; теперь время шляхетным подковам попрасть побежденного поганина, расширить свои владения там, где только польская может зайти подкова» [1].

Русский дипломат мог позволить себе говорить новым языком. В своей речи Никитин потребовал, чтобы впредь в польских бумагах не употреблялись официальные старые наименования королей польских как властителей киевских и смоленских (а поляки делали это в нарушение договоров, по которым Киев и Смоленск были русскими владениями).

Через несколько дней австрийский резидент сообщил Никитину, что сенаторы решили выполнить это требование, что паны не очень рады взятию Азова, поскольку никак этого не ожидали, но простому народу это очень приятно. 11 сентября Никитин писал в Москву, что по всем костелам служат благодарственные молебны, а вельможи приезжают к нему с поздравлениями, хотя «на сердце у них не то» [1]. Далее он сообщал: «Слышал я от многих людей, что они хотят непременно с Крымом соединиться и берегут себе татар на оборону; из Крыму к ним есть присылки, чтобы они Москве не верили; когда Москва завоюет Крым, то и Польшу не оставит; а к гетману Мазепе беспрестанно от поляков посылки» [1].

К.В. Лебедев. Шляхтич

Быть России морской державой!

Петр понимал, что Азов — это лишь начало. Он не собирался отдыхать после своей первой победы. На 20 октября

было назначено важное заседание Боярской думы. Петр подготовил особую записку, изложив в ней два основных вопроса, которые предстояло решить: заселение Азова и строительство морского флота. Дума постановила разместить в Азове воинский гарнизон и послать 20 тыс. человек на строительство Таганрога.

Потребовались две недели, чтобы подготовить указ о строительстве флота. 4 ноября, заседаая в Преображенском, Дума приняла решение строить суда «всей землей», то есть с участием всех наиболее крупных светских и церковных землевладельцев, которых объединяли в компании («кумпанства»). От первых требовалось строить и содержать один корабль на каждые 10 тыс. дворов, от вторых — на каждые 8 тыс.

Посадские люди (в основном купцы) должны были представить 12 кораблей. Правда, они подали челобитную с просьбой освободить их от этой повинности. Разгневанный Петр повелел им строить теперь уже не 12, а 14 кораблей. Всего за два года предстояло соорудить 52 военных корабля. Масштабы работ были небывалыми во всех отношениях.

Русский историк М.М. Богословский писал: «Приговорами думы 20 октября и 4 ноября предпринималась необычайно важная и смелая реформа, и Петр, едва ли даже сознавая весь объем производимой этим решением реформы, становился крупным преобразователем... Заводя значительный флот на завоеванном море, Россия из сухопутной державы превращалась в морскую» [8].

Правда, пока до превращения России в морскую державу было очень далеко. Но начало было положено. Царю предстояло решить и еще одну важную задачу — найти людей для обслуживания боевых кораблей. Признанными специалистами в этом деле были иностранцы. Однако, наняв для обслуживания своего флота иноземцев, Россия могла попасть в новую зависимость от Западной Европы. В этих условиях Петр принял чрезвычайно смелое решение: он задался целью научить русских людей всему, чем владеют европейцы. При этом подразумевалось не механическое подражание Европе, а использование европейских технических достижений для сохранения и укрепления русского национального дела.

Указ, не подлежащий обсуждению

22 ноября 1696 г. Петр I издал указ о направлении 39 молодых стольников в Италию (преимущественно в Венецию) и 22 — в Англию и Голландию. Согласно составленной Петром в январе 1697 г. инструкции каждый из стольников должен был обучиться за границей навигации (то есть искусству «владеть судном как в бою, так и в простом шествии» [3]), а также побывать в море на корабле во время боя.

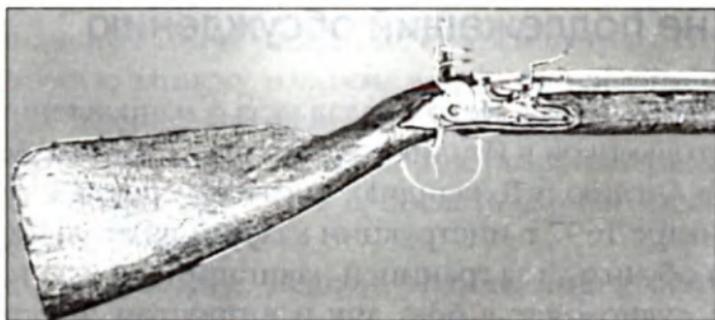
Окончив учение, следовало добиться получения свидетельства о пригодности к службе, заверенного подписями и печатями морских властей. Те, кто хотел заслужить особую царскую милость, должны были освоить секреты кораблестроения. Каждому из стольников вменялось в обязанность найти и привезти в Москву по два искусных мастера морского дела. К каждому из стольников прикреплялось по одному солдату или сержанту — этих людей тоже следовало обучить всем морским наукам, но уже за счет казны.

Нетрудно представить состояние растерянности и страха, охватившее семьи стольников. Напомним, что стольником в России назывался придворный человек, призванный обслуживать царя во время обеда. Разумеется, стольник мог выполнять и другие поручения, но поездка за границу считалась предприятием трудным и опасным. К тому же предстояло овладеть незнакомым и необычайно сложным делом.

Однако стольникам и их близким пришлось покориться: за ослушание царский указ предусматривал лишение всех прав, земель и всякого имущества. И такое наказание грозило представителям знатнейших родов: 23 стольника имели княжеские титулы. Вместе с тем находились и желающие ехать за границу добровольно. Среди них был и Петр Андреевич Толстой — в будущем знамени-

Второй Азовский поход

Русский мушкетон (конец XVII — начало XVIII в.)

тый дипломат. К тому времени ему было больше 50 лет, он оказался среди молодежи, чтобы таким путем выбраться из опального положения воеводы отдаленного северного города. (Правда, существует версия, что Толстой был специально приставлен «надзирать» за молодежью.) И все же подавляющее большинство стольников ехали учиться нехотя, в страхе перед наказанием.

Чем яснее обозначались стремления Петра, тем острее становилось недовольство общества. Роптали не только приверженцы старины, но и люди, понимавшие необходимость преобразований (они ожидали «мягких» реформ, не связанных с большими трудностями). Несогласные с политикой молодого царя часто действовали наперекор.

Кружок старца Авраамия

В конце 1696 — начале 1697 г. Преображенский приказ вел следствие по делу лиц, осуждавших преобразовательные начинания Петра и его поведение. Единомышленники собирались в келье подмосковного Андреевского монастыря у старца Авраамия. Помимо старца в кружок входили стряпчий Руднев, подьячие Кренев и Бубнов, а также два зажиточных крестьянина — братья Посошковы (Иван Тихонович Посошков впоследствии стал известным публицистом и оставил о себе память талантливой «Книгой о скудости и богатстве»).

Два явления вызывали особое недовольство членов кружка: непорядки в правительственном аппарате и не подобающее царскому сану поведение Петра. В частности, осуждалось непомерное разбухание штатов в приказах: дело дошло

до того, что подьячим не хватало не только столов, но и стульев, и зачастую они трудились стоя. Кроме того, члены кружка считали недостойным поведение высших приказных чиновников — судей, которые решали дела лишь после получения взятки (предполагалось, что можно покончить с мздоимством, назначив судьям достаточное жалованье).

Патриоты надеялись, что молодой царь наведет порядок в управлении, но их ожидания не оправдались. По их мнению, Петр I вел себя предосудительным образом: «запросто шагал в составе войск, проходивших по улицам столицы, демонстрировал свое «никчемное» увлечение кораблестроением» [4], наносил частые визиты в Немецкую слободу и т.п.

Старец Авраамий решил довести до сведения царя все, что вызывало осуждение и недовольство. Он написал Петру послание, в котором сокрушался по поводу увлечения государя «потехами непотребными», упрекал его в упрямстве и нежелании прислушиваться к советам родственников и бояр. Особо старец порицал личное участие Петра в пытках и казнях. Авраамий просил Петра об аудиенции, однако вместо встречи с царем попал вместе с членами своего кружка в застенок Преображенского приказа.

Расследование пришло к выводу, что пересуды в келье не имели в виду опасных для правительства действий, поэтому участники кружка отделались легкими наказаниями: старца Авраамия сослали в Голутвин монастырь, подьячие были высечены кнутом и сосланы в Азов. Братьям Посошковым удалось оправдаться: они заявили, что никаких слов, осуждавших царя, не произносили, что подтвердил и Авраамий.

Новые люди

Наряду с недовольными политикой Петра были и те, кого проводимые русским царем преобразования устраивали. Эти люди находили обстановку в России того времени благоприятной для удовлетворения собственных амбиций и осуществления дерзких замыслов, для самореализации. Многие из

них были иностранцами, не нашедшими применения своим талантам на родине. Западные державы в то время выходили из периода реформ и революций; течение жизни в Европе становилось настолько размеренным, что хандра («сплин») из-за невозможности в полной мере проявить себя на государственном поприще вновь вошла в моду среди дворян. Наиболее активные из них отправлялись в далекую Россию и становились сподвижниками Петра Великого.

Одним из «новых людей» был голландец В.И. Геннин, сыгравший значительную роль в развитии российской металлургии. Он приехал в Россию в 1698 г. в возрасте 22 лет. У себя на родине молодой человек в лучшем случае стал бы заурядным счетоводом, в российской державе его познания в области бухгалтерского учета и науки управления оказались весьма востребованными. Присмотрев деловитого иностранца, Петр I направил его на уральские металлургические заводы.

Страна нуждалась в развитии металлургии: уральские руды были стратегически важным сырьем, из которого изготавливалось оружие для русской армии, сражавшейся со шведами за обладание Балтийским морем. Петр I понимал, что рассчитывать на успех Россия может лишь в том случае, если удастся создать промышленность европейского образца. В.В. Геннин как раз и явился носителем и выразителем идей, отвечающих замыслам Петра I по реформированию хозяйства.

В значительной мере российская промышленность развивалась за счет труда крепостных: уральские заводчики за несколько лет превратились в крупнейших собственников крестьян (часть крестьян была переведена в зависимые рабочие, а другая часть оставлена на земле — для обеспечения управленческого аппарата продуктами сельского хозяйства и как «резерв»).

В.В. Геннин видел, что создававшиеся в авральных условиях полуфеодальные предприятия не выдержат испытания временем, и стремился внедрить в производственный процесс хотя бы некоторые элементы капиталистического хозяйствования. Заручившись поддержкой царя, голландец приступил к укреплению зарождающейся российской мануфактуры. В первую очередь он принялся за то, что знал наиболее хорошо, — за учет и финансовый контроль. В России это были наиболее слабые места управления: существовав-

шие и до Петра злоупотребления администраторов в эпоху реформ приобрели фантастические размеры; казна стремительно таяла, взбешенный царь устраивал карательные экспедиции (часто губившие множество ни в чем не повинных людей), крутыми мерами выжимал из населения новые средства. В результате народ страдал от тяжкого бремени, а казна так и не пополнялась.

В.В. Геннин предложил использовать принципиально новые методы финансового контроля. Их суть заключалась в замене карательных экспедиций инспекционными проверками и сокращении непроизводительных затрат за счет строгого учета сырья, людей и финансовых ресурсов.

Хотя голландцу не удалось осуществить эти планы полностью, он сделал немало. В частности, В.В. Геннин перевел счетоводов на работу с арабскими цифрами, заставил хозяйственников изучать математику, организовал строгую иерархию в производственных бухгалтериях, ввел в обиход счетоводческие книги, утвердил порядок инвентаризации сырья и имущества, упростил процедуру отчета о проделанной работе перед начальством (за неаккуратное и несвоевременное заполнение отчетности полагался штраф). Принципы управления Геннина спустя несколько лет получили широкое распространение во всех новых петровских учреждениях.

ВЕЛИКОЕ ПОСОЛЬСТВО

Как и задумывалось, в Европу Петр I явился в лаврах победителя. Он ехал туда не только с целью найти политических союзников, но и с мыслью о будущих реформах. Царь планировал присмотреться к чужому опыту, лично освоить его в теории и на практике, а также обучить необходимым наукам и ремеслам своих подданных. Лучшие из достижений он в скором времени собирался внедрить в России. Таким образом, это посольство было беспрецедентно великим не только по численности и составу, но и по своим задачам.

Состав дипломатической миссии

6 декабря 1696 г. был объявлен царский указ об отправлении посольства в Западную Европу. Главами этой миссии были назначены Франц Яковлевич Лефорт, Федор Алексеевич Головин и Прокофий Богдановича Возницын. Все трое назывались великими послами, но отличались друг от друга должностным положением и размером жалованья.

В ранге первого посла числился царский фаворит Франц Лефорт. Его место в посольстве определялось не опытом и знаниями по части дипломатии, а иными соображениями: Лефорт имел большие связи в Европе, обладал общительным характером и умел держать себя в обществе. Известный историк М.М. Богословский заметил: «[Лефорт] был в посольстве таким же номинальным первым послом, как во флоте адмиралом» [8].

В ранге второго посла ехал руководитель Посольского приказа Федор Алексеевич Головин. Этого талантливое дипломата отличала основательность в выполнении любого поручения. Английский посол Витворт отзывался о нем как о самом рассудительном и опытном государственном деятеле Московского государства. Головин занимал в посольстве вторую по значимости должность, хотя именно он отвечал за внешнюю политику российского государства.

Церковь и мануфактура XVIII в. в Пернове, Ливония, ныне город Пярну (открытка, конец XIX в.)

Здание, в котором в XVII—XVIII вв. находилось посольство Англии в России (современная фотография)

Прокофий Богданович Возницын, пребывавший в ранге третьего посла, производил на иностранцев впечатление необщительного человека, «с неприятным цветом лица и важной осанкой» [4]. Возможно, Прокофию Богдановичу действительно недоставало легкости в общении, которая была присуща Лефорту. Возможно, он не обладал государственным умом, свойственным Головину. Однако «он постиг все тонкости дипломатического ремесла, умел защищать интересы России и сохранять во время переговоров непроницаемость» [4].

Возницын неоднократно выполнял дипломатические поручения в Османской империи, Речи Посполитой, Австрии и Венеции в качестве участника посольств и гонца. В 1681 г. он был отправлен в Стамбул с посольством окольникового (члена Боярской думы) Чирикова для ратификации Бахчисарайского перемирия. В Стамбуле Чириков скончался, и Возницыну пришлось самому вести переговоры с султаном Магомедом IV.

Все три посла как бы дополняли своими качествами друг друга и были готовы выполнить любые поручения. Польский посол после общения с Лефортом, Головиным и Возницыным

писал на родину: «Эти послы — люди большого ума, хорошо знающие состояние Европы и приятные в обхождении» [9].

Вместе с послами ехал многочисленный обслуживающий персонал — толмачи (переводчики), подьячие (низший чин дипломатического ведомства), лекари, а также скорняки (посольство везло с собой традиционные подарки — меха, нуждавшиеся в соответствующем уходе и обработке). Кроме того, в штате посольства числились священник, дьяк и четыре шута. Вместе с солдатами охраны численность посольства превышала 250 человек, а обоз состоял из тысячи саней.

Посольство Петра I имело две особенности. Во-первых, в его состав были включены волонтеры — люди, заслужившие царское расположение во время строительных работ в Переяславе и Воронеже, а также в Азовских походах. Первоначально волонтеров было набрано 30 человек, их отряд разделили на три десятка, каждый возглавил десятник. Позднее в отряд вошли еще пять человек. Волонтеры, как и стольники, ехали обучаться военно-морскому делу. Но в отличие от стольников, являвшихся представителями знатных фамилий, большинство волонтеров не могло похвастаться своей родословной. Среди них было множество сверстников Петра из потешных полков.

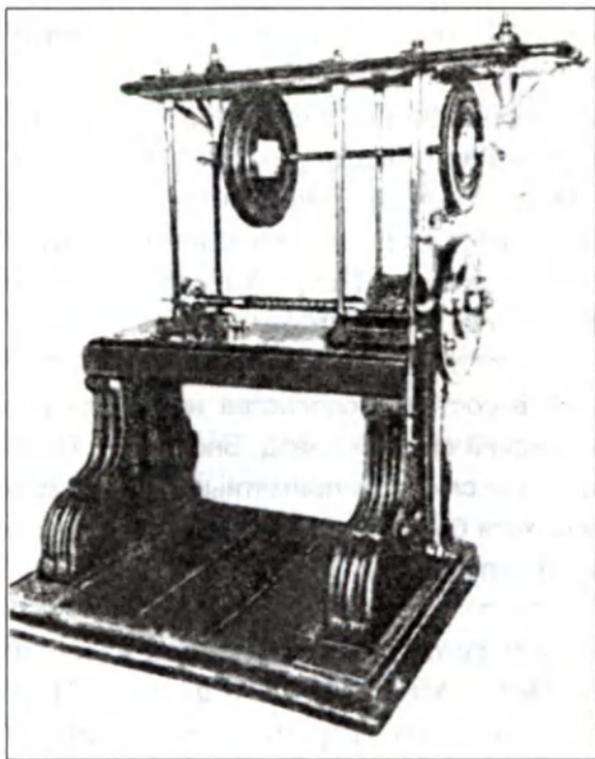
Во-вторых, в посольстве участвовал сам Петр. За всю историю государства это был первый случай, когда царь покинул пределы своего государства. Причем Петр отправлялся за рубеж не в качестве государя, а как частное лицо под именем десятника второго десятка Петра Михайлова. Этот факт больше всего удивлял современников.

Весть о том, что в составе посольства находится русский царь, опережала посольский санный поезд. Внешность Петра и его выдающийся рост были слишком приметными: его быстро узнавали не только те, кто хотя бы однажды встречался с ним, но и те, кто знал царя лишь по описаниям.

Вряд ли Петр рассчитывал остаться неизвестным, скрываясь за именем Петра Михайлова. Правда, членам посольства и свите строго-настрого запрещалось говорить о присутствии государя, а отправлявшиеся за границу письма с упоминанием об этом факте было велено задерживать.

Причина этого странного поступка Петра, скорее всего, заключалась в том, что, путешествуя под именем Петра Михайлова, он рассчитывал избежать утомительных церемоний, предписываемых этикетом. К тому же в Европе он вместе с волонтерами собирался работать на верфях и понимал, что царские регалии несовместимы с плотницким топором. Не исключается и другое предположение: Петр хотел создать видимость того, что он находится в своей стране, а не за ее пределами. Подобная версия могла, в частности, предназначаться для султанского двора, с которым еще не был заключен мир (Турция могла воспользоваться отсутствием царя в Москве и попытаться вернуть Азов).

Петр I сам определял состав посольства, размер жалованья должностным лицам, в том числе и великим послам, устанавливал количество «мягкой рухляди» (пушнины) для нужд посольства и т.д. Кроме того, царь составил инструкцию (памятную записку) для послов. Это были в разное время заносившиеся на бумагу заметки о том, какие мелкие, но необходимые дела важно не забыть сделать в суете посольских хлопот.

Токарный станок Петра Великого

Памятная записка царя состояла из обширных 12 пунктов. Большинство из них касалось найма иностранных специалистов — морских офицеров, врачей, кораблестроителей и др. Петр инструктировал послов не только по поводу перечня наемников, но и требований, которые следует предъявлять к набираемым специалистам. Так, моряки должны были пройти все ступени службы: «сами в матросах бывали и службою дошли чина, а не по иным причинам» [4]. Были в памяти и поручения иного характера, например, закупить «гарусу на знамены, на вымпелы, на флюгели белого, синего, красного аршин 1000 или 900, всякого цвета поровну, а буде недорог, и больше» [4]. Подготовка к отъезду заняла несколько месяцев — с ноября 1696 по февраль 1697 г.

Заговор против Петра I

24 февраля Патрик Гордон назначил прощальный ужин по случаю отъезда великого посольства в Европу, но Петр, обычно отличавшийся пунктуальностью, не приехал. Накануне два офицера Стремянного стрелецкого полка, пятисотский Ларион Елизарьев и пятидесятник Григорий Силин, сообщили ему, что думский дворянин Иван Цыклер уговаривал стрельцов устроить пожар и, пользуясь поднявшимся переполохом, убить царя.

Полковник Стремянного полка Иван Елисеевич Цыклер в мае 1682 г. участвовал в стрелецком бунте, поддерживая «партию» Софьи, а в 1689 г. перешел к сторонникам Петра. Царь не доверял Цыклеру, помнил о его связях с Милославскими и держал полковника в отдалении. Вначале Цыклер служил воеводой в Верхотурье, а после возвращения в Москву был послан в Азов с заданием построить удобную гавань в крепости Таганрог. Будучи человеком честолюбивым, Цыклер был недоволен своим положением. Однако, подговаривая стрельцов убить Петра, полковник объяснял это не личной обидой на царя, а заботами о судьбах страны. Например, Василию Филиппову он внушал: «В государстве ныне многое нестроение для того, что государь едет за море...» [4].

Окольный Алексей Прокофьевич Соковнин, второй участник заговора, был родным братом известных расколь-

На допросе
(С.В. Иванов. Суд в Московском
государстве. Фрагмент)

ниц — боярыни Федосьи Морозовой и княгини Авдотьи Урусовой. Как и сестры, он придерживался консервативных взглядов, враждебно относился к новшествам. Кроме того, Соковнин имел личную обиду на Петра: ему не дали боярского чина. Два сына Соковнина, стольники Василий и Федор, были отправлены на учебу за границу.

Третий участник заговора — Федор Матвеевич Пушкин — зять Соковнина и свояк Цыклера. Федор Пушкин был обижен на царя за своего отца — боярина Матвея Степановича, назначенного воеводой в Азов, что считалось знаком немилости.

Заговорщики заручились поддержкой некоторых стрелецких начальников и надеялись (возможно, без всяких оснований) на помощь донских казаков. Они обсуждали и кандидатуру преемника Петра: назывались имена боярина Алексея Семеновича Шеина, Василия Петровича Шереметева, царевны Софьи. Желая польстить Цыклеру и подогреть его честолюбие, Соковнин как-то сказал ему: «Если то учинится над государем, мы и тебя на царство выберем» [4].

Узнав от Елизарьева и Силина о заговоре, Петр занялся расследованием дела, проявив при этом крайнюю жестокость. В Преображенском, куда были доставлены заговорщики, царь лично допрашивал обвиняемых, подвергавшихся пыткам. Цыклера, Соковнина, Федора Пушкина и двух стрелецких пятидесятников Боярская дума приговорила к смертной казни. Церемонию ее проведения царь разработал сам. Казнь состоялась 4 марта 1697 г.

Идейным вдохновителем заговора Петр I считал умершего 12 лет назад И.М. Милославского, поэтому он обрек его прах на поругание. По приказу Петра I гроб боярина

извлекли из могилы, поставили в сани, запряженные свиньями, привезли в Преображенское к месту казни, вскрыли его и установили под эшафотом. В 11 часов утра на эшафот взошли главные злоумышленники.

Цыклера и Соковнина четвертовали: сначала им отрубили руки и ноги, а затем головы. Федора Пушкина обезглавили сразу. Кровь казненных стекала на останки Милославского. Трупы в этот же день доставили в Москву. По распоряжению царя на Красной площади был сооружен каменный столб, в который были вделаны железные шесты. На них насадили головы заговорщиков, а трупы положили рядом со столбом, где они пролежали до июля.

Опале подверглись родственники казненных: сыновья Цыклера были отправлены в Курск, сыновья и внуки Алексея Соковнина — в Белгород, сыновья его родного брата, боярина Федора Прокофьевича, — в Севск, самого боярина тоже сослали. Отца Федора Пушкина — боярина Матвея Степановича Пушкина — лишили боярского чина и отправили в Енисейск. Неизвестно, в чем состояла вина Лопухиных (отца супруги царя Евдокии и его братьев), но были наказаны и они: боярина Федора Абрамовича отправили в Тотьму, Василия Абрамовича — в Саранск, Сергея Абрамовича — в Вязьму.

Это был первый официально раскрытый заговор против Петра I. Следствие и расправа проходили без проволочек. Петр спешил в Европу, хотя на первый взгляд у него были веские основания отказаться от поездки за границу: в Новодевичьем монастыре находился потенциальный организатор нового заговора — царевна Софья, под знамена которой с готовностью могли встать оппозиционные силы, оставшиеся в столице. Однако Петр не изменил своих намерений. Отправляясь в Европу, он поручил управление страной князю Федору Ромодановскому и боярину Тихону Стрешневу.

Недоразумение в Риге

Великое посольство было разделено на несколько отрядов. Передовой отряд с соболиной и денежной казной в сопровождении солдат выехал из Москвы 2 марта 1697 г.

Царь оставил столицу несколько позже — 9 марта. Границы с Лифляндией (пограничного пункта у Псково-Печерского монастыря) посольский поезд достиг 24 марта. Далее посольство сопровождали представители рижского генерал-губернатора Эрика Дальберга, ожидавшие поезд на границе.

31 марта в Риге состоялась торжественная встреча посольства. При въезде в город послам были предоставлены роскошные кареты. Движение кортежа сопровождалось пальбой из пушек и трубными звуками оркестра, отряды пехоты и бюргеры провожали послов до отведенных им квартир. Петр остался доволен встречей, в письме к А.А. Виниусу от 1 апреля 1697 г. он пишет: «...приняты господа послы с великою честью: при... въезде была из 24 пушек стрельба, когда в замок вошли и вышли» [4]. Однако тон следующего письма, которое было отправлено А.А. Виниусу в день отъезда из Риги, был совершенно иным, в нем читались досада и огорчение.

Среди причин, вызвавших перемену в настроениях царя, можно назвать следующие. Во-первых, рижский генерал-губернатор Дальберг не только не принял послов лично, но и сам не нанес им визита. Во-вторых, приставом к посольству был определен не генерал, как полагалось в таких случаях, а капитан. Кроме того, посольство было вынуждено задержаться в Риге: на

реке Двине вот-вот должен был начаться ледоход и переезд через нее стал опасным.

Русские хотели ближе познакомиться с крепостными сооружениями. Однако правители города, проявив при встрече любезность и показное гостеприимство, не дали гостям такой возможности. Русским, рассматривавшим крепость в подзорную трубу (среди них находился и царь), караул пригрозил применить оружие. Позднее этот случай Петр использует в качестве одного из поводов

Зрительная труба Петра I

для объявления войны шведам: начиная с 1650-х гг. Лифляндия, прежде относившаяся к Польше, была присоединена к Швеции.

О пребывании посольства в Риге царь пишет А.А. Виниусу: «Здесь мы рабским обычаем жили и сыты были только зрением» [4].

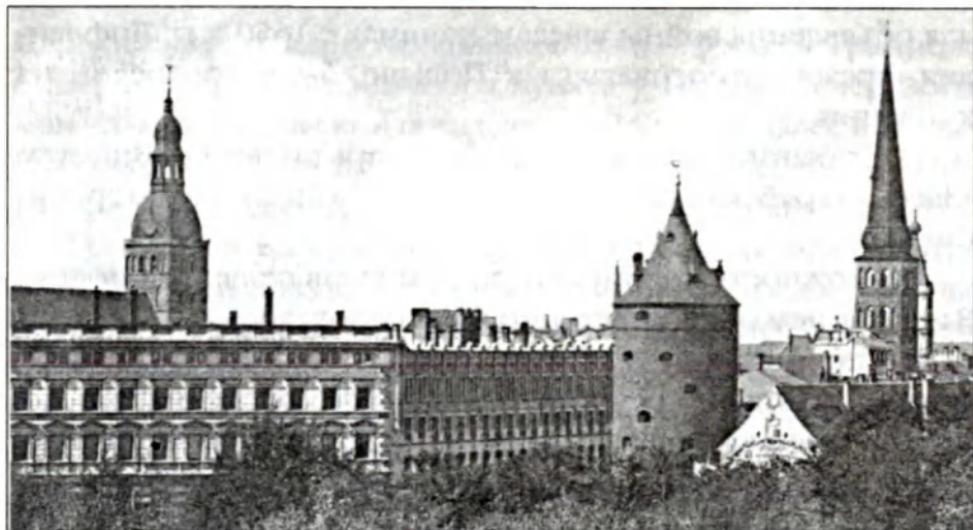
Возможность покинуть город у послов появилась только 8 апреля, чем они немедленно воспользовались.

В исторической литературе интерес Петра и его сподвижников к рижской крепости традиционно расценивался как проявление любознательности, а также желания заполнить время вынужденного безделья хотя бы каким-нибудь полезным занятием. Однако некоторые авторы полагают, что осмотр производился с целью разведки. По их мнению, великое посольство прибыло в Европу отнюдь не для создания антиосманской коалиции: «Однако эти цели (создание антиосманской коалиции. — *Ред.*), фиксированные в официальном документе, столь же мало отражали действительную задачу заграничной поездки царя, сколь официальный глава посольства Лефорт в действительности руководил дипломатической деятельностью «урядника Петра Михайлова» [4].

По этой версии, великое посольство из России якобы имело целью подготовить создание антишведского союза, то есть Петр I изучал крепость своего будущего неприятеля. Но на протяжении заграничного путешествия русский царь осматривал множество крепостей, пушечных заводов, арсеналов, не говоря уже о мануфактурах, кунсткамерах и т.п. Рижская крепость была лишь одним из объектов в этом ряду.

По мнению автора одной из наиболее серьезных работ о пребывании Петра Великого на Западе Р. Виттрама, идея организации антишведской коалиции возникла у русского царя не до выезда великого посольства из Москвы, а в процессе ознакомления с ситуацией в странах Европы, в частности после посещения прибалтийских стран — Лифляндии, Курляндии и Пруссии.

Предполагалось, что из Кенигсберга посольство направится в Вену, но оно двинулось в Голландию. В своем письме к А.А. Виниусу Петр I так поясняет причины изменения маршрута: «...а к цесарю (австрийскому императору. — *Ред.*) затем не по-

*Укрепления XVI—XVII вв. на Бастионном бульваре в Риге
(открытие, конец XIX в.)*

шли, что уж на три года сделана, и теперь делать нечего; а чаем оной путь, назат едучи, воспрять и впредь союз продолжить» [4]. Дело в том, что к этому времени московскому посланнику удалось заключить союзный договор с венским двором на три года, поэтому нужда в переговорах по этому вопросу отпала.

Еще одной причиной перемены настроения царя во время пребывания в Риге было отталкивающее впечатление, которое производило несоответствие между внешней респектабельностью рижских купцов и их жадной наживы. На улице стояла весна, пора было менять сани на телеги, и рижские купцы, по мнению Петра, очень уж нагло воспользовались тем, что посольство вынуждено было срочно продавать сани. В этой связи царь писал Винуису: «Торговые люди здесь ходят в мантиях, и кажется, что зело правдивые, а с ямщиками нашими, как стали сани продавать, за копейку матерно лаются и клянутся, а продают втрое» [4].

Неудовлетворенность русских послов приемом в Риге отразила «Расходная книга соболиной казны», в которой регистрировались выдаваемые посольством подарки. От пребывания в Риге в ней осталась единственная запись: шведскому капитану, представителю рижской администрации, была выдана пара соболей стоимостью 30 рублей.

Недовольство не покинуло послов и после того, как они покинули этот город и прибыли в Курляндию. Барон Блом-

берг во время беседы с русскими послами в Митаве (ныне город Елгава, территория Латвии) записал: «Они очень жалуются на дурной прием, который шведы оказали им в Риге, и грозят отомстить за него при первом случае» [4].

Пребывание в Митаве и Кенигсберге

В Митаве посольство было встречено с подобающим таким случаям радушием и пышностью. В честь русских послов устроили роскошный ужин. Гостям позволили осматривать все, что только вызывало их интерес. К сожалению, Митавы не могла похвастаться ни крепостью, ни мануфактурами, ни артиллерийским парком, ни учебными заведениями.

Тем не менее царь нанес визит в местную аптеку, где ему показали заспиртованную саламандру. Кроме того, Петр приобрел в Митаве одну вещь, которая была тут же отправлена князю Ромодановскому с сопроводительным письмом: «Здесь також ничего вашей персоне удобного не нашел, только посылаю к вашей милости некоторую вещь на отмщенье врагов маестату вашего (вашего господина. — *Ред.*)» [4]. О том, что этой «вещью» был топор, можно судить по ответному письму Ромодановского к царю, в котором он сообщал, что топор проверен в деле — им отрубили головы двум преступникам.

Из Митавы Петр вместе с волонтерами отправился в Пиллау (ныне — город Балтийск в Калининградской области), чтобы оттуда добраться до Кенигсберга (ныне — Калининград) морем, а великое посольство продолжило путь по суше. Царь прибыл в Кенигсберг 7 мая — на 11 дней раньше посольства. Эти дни он посвятил изучению артиллерии под руководством главного инженера прусских крепостей подполковника Штейтнера фон Штернфельда.

В сентябре 1697 г. подполковник так отозвался о «московском кавалере» Петре Михайлове: «...в непродолжительное время, к общему изумлению... такие оказал успехи и такие приобрел сведения, что везде за исправного, осторожного, благоискусного, мужественного и бесстрашного огнестрельного мастера и художника признаваем и почитаем быть может» [4].

В Кенигсберге Петр на время оставил свою роль десятичника волонтеров Петра Михайлова и при встрече с прусским курфюрстом Бранденбургским Фридрихом III выступал как русский царь. Современник-соглядатай доносил из Кенигсберга венецианскому послу в Вене: «Оба государя при встрече обнялись, сели в кресла и беседовали более полутора часов, так как царь довольно хорошо объясняется по-голландски» [8].

Бранденбургский курфюрст был заинтересован в союзе с Россией, поэтому не упускал случая доставить удовольствие царю и великим послам. Наряду с роскошными обедами в их честь устраивались не менее пышные фейерверки, а также популярные при дворе развлечения — охота и звериная травля. Как свидетельствует «Статейный список», 24 мая, во время грандиозного фейерверка, продолжавшегося полтора часа и устроенного с откровенным намерением завоевать благосклонность русского царя, в небе «огнестрельным художеством» был выполнен двуглавый орел с тремя коронами и надписью «Виват, царь и великий князь Петр Алексеевич!».

Главным итогом пребывания Петра и великого посольства в Кенигсберге стало заключение союзного договора меж-

Гербовый орел на государственной печати Петра I

ду Россией и Бранденбургским курфюршеством. Переговоры начались 24 мая и продолжались в течение месяца, так как по некоторым пунктам между сторонами выявились разногласия. В частности, русские послы не соглашались включить в договор пункт о взаимной помощи при нападении на одну из договаривающихся сторон, на котором настаивали дипломаты курфюрста Фридриха III.

Причиной несогласия великих послов являлось опасение вызвать раздражение Швеции. Обстановка на южных границах России была беспокойной, поскольку Россия не заключила мира с Османской империей, и осложнять свои отношения с северным соседом русским было совсем ни к чему.

Инициатива о невключении в договор пункта о взаимной помощи исходила от царя. В «Статейном списке» по поводу данных разногласий отмечено: «И во многих разговорах согласились на том, чтоб... о сей статье, чтоб друг другу против всех неприятелей вспомогать, а особливо против шведа, обещать самим обоим государям друг другу изустно... И дав на том друг другу руки, целовались и клятвою утвердили» [4].

Остановка в пути

Из Кенигсберга царь вместе с великим посольством отправился в Голландию. Впрочем, вскоре пришлось сделать небольшую остановку в немецком городке Конненбурге, где он встретился с двумя курфюрстинами — Софией Ганноверской и ее дочерью Софией-Шарлоттой Бранденбургской. Встреча не носила официального характера, однако обе курфюрстины подробно описали свои впечатления о русском царе, его внешности, манерах и способностях.

Петр неуверенно чувствовал себя в дамском обществе, и великим послам стоило большого труда уговорить его отправиться на эту встречу. Царь согласился, но лишь при условии, что за столом не будет придворных. У парадного подъезда замка, в котором его ожидали курфюрстины, собралась толпа любопытных, поэтому царь вошел через черный ход.

Х.В. Дитрих. Портрет дамы
в соломенной шляпе

София-Шарлотта так описала встречу с Петром: «Моя матушка и я приветствовали его, а он... казался сконфуженным... но мы его приручили... Он отвечал то сам, то через двух переводчиков, и, уверяю вас, говорил очень впопад, и это по всем предметам, о которых с ним заговаривали... мне понравилась его естественность и непринужденность... Р. С. Шут царя был также; он очень глуп, и мы умирали со смеху, видя, как его хозяин, взяв метлу, стал его чистить» [8].

Утонченной Софии-Шарлотте, два года прожившей в Версале при дворе Людовика XIV и усвоившей великосветские нравы, казалось странным, что русский царь не умеет пользоваться салфеткой: «Заметно также, что его не научили есть опрятно» [8].

Если курфюрстина дочь в своих воспоминаниях больше внимания обращала на поведение Петра, то курфюрстина мать попыталась оценить содержание его личности: «Мы... очень долго сидели за столом, но охотно остались бы за ним и еще дольше, не испытывая ни на минуту скуки, потому что царь был в очень хорошем расположении духа и не переставал с нами разговаривать... Он нам сказал, что сам работает над постройкой кораблей, показал свои руки и заставил потрогать мозоли, образовавшиеся на них от работы» [8]. В другом из своих описаний встречи с русским царем курфюрстина Ганноверская пишет: «Надо признать, что это необыкновенная личность... у него характер — совершенно характер его страны. Если бы он получил лучшее воспитание, это был бы превосходный человек, потому что у него много достоинства и бесконечно много природного ума» [8].

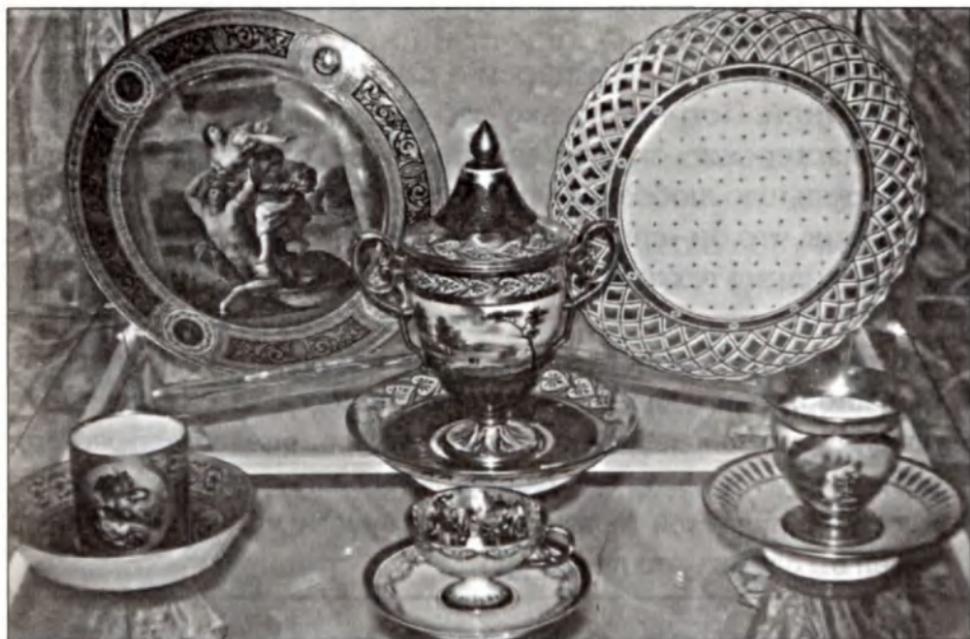
Обеих курфюрстин покорили непосредственность царя, его необыкновенный ум, простота общения и обширность познаний. Петр также остался доволен обществом курфюрстин и выразил желание повторно встретиться с ними. Но новому свиданию было не суждено осуществиться — царь выехал в Голландию.

На верфях Голландии

По пути из Бранденбургского курфюршества в Голландию Петр вел активную переписку, особенно часто обращался к А.А. Виниусу, который в то время управлял Сибирью. Задолго до отъезда Петра за границу на Урале была найдена железная руда, и Виниус направлял царю настойчивые просьбы о найме специалистов по строительству домен, о подготовке к плавке руды, отливу пушек. В решении этого вопроса царь возлагал большие надежды на посещение Голландии.

Морская держава интересовала Петра I прежде всего как богатейшая страна, славившаяся кораблестроением, развитой промышленностью и торговлей. Заочное знакомство царя с обычаями и нравами голландцев состоялось задолго до посещения этого государства: в юности его лекарем был голландец ван дер Гульст. Кроме того, он был знаком с голландцами Францем Тиммерманом и Карстенем Брантом, от которых получил первые сведения о мореплавании и судостроении. Да и строительство кораблей на Плещеевом озере проходило под руководством голландских мастеров.

Петр неплохо знал голландский язык, что упрощало его общение с населением. Прибыв в начале августа в Амстердам

Голландский фарфоровый сервиз (XVIII в.)

во главе 18 волонтеров, Петр сразу принялся устраивать дела, ради которых, собственно, и было намечено посещение Голландии. 8 августа он приехал в Саардам, где собирался учиться кораблестроению, и снял в доме кузнеца Геррита Киста каморку. Уже на следующий день Петр приобрел необходимые инструменты и приступил к работе на верфи.

Несмотря на то что одет был Петр, как и прочие мастера-вые, в красную байковую куртку и холстинные шаровары, голландцы, бывавшие в Москве, узнали его очень быстро. Это обстоятельство доставило Петру немало огорчений, поскольку ему приходилось постоянно быть в центре внимания не только местных любопытных, но и других жителей страны, которые специально приезжали в Саардам, чтобы поглядеть, как русский царь работает топором, трудится на постройке мельницы, ловко управляет яхтой.

Петр стал объектом назойливого любопытства, а порой и участником нелепых инцидентов: однажды мальчишки забросали его гнилыми яблоками, мусором и камнями. Бургомистр обнародовал следующее объявление: «Бургомистры, узнав с прискорбием, что дерзкие мальчишки осмелились бросать камнями и разною дрянью в некоторых знатных особ-иностранцев, строжайше запрещают это всем и каждому под угрозой наибольшего наказания, которое установлено...» [4].

Неделя, проведенная царем в Саардаме, оказалась очень насыщенной. Петр не только работал на верфи, но и осматривал мастерские, склады, предприятия, проявляя при этом поразительную любознательность и наблюдательность. Случалось так, что он «спрашивал о том, что значительно превышало познания тех, к кому он обращался с расспросами» [10].

Голландцев поражала ловкость Петра в работе, во многих делах он часто превосходил даже опытных мастеровых: «...находясь на одной бумажной мельнице и осмотрев все интересовавшее его, царь взял из рук мастера форму, которой тот черпал бумажную массу, и отлил такой образцовый лист бумаги, что никто другой не сумел бы сделать это лучше» [4].

16 августа 1697 г. великое посольство въехало в столицу Нидерландов Амстердам, где гостям был устроен торжест-

венный прием, сопровождавшийся приветственными речами и артиллерийским салютом. В свите посольства находился и Петр, специально прибывший из Саардама. Одетый в кафтан, красную рубаху и войлочную шляпу, он вновь выступал в роли простого десятника Петра Михайлова. На следующий день гости посетили театр, где им показали «дивные танцы и иные утешные вещи и перспекти-

«Пастушок» (стилизация под голландских мастеров, XVIII в.)

вы; а где великие и полномочные послы сидели, и то место устлано было коврами и обито сукном, и на столе поставлены фрукты и конфеты многие, и подчивали бурмистры великих послов прилежно» [4]. 17 августа перед посещением театра Петр писал А.А. Виниусу: «Послы вчерась приняты гораздо с честью и сегодня будут в комедии, а назавтрее фейерверк пускан будет. Вчерась и виделся с господином Витценом...» [4].

Упоминаемый царем Николай Витзен, бургомистр Амстердама и один из директоров Ост-Индской компании, был известен как меценат (оказывал покровительство художникам), ученый-этнограф и знаток военно-морского дела. Еще в 1664 г. Витзен в составе голландского посольства посетил Россию, он достаточно хорошо знал русский язык. Поэтому голландское правительство поручило улаживать все конфликты и недоразумения с великим посольством именно ему.

Для русского царя это знакомство оказалось крайне полезным. Стараниями Витзена Петр получил возможность сменить Саардамскую верфь на одну из верфей Ост-Индской компании. Он и несколько волонтеров были зачислены на Амстердамскую верфь. Руководство Ост-Индской компании даже распорядилось заложить специальный корабль, чтобы «знатная особа, пребывающая здесь incognito» [4], имела возможность ознакомиться со всеми этапами его сооружения и оснастки.

Витзен тоже был заинтересован в общении с русским царем. Бургомистр занимался изучением языков, обычаев и нравов народов, населявших Восточную Европу (его труд назывался «Северная и Восточная Татария»).

Петру распоряжение о закладке специального корабля стало известно во время парадного обеда, который был устроен городскими властями в честь великого посольства. Едва дождавшись окончания обеда и последовавшего за ним фейерверка, царь пожелал немедленно отправиться в Саардам за своими вещами и инструментами. Петра тщетно пытались отговорить от поездки в ночное время, пришлось посылать за ключами от портовой заставы и опускать подъемный мост, чтобы он смог выехать из города. В неурочное время был побеспокоен и владелец дома, где квартировал царь.

На Амстердамскую верфь Петр прибыл 20 августа и в этот же день начал обучаться кораблестроению, работая рядовым плотником. Наставником августейшего ученика был назначен корабельный мастер Поль. Остальные десять волонтеров, зачисленные на верфь вместе с царем, были определены (в зависимости от способностей) по два человека к мачтовому, блочному и ботовому делу, семь человек обучались ремеслу матросов, а один из стольников — Александр Арчилович, царевич Имеретинского царства, ставший русским подданным, был направлен в Гаагу для обучения бомбардирскому искусству.

Волонтеры — сподвижники Петра I

Многие из волонтеров, с которыми Петр трудился и обучался за границей — Александр и Гавриил Меншиковы, Александр Кикин, Федосей Скляев, Александр Арчилович и некоторые другие, — спустя некоторое время стали сподвижниками Петра. Первое место среди них, несомненно, принадлежит Александру Даниловичу Меншикову. Природа щедро наградила его талантами. Будучи неграмотным человеком, умевшим только поставить свою подпись под документом, он обращал в бегство полки одной из лучших армий Европы — шведской — во главе с прославленными генералами, а также справлялся с обязанностями губернатора Московской губер-

нии, президента Военной коллегии, сенатора. Отсутствие грамотности не помешало князю Меншикову стать первым в России членом Королевского общества — Академии наук Великобритании. В дипломе, выданном Александру Даниловичу (подписанном Исааком Ньютоном), подчеркивалось его рaдение о распространении наук и образования в России.

Подпись Петра I

Существуют две версии о происхождении Меншикова. Одну из них подтверждают официальные документы — диплом императора (цесаря) «Священной Римской империи германской нации» (нынешняя Германия) о возведении Меншикова в княжеское достоинство и грамота Петра I о пожаловании его титулом князя Ижорского в июне 1707 г. В этих документах сказано, что Меншиков происходил из благородной литовской фамилии, а отец его служил в гвардии. Однако современники светлейшего князя (как русские, так и иностранцы) в своих воспоминаниях о нем сообщали, что Меншиков был выходцем из престоляродья.

До наших дней дошли записки придворного механика Андрея Константиновича Нартова, в которых он, в частности, описывает такой случай. Однажды царь, разгневанный на Меншикова за какие-то провинности, в раздражении крикнул ему: «Знаешь ли ты, что я разом поворочу тебя в прежнее состояние... Тотчас возьми кузов свой с пирогами, скитайся по лагерю и по улицам, кричи: «Пироги подовые!», как делывал прежде. Вон! Ты не достоин милости моей» [4]. Меншиков выбежал на улицу, выхватил у пирожника его кузов и с ним явился к царю. Это понравилось Петру, и он сменил гнев на милость: «Слушай, Александр, перестань бездельничать или хуже будешь пирожника» [4].

Карьера Александра Даниловича Меншикова удивляла не только его соотечественников, но и иностранцев. Простой пирожник сначала стал денщиком царя, затем от услужения перешел к службе и продвинулся на ней с поразительной быстротой — стал действительным тайным советником, адмиралом белого и красного флага, генералиссимусом, президентом Военной коллегии и т.д. К концу жизни титул светлейшего князя занимал несколько строк печатного текста.

Интерьер жилого помещения дворца А.Д. Меншикова

Вместе с карьерным ростом Меншикова не менее фантастично увеличивалось и его состояние: в относительно короткий промежуток времени он стал самым богатым после царя человеком в стране. По одним данным, Меншиков владел 100 тыс. крепостных крестьян, по другим сведениям, у него числилось 150 тыс. душ. Их труд приносил княжеской семье доходы, позволявшие ей вести роскошный образ жизни и держать сотни слуг, среди которых было немало иностранцев. Дворцы Меншикова в Санкт-Петербурге и расположенном неподалеку городе Ораниенбауме (ныне Ломоносов) поражают своим внешним величием, изяществом внутреннего убранства. По некоторым данным, в последние годы правления Петра I Меншикову удалось вывезти в Лондон около 5 млн рублей золотом при ежегодном обороте государственной казны приблизительно в 3 млн. Судьба князя Меншикова складывалась драматично. Могущественный и богатый временщик, «полудержавный властелин» [11], как называл его Пушкин, лишился всего, чем владел: чинов, орденов, имений и даже свободы. Свою жизнь он закончил в ссылке — в глухом Березове, в окружении детей.

О том, что Меншиков — явление уникальное не только для России, но и для всей мировой истории, свидетельствует, на-

пример, такой факт: после его смерти только на протяжении XVIII в. на Западе было опубликовано несколько биографий князя.

Незаурядной личностью был и другой сподвижник Петра волонтер Александр Васильевич Кикин. Его судьба была сходна с судьбой Александра Меншикова. Карьера обоих начиналась с самой низшей ступени и в обоих случаях имела трагическое окончание: Меншиков умер в Березове, Кикин был повешен.

Александр Васильевич Кикин был любимым денщиком царя. Следующей ступенькой карьерной лестницы Кикина была служба в адмиралтействе. Долгое время Кикин находился в числе лиц, которых царь в числе первых уведомлял о важнейших событиях. Возможно, позднее он в полной мере раскрыл бы свои дарования, однако этому помешали обстоятельства щекотливого характера. Будучи уличенным в казнокрадстве, Кикин утратил доверие царя и был отстранен от должности. Оскорбленный Кикин сделал ставку на его сына, царевича Алексея, и поплатился за это жизнью.

Остальные волонтеры оказались менее приближены к царю, Петр использовал их в качестве специалистов в быстро набиравшей в России силу корабельной отрасли.

Августейший плотник

Конец августа и начало сентября волонтеры посвятили обучению премудростям судостроения. 9 сентября на Амстердамской верфи был заложен фрегат длиной 100 футов. В отличие от Петра, весьма непритязательного в одежде, пище, бытовых условиях, многим волонтерам тяжелая работа на верфи пришлась не по душе. Группа русских молодых людей, прибывшая в Голландию раньше Петра, попыталась вернуться на родину, однако царь не позволил.

Желая как можно больше времени посвятить работам на верфи, Петр до минимума сократил свое участие в светских церемониях, ограничив его всего двумя встречами. 31 августа состоялось его приватное свидание с английским королем Вильгельмом III, для которого Петр прибыл на яхте в Утрехт, а после встречи сразу возвратился на верфь в Амстердам.

17 сентября царь принял участие в церемонии торжественного въезда посольства в резиденцию правительства Нидерландов — Гаагу, но уже на следующий день он вновь работал на верфи.

Личное участие царя в постройке кораблей подверглось критике со стороны некоторых волонтеров. Будучи оповещенным о таких настроениях, Петр распорядился заковать критиканов в цепи, чтобы затем отрубить им головы. Однако бургомистры напомнили царю, что законы Голландии не позволяют казнить человека без суда. Это вынудило Петра изменить принятое решение: казнь неудобных волонтеров была заменена ссылкой в отдаленные колонии Нидерландов.

Фрегат «Петр и Павел», заложенный по специальному распоряжению директоров Ост-Индской компании, был спущен на воду 16 ноября. При этом событии присутствовали вели-

А. Толяндер. Портрет Петра I

кие послы. Русские ученики получили свидетельства об овладении мастерством судостроения. 15 января 1698 г. Петр I получил аттестат, подписанный мастером Полем. «Я... — писал Геррит Клаас Поль, — удостоверяю поистине, что Петр Михайлов, находящийся в свите великого московского посольства, в числе тех, которые здесь, в Амстердаме, на Ост-Индской корабельной верфи с 30 августа 1697 года по нижесказанное число жили и под нашим руководством плотничали» [4]. Из аттестата ясно, что Петр Михайлов «был прилежным и разумным плотником», изучил «корабельную архитектуру и черчение планов так основательно... сколько мы сами разумеем» [4].

Спустя много лет, в 1705 г., князю Борису Ивановичу Куракину довелось увидеть корабль «Петр и Павел», над сооружением которого русский царь и волонтеры под руководством Поля трудились в продолжение двух месяцев и одной недели. В своих записках князь отметил, что на этом корабле «уже ходили несколько раз в Ост-Индию и назад возвратились» [4].

Дипломатические затруднения

Если целью посещения Голландии Петром было в основном освоение искусства судостроения, то одной из дипломатических задач великого посольства являлось привлечение Нидерландов к активному участию в войне с Османской империей. Для начала переговоров по этому вопросу послы должны были быть официально представлены высшему сословно-представительному органу Нидерландов — Генеральным Штатам. С этой целью посольство из Амстердама перешло в Гаагу.

25 сентября 1697 г., выступая на аудиенции в Генеральных Штатах, Ф.А. Головин заявил, что государь поручил послам обсудить с Генеральными Штатами вопрос об участии Нидерландов в военных действиях против османов. При этом он подчеркнул успех русского оружия в войне с Османской империей, заверил, что царь не прекратит войны до тех пор, пока «силы басурманские не будут испровержены». После аудиенции для русских послов началась обычная будничная работа. Они принимали у себя шведского, бранденбургского, анг-

лийского, датского и других послов и наносили им ответные визиты, а также вели переговоры с Генеральными Штатами.

Первая встреча непосредственно в рамках переговоров состоялась 29 сентября, последующие конференции проходили 2, 6 и 14 октября. Поскольку Нидерланды совсем недавно заключили мир с Францией, союзником которой являлся турецкий султан, оказание Голландией прямой помощи России в войне с Османской империей вызвало бы острое недовольство со стороны Людовика XIV. Поэтому Генеральные Штаты в ходе переговоров с великими послами проявили неуступчивость.

Зная это, русские послы сочли более правильным не настаивать на непосредственном участии морских и сухопутных сил Нидерландов в военных действиях против османов, а ограничиться просьбой о финансовой и материальной («всякими воинскими и корабельными припасами» [4]) помощи. Послы напомнили партнерам по переговорам, что голландским купцам в торговле с Россией предоставлены значительные льготы, и обещали ввести для Нидерландов новые льготы в транзитной торговле шелком с Ираном и Армянской торговой компанией. Однако Генеральные Штаты не шли на уступки и в этом: принятие предложений великого

Роттердамский порт в Голландии (Й. Йонгкинд. Роттердам)

посольства могло осложнить торговые отношения голландских купцов в Средиземноморье, где турки имели возможность атаковать нидерландские суда.

8 октября после трех конференций глава великого посольства Лефорт известил Петра I о безрезультатности переговоров. В ходе четвертой конференции русским послам ничего не оставалось, как выговаривать Штатам «пространно за такую несклонность и неблагодарство» [4]. Тем не менее конференция закончилась довольно дружелюбно и до ссоры дело не дошло. Русскому царю пожелали успеха в искоренении «оных поган», а во время прощальной аудиенции, состоявшейся 18 октября, русские послы получили дорогие подарки.

Вернувшись 21 октября 1697 г. в Амстердам, посольство утратило статус дипломатического представительства, и Генеральные Штаты перестали предоставлять деньги на его содержание, уже обошедшееся в 40 тыс. рублей, которые были затрачены на переезды посольства из Амстердама в Гаагу и обратно, питание, проживание, устройство развлечений. Теперь расходы на стол, жилье, содержание конюшни и экипажей посольство должно было оплачивать из собственных средств.

Найм специалистов

Правительство Нидерландов не препятствовало обучению русских волонтеров кораблестроению, однако нанять специалистов, а также закупить необходимые инструменты и вооружение оказалось сложнее — эти задачи русскому посольству пришлось решать частным порядком.

В деле найма специалистов царь сильно рассчитывал на помощь Витзена. Однако его надежды не оправдались, о чем свидетельствует письмо Петра к А.А. Виниусу от 29 октября: «А что пишешь о мастерах железных, что в том деле бургомистр Вицын может радение показать и сыскать, о чем я ему непрестанно говорю, и он только манит день за день, а прямой отповеди по ся поры не скажет» [12].

Первый контракт с мастерами был заключен лишь спустя месяц после прибытия посольства в Голландию. Об этом

Петр I сообщает А.А. Виниусу в своем письме от 10 сентября: «Из тех мастеров, которые делают ружья и замки зело добрые; сыскали и пошлем, не мешкав; а мастеров же, которые льют пушки, бомбы и прочее, еще не сыскали, а как сыщем, пришлем, не мешкав» [12].

Массовый найм специалистов военно-морского дела начался только в октябре 1697 г. и продолжался до открытия навигации следующего года. В ходе этой кампании было заключено 672 контракта. В числе нанятых морских и сухопутных офицеров, а также кораблестроителей и других специалистов было 26 капитанов, 35 поручиков, 33 штурмана и подштурмана, 51 лекарь, 81 младший офицер и 345 матросов. Причем голландцы преобладали только среди капитанов (15 из 26) и поручиков (21 из 35). Среди нанятых матросов самую многочисленную группу составляли шведы и датчане (233 из 345). В отряде наемников были также славяне и греки (101 человек). Найму персонала на русскую службу способствовал капитан Корнелий Крюйс, который заслуженно имел репутацию человека добросовестного и знающего военно-морское дело.

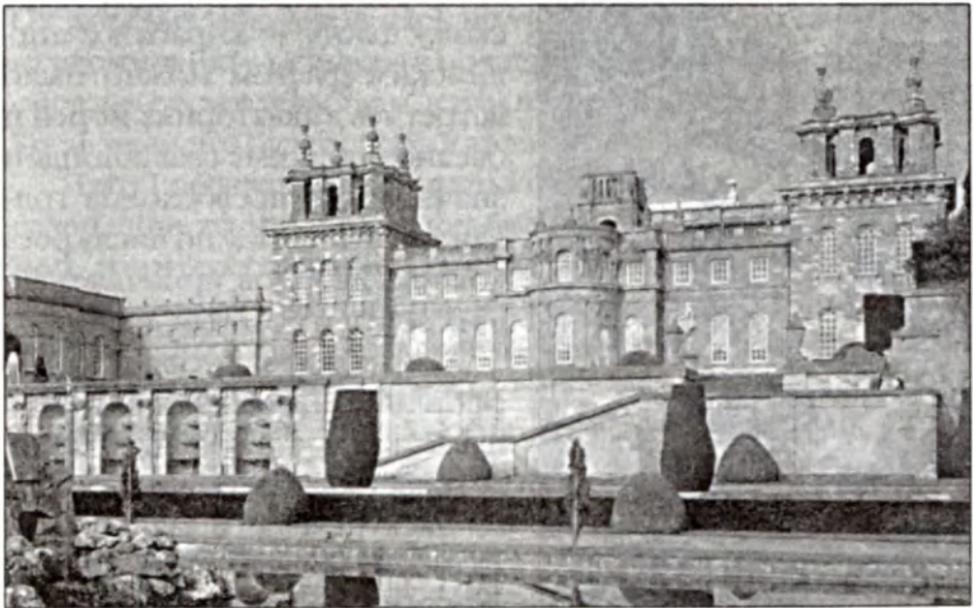
Петр I в Англии

В Англии Петр I собирался освоить профессию инженера-кораблестроителя. Теоретические познания в этой области голландского наставника царя мастера Геррита Клааса Поля не удовлетворили его ученика («зело стало противно, что такой дальний путь для сего восприял и желаемого не достиг» [4]). И действительно, Поль был превосходным практиком, а не теоретиком. От английских дипломатов и купцов Петру стало известно, что в Англии «сия архитектура так в совершенстве, как и другие, и что кратким временем научиться мочно» [4].

Другой целью посещения Петром Англии являлось желание познакомиться с ее высокоразвитой промышленностью и техническими новинками. Тем более что английский король был расположен к русскому царю, что отчетливо выразилось в подарке, преподнесенном Петру Вильгельмом III.

Английский король, который одновременно был и штатгалтером (управляющим) зависимых от Англии Нидерландов, подарил Петру I яхту новейшей конструкции, вооруженную 20 медными пушками. От имени короля этот подарок преподнес конструктор этой яхты лорд Кармартен. При этом он известил Петра, что ни один английский корабль не может с нею состязаться в быстроте хода и красоте отделки. В ответ Петр отправил к Вильгельму III своего представителя Адама Вейде, чтобы передать благодарность, а заодно просить разрешения прибыть в Англию.

Адам Вейде вернулся в Амстердам 26 декабря и объявил о том, что король намерен прислать за русскими гостями три корабля и две яхты. Среди волонтеров началась подготовка к поездке в Англию: в первую очередь были сшиты новые костюмы, приобретены шпаги, шляпы и другие мелочи европейского туалета. 6 января 1698 г. для отъезжавших волонтеров был дан прощальный обед, а уже 11 января яхта, на которой находились царь и его спутники, бросила якорь вблизи Лондона. Через три дня Вильгельм III нанес Петру I приватный визит. Беседа продолжалась полчаса. 23 января русский царь побывал у английского короля с ответным визитом, который также носил неофициальный характер. Беседа монархов продолжилась два часа.

Дворец герцогов Мальборо (современная фотография)

В Англии Петр I пробыл четыре месяца, которые были насыщены множеством интересных встреч. Царь несколько раз посетил Гринвичскую обсерваторию. Во время одного из визитов Петр познакомился здесь с астрономом Эдмундом Галлеем. К тому времени Галлей уже прославился своими наблюдениями за кометами: ученый доказал, что они обращаются вокруг Солнца, и установил периодичность движения одной из наиболее ярких комет, названной в его честь. Своим открытием Галлей нашел практическое подтверждение закону всемирного тяготения, сформулированному знаменитым физиком сэром Исааком Ньютоном, с которым астроном состоял в близкой дружбе.

На настойчивые уговоры Петра поехать работать в Россию Галлей дал вежливый, но категоричный отказ. Возможно, Галлей был необходим русскому царю не только как специалист по навигационной астрономии, но и как астролог, поскольку Петр I доверял гороскопам (должность придворного астролога впоследствии стал исполнять Я.В. Брюс). Однако стоит заметить, что сам Эдмунд Галлей не верил в астрологию и называл ее лженаукой.

Царь с интересом осматривал достопримечательности английской столицы. Ее верфи и доки не уступали голландским, они позволяли развиваться торговому и военно-морскому флоту — корабли с английским флагом можно было встретить в акваториях морей и океанов по всему свету. Лондон значительно превосходил голландскую столицу по числу роскошных дворцов, принадлежавших знати и богатым купцам.

Ознакомился русский царь и с лондонскими предприятиями. Здесь, как и в Голландии, он не довольствовался ролью простого экскурсанта. В мастерской знаменитого часовщика Карте он увлекся техникой изготовления часов, научился сам соби-

«Астрономия» (гравюра, XVIII в.)

рать и разбирать их. Не однажды царь посещал и Монетный двор: он рассчитывал использовать в России английскую новинку — машину для чеканки монет.

Петр I трижды посетил центр артиллерийского производства — Вулич. В один из таких визитов он «смотрел лабораторию, где огнестрельные всякие вещи и наряжают бомбы» [4]. Кроме того, царь побывал в Английском королевском обществе — центре научной мысли, а также в Оксфордском университете.

Знакомство с «Королевой морей», как уже несколько столетий называли Англию, существенно обогатило Петра новыми знаниями в области морского дела. В ходе этой поездки у русского правителя окончательно сформировалось общее представление о флоте и его назначении.

Англичане на практике осуществили идею *fleet in being* — «флота, реально существующего». Они были уверены: если у страны есть сильный флот, ей незачем даже ввязываться в политические конфликты, поскольку одного только присутствия судов близ акватории противника достаточно, чтобы заставить его изменить свои планы. Эта идея была созвучна мыслям и намерениям Петра I. Составляя впоследствии «Устав Флота Российского», он взял за основу английский образец. От морских офицеров царь не требовал слепого следования каждому пункту: офицерам полагалось соблюдать правила сообразно обстоятельствам, в том числе разрешалось нарушать Устав, если это будет способствовать победе в сражении.

Петр I обладал способностью перенимать у западных соседей лишь то, что считал необходимым и полезным. Например, заинтересовавшись английским законотворчеством, царь несколько часов просидел на одном из заседаний парламента. Он пришел к заключению, что России подобный законодательный орган власти не нужен. Действительно, тогдашняя Россия еще не созрела для парламентаризма — ей требовалась железная рука для мобилизации сил в борьбе за утверждение на «четыре моря».

Несправедливо было бы обвинять царя в том, что он «онемечил» Русь. Все заимствования, включая и те, которые сейчас кажутся мелкими, не заслуживающими внимания, осно-

вывались на трезвом расчете. Россия на протяжении всего XVII в. ожидала перемен, которые постепенно — очень медленно и очень неэффективно — осуществлялись Борисом Годуновым, Лжедмитрием I и даже «тишайшим» Алексеем Михайловичем. Чтобы эти перемены не оказались разрушительными, требовалось задать верное направление развития. Такое направление рассчитал для обновлявшейся России Петр. По словам историка С.М. Соловьева, он вернулся из Европы даже более русским, чем был, когда уезжал за границу в составе великого посольства.

Пробыв в Англии три месяца, царь со своими спутниками вернулся в Голландию, но задерживаться здесь повторно не стал, а направился в Вену, откуда в дальнейшем намеревался поехать в Венецию. Этот заключительный этап заграничной поездки Петра I преследовал совершенно иные цели, чем предыдущий. Голландию и Англию царь посетил главным образом для того, чтобы научиться корабельному делу.

Австрия и Венецианская республика интересовали Петра преимущественно как возможные союзники в борьбе против Турции. Австрийская империя и венецианцы тоже были заинтересованы в выходе на Балканы, дававшим возможность свободно осуществлять торговое и военное судоходство в Восточном Средиземноморье. Венеция — островное государство (в ту пору она не входила в состав Италии), являвшееся важным торговым посредником между Востоком и Западом. Начиная с XV в. Османская империя находилась в состоянии вражды с Венецией, поскольку турки намеренно препятствовали доставке товаров, отправленных из Персии,

Путь великого посольства

Индии и Китая в Европу, что грозило Венецианской республике банкротством. Австрия граничила с балканскими землями, заселенными сравнительно малочисленными и слабыми в военном отношении народами. Крупной европейской державе было бы нетрудно подчинить их своему влиянию, однако эта территория уже находилась под турецким игом. Таким образом, все три государства: Австрия, Венецианская республика и Россия — были одинаково заинтересованы в объединении сил против турок.

Русский царь спешил, поскольку, пребывая в Англии и Нидерландах, он понял, что эти державы заинтересованы в том, чтобы Россия продолжала войну с Турцией в одиночку, тогда как Австрию они склоняли к миру с османами. Это было необходимо голландцам и англичанам для того, чтобы вовлечь австрийцев в войну за испанское наследство против Франции. Австрия могла бы стать очень полезным союзником, тогда как в России Нидерланды и Англия видели потенциального противника: в Европе русских были склонны считать (причем, возможно, небезосновательно) будущими союзниками французов.

Торжественный въезд посольства в столицу Австрии состоялся 16 июня. Впрочем, сам Петр приехал в Вену с опережением и инкогнито — о его прибытии были оповещены лишь император и несколько высших чинов в правительстве. Царь упрекал австрийцев в том, что они отказались от помощи русским, переметнувшись к голландцам и англичанам. Он настаивал на том, чтобы Австрия, как и во время Азовских походов, отстаивала интересы России в Европе и способствовала признанию Турцией петровских завоеваний 1695—1696 гг., а также помогла отнять у османов Керчь в Крыму.

Австрийцы колебались, поскольку не считали нужным оказывать давление на турок и признавали победу России во втором Азовском походе по мирному договору на основании международного права *uti possidetis* («каждый после мира владеет тем, что имел до мира»). Русскому царю это было крайне невыгодно: лишь Азов и Керчь вместе давали ему возможность закрепиться на Черном море. В конце концов австрийцы с рядом оговорок приняли условия Петра. Теперь царю предстоял вояж в Венецию, но эта дипломатическая миссия не состоялась из-за событий в России.

СТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Политика Петра I, ориентированная на европейские ценности, не всегда встречала понимание у подданных. Поэтому на протяжении всего срока правления царю приходилось бороться не только с внешними противниками, но и с внутренней оппозицией, в том числе в собственном семействе. Длившаяся 21 год Северная война, имевшая целью закрепить за Россией выход к Балтике и таким образом утвердить господство в этом регионе, потребовала от народа немалых жертв, которые Петр I рассчитывал компенсировать в будущем, построив мощное и богатое государство.

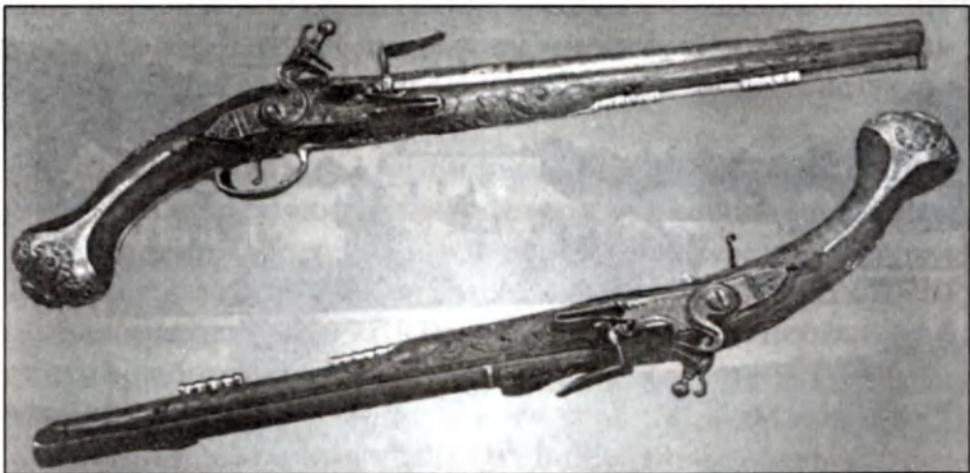
Третий стрелецкий бунт

В Вене Петр I получил известие об очередном стрелецком бунте и был вынужден немедленно вернуться в Россию. Сразу по прибытии ему пришлось участвовать в судебном разбирательстве.

После взятия Азова в 1696 г. в крепости были оставлены 6 солдатских и 4 стрелецких полка. В стрелецких полках насчитывалось 2659 урядников и рядовых, 8 полковников и подполковников и 30 капитанов. На них возлагались обязанности не только противостоять возможным попыткам османов вернуть крепость, но и восстановить ее бастионы, а также построить новые.

Стрельцы и раньше принимали участие в военных походах, но только в летнее время — на зиму они всегда возвращались в Москву, где занимались торговлей и промыслами. Однако на этот раз стрельцам пришлось зимовать в Азове. Летом 1697 г. им было приказано идти к Москве, но в пути поступило новое распоряжение: полкам предписывалось отправиться на польскую границу — в Великие Луки. Вместо встречи с семьями предстояли новые испытания: жизнь в малонаселенной местности, голод и нужда.

В полках пошли слухи о том, что стрельцов навсегда вывезли из Москвы и всему стрелецкому войску грозит гибель. Считая виновниками своих бед бояр и иностранцев, стрелецкие полки самовольно двинулись в Москву, но по дороге

Пистолеты сестрорецких мастеров (начало XVIII в.)

их встретили и разгромили регулярные войска под командованием Шеина, Гордона и Кольцова Мосальского (всего 3700 воинов и 25 пушек)

Начальник Разрядного приказа А.С. Шеин провел расследование и распорядился казнить 722 бунтовщика. Когда в Москву вернулся Петр I, было казнено еще более 1000 человек. Жизнь сохранили только стрельцам в возрасте от 14 до 20 лет. Царь решил раз и навсегда уничтожить «воров и изменников и крестопреступников и бунтовщиков» [7]. Всего за участие в восстании было казнено более 1700 стрельцов, остальных отправили по разным городам и записали в другие полки.

Разрыв с Евдокией Лопухиной

В 1698 г. наступил окончательный разрыв между Петром I и его супругой. Это произошло не только из-за того, что Евдокия, во многом приверженная русской старине, не понимала и не поддерживала петровских нововведений. Царь по-прежнему увлекался Анной Монс, а с Евдокией они давно уже были чужими людьми.

Спустя некоторое время после приезда Петра из-за границы Евдокию Федоровну Лопухину насильно отправили в Суздаль, в Покровский монастырь, где постригли в монахини

Покровский монастырь в Суздале (современная фотография)

под именем Елены. В ту эпоху это была единственно возможная форма развода между царственными супругами. Сыну Петра, царевичу Алексею, исполнилось к тому времени 9 лет, два его брата умерли в младенческом возрасте.

Начало Северной войны

Во время путешествия за границу Петр убедился, что на Западе многого ожидают от Москвы. Курфюрст Бранденбургский при свидании с царем объяснил ему, какие выгоды можно извлечь из войны со Швецией. Дания постоянно ссорилась со Швецией из-за герцогства Гольштейн-Готторпского (принцессы оттуда впоследствии сыграют значительную роль в истории нашего государства). Новый польский король Август II намеревался вернуть Лифляндию, принадлежавшую Польше до середины XVII в. Ливонское дворянство было настроено против шведского правителя из-за отобранных имений.

Петр I воспользовался политической ситуацией и заключил договор с польским и датским королями, обещая направить свои войска в занятые шведами Ижорскую землю (Ингерманландию) и Карелию. При свидании в городе Раве (в Галиции) русский царь и польский король «друг другу обязались крепкими словами и дружбой, без письменного обязательства, и разъехались» [3]. Уполномоченный короля Августа писал из Москвы в 1699 г.: «Петр выразил желание, чтобы Ваше Королевское Величество помогли ему занять те шведские области, которые, по Божию милости и праву, в сущности, принадлежат России и были потеряны вследствие смуты в начале этого века» [3].

В то же время Петр I не прерывал переговоров со Швецией и через своего посла князя Хилкова обещал даже отнять у короля Августа Ригу, если тот ее захватит. Тем не менее он готовился к войне. Значительная часть его войска состояла из новобранцев. В 1699 г. в России был объявлен первый рекрутский набор: с каждых 25—50 дворов брали по одному человеку в солдаты. В селе Преображенском Петр сам делал смотр рекрутам и распределял их по полкам.

Вскоре из них сформировалась армия, вооруженная по образцу немецкой пехоты. Офицерами были большей ча-

Фузилер Семеновского полка
(рисунок XVIII в.)

Стремясь завладеть сильным укрепленным пунктом на Балтийском море, он направил 35 тысячную армию на осаду Нарвы.

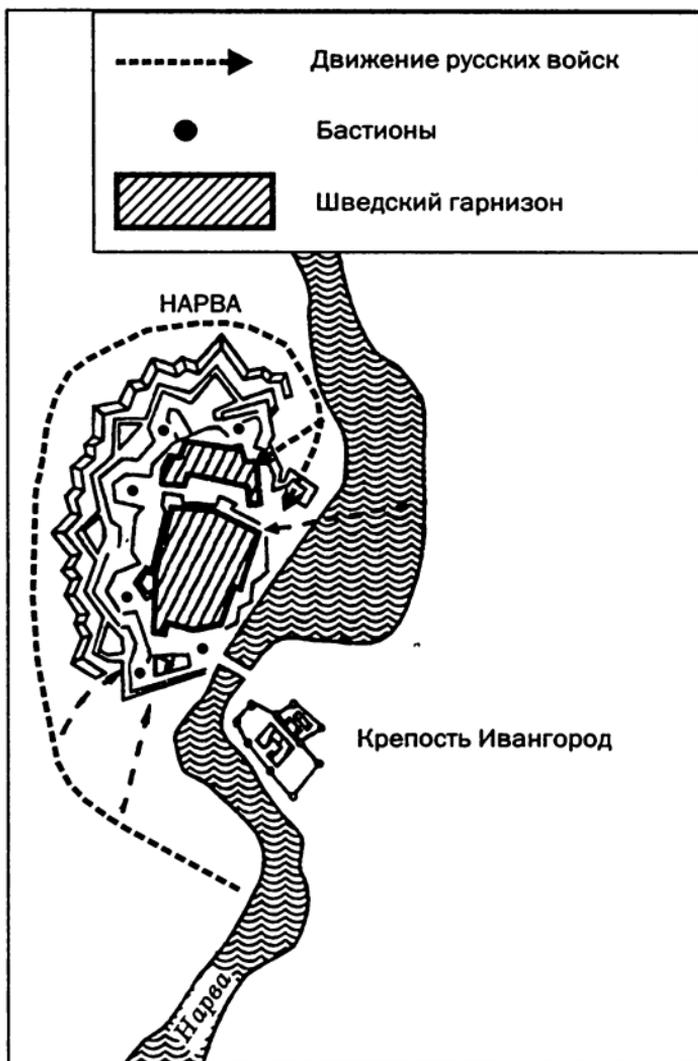
Сражение под Нарвой

В конце сентября под руководством инженера Галларта русские укрепили свой лагерь и приступили к осаде и бомбардировке Нарвы. Вскоре пришло известие о том, что на помощь осажденным идет шведский король Карл XII, уже заявивший о своих способностях победой над Данией. Шведская армия считалась тогда первой в Европе по воинскому искусству, опытности и дисциплине. Главнокомандующим русской армией был назначен герцог фон Круа, которого Петру I рекомендовал король Август. Сам Петр поспешил в Новгород, чтобы направить остальные полки к Нарве.

В сражении под Нарвой шведский король одержал полную победу над «армией мужиков». Вся русская артиллерия досталась неприятелю. Из отступавших в направлении Новгорода русских воинов до 6 тыс. человек погибло от шведских пуль, голода и холода. Хотя Петр не исключал неудачи, такого поражения он все же не ожидал. «Спасибо брату Кар-

стью иностранцы, присланные из Иноземного приказа. Царь остался недоволен ими: многие были «гуляки великие», другие «не умели за мушкеты взяться» [4]. Поэтому он отдал приказ набирать офицеров из русских и совершенствовать их познания в военном деле.

Получив известие о заключении мира с Турцией, 19 августа 1700 г. Петр I объявил Швеции войну под предлогом возмездия за оскорбления, нанесенные шведскими подданными русским послам.

Осада и штурм Нарвы

лу, — сказал он, — будет время, и мы ему отплатим за уроки» [7]. Царь отдал приказание немедленно укреплять города, готовить артиллерию и собирать новые полки.

В Европе победа шведов вызвала всеобщий восторг и насмешки над Петром. Г.В. Лейбниц сочинил в честь шведского короля стихотворение и выразил надежду, что Карл XII завладеет Московским государством вплоть до Амура. Однако правитель Швеции не воспользовался успехом и не вторгся со своим войском на российскую территорию. Он не понимал Петра, презирал «армию мужиков» и полагал, что одного удачного сражения достаточно для того, чтобы обеспечить политическое преобладание. Оставив в Ингерманландии и

Лифляндии только 15-тысячное войско, Карл XII с лучшими частями армии направился к Польше, считая короля Августа своим главным врагом.

Первые победы

Поражение под Нарвой побудило Петра I составить подробный план войны, которого он был намерен придерживаться до полной победы над шведами. Требуя от населения определенных жертв, в дальнейшем царь надеялся поднять благосостояние страны доходами от промышленности и внешней торговли.

В Петре I пробуждался великий полководец, который стремился вникнуть во все подробности армейской жизни. Целый месяц царь продержал себя на солдатском пайке, исполняя все обязанности рядового, и ознакомился таким образом со всеми трудностями службы низших чинов. Это позволило ему получить достоверные данные для определения силы своей армии. Обучение вновь сформированных полков производилось под его непосредственным присмотром.

В 1701 г. Петр I выставил против шведов 40-тысячную армию под предводительством русских генералов Б.П. Шереметева и П.М. Апраксина. Царь предписывал им изнурять неприятеля малой войной, путем вторжений в Лифляндию и шведские провинции. Чтобы поднять дух своей армии и приучить ее брать верх над шведами, Петр приказал в первое время нападать на противника только превосходящими силами.

Первая победа русских над шведами (а именно войсками под командованием генерала Шлиппенбаха), одержанная под Дерптом 29 декабря 1701 г., вызвала большую радость в Москве. Позже шведский генерал Шлиппенбах был разбит Шереметевым при Гуммельсофе (летом 1702 г.), русские отряды вторглись в Ливонию — на земли Эстляндии, где завладели крепостью Мариенбург. Такая военная тактика была введена в систему и практиковалась русскими в течение нескольких лет.

В результате осенью 1702 г. русские завладели Ингерманландией, которая прежде относилась к Новгородской земле.

Крепость Шлиссельбург (современная фотография)

Апраксин прошел со своим войском сначала по Неве, а затем по ее притоку Тосне до города Тосно, «все разорил и завоевал» [7]. 11 октября сам Петр руководил успешным штурмом крепости Нотебург. Переименовав в Шлиссельбург, он назначил ее губернатором Александра Меншикова. Затем он устроил для себя триумфальный въезд в Москву, а оттуда поехал в Воронеж, побывав заодно на строительстве канала у верховьев Дона и сделав распоряжение о доставке железа и новых рабочих.

Весной 1703 г. царь опять прибыл на берега Невы и строго взыскал с А.А. Виниуса за неаккуратную поставку в Шлиссельбург артиллерийских снарядов и лекарств. 25 апреля, действуя вместе с Шереметевым, Петр взял шведскую крепость Ниеншанц, расположенную в устье Охты (притока Невы). Когда осажденным была направлена помощь по Неве, он решил напасть на шведские корабли.

Выслав Меншикова с частью гвардии к деревне Калинкиной, сам Петр поплыл со своими судами под прикрытием ле-

са вдоль Васильевского острова и захватил два вражеских корабля, отрезав их от шведской эскадры, стоявшей в море. Это была первая морская победа русских. Царь и Меншиков были пожалованы от адмирала Головина орденами Андрея Первозванного.

Основание Петербурга

16 мая 1703 г., в день Святой Троицы, на острове Люст-Эйланд (в переводе со шведского — «Веселый Остров», ныне — Заячий остров, изначальное финское название — Янни-Саари) был заложен новый город. В честь своего святого покровителя царь дал ему название Санкт-Питерсбурх — так это звучало по-голландски; Петербургом (теперь уже на немецкий манер) город стал позднее.

Русский историк С.М. Соловьев так расценивал появление Петербурга: «В IX веке по Р. Х. устьем Невы начинался великий путь из варяг в греки; этим путем в половине века началась Россия. В продолжение осьми с половиною веков шла она все на восток; дошла вплоть до Восточного океана, но сильно наконец востосковалась по Западном море, у которого родилась, и снова пришла к нему за средствами к возрождению» [1].

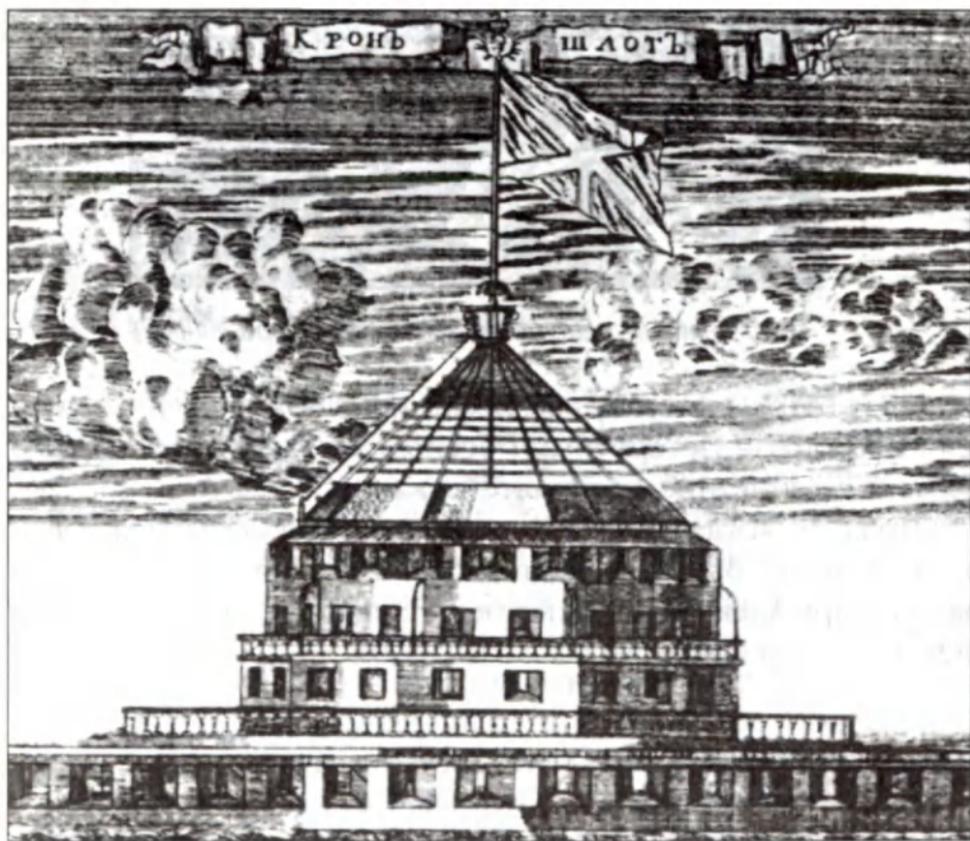
Царь хотел, чтобы Петербург со временем превратился в такой же оживленный и красивый город, как Амстердам. Условия военного времени вынуждали торопиться с реализацией проекта. Поэтому Петр I не жалел людских ресурсов. Уже в первый год строительства на работы были согнаны 20 тыс. «подкопщиков» (землекопов), многие из них погибли от тяжелого труда в сыром и холодном климате. На следующий год Петр потребовал прислать еще 20 тыс. «подкопщиков». Кроме того, ежегодно в молодой город прибывало свыше 1500 квалифицированных работников — пильщиков, слесарей, столяров, каменщиков, плотников и т.д.

Землекопы получали по полтине в месяц, специалисты — по 12 рублей в год (и кроме того — 10 рублей на хлеб). Руководство строительными работами было поручено Меншикову и первому архитектору города Доменико Трезини. Трудовой люд со-

ставил первое население Петербурга, а избы работников стали первыми возведенными здесь постройками. Самая первая изба — построенный за три дня в конце мая 1703 г. домик на Березовом острове — принадлежала самому царю. Домик Петра, сохранившийся до нашего времени, и Петербургская крепость служили ориентирами для дальнейшей застройки.

Уже в ноябре 1703 г. в Санкт-Петербург пришел первый голландский корабль. Царь встречал его лично, проводил судно в гавань и щедро одарил экипаж. В ту же осень Петр I вымерил фарватер между островом Котлиным и находившейся напротив него мелью и заложил на острове крепость Кроншлот (Кронштадт), которая должна была защищать Петербург с моря.

Зимой 1704 г. царь снова поехал в Воронеж и распорядился начать постройку шести кораблей. Оттуда он отправился в Карелию, в Олонец, где тоже была основана корабельная верфь. Посетив чугунолитейные заводы, Петр лично наблю-

Крепость Кроншлот (гравюра, начало XVIII в.)

Петр Великий, осененный славой (гравюра, XVIII в.)

дал за изготовлением пушек. Весной он вновь активно занялся постройкой Петербурга и осенью заложил здесь первый камень в основание Адмиралтейства.

Позднее, когда военная угроза для города утратила прежнюю остроту, были возведены храм Исаакия Далматского и монастырь Александра Невского, усиленно развивалось гражданское строительство.

Взятие Нарвы

В конце 1706 г. численность русской армии превысила 90 тыс. человек; в ней существовали три рода войск: пехота,

кавалерия и артиллерия. Это была дисциплинированная, испытанная в боях армия, способная в полной мере противостоять шведским королевским войскам. Петр I продолжал вести завоевательную войну в Прибалтике и оборонительную — в Польше.

В 1704 г. армия Шереметева двинулась в Эстонию. В присутствии Петра русские штурмом взяли Дерпт, захватив в качестве трофеев 132 орудия. Жителям города гарантировалось сохранение всех привилегий. Далее русские войска подступили к Нарве. Петр I предложил городу сдаться, но комендант Горн ответил царю язвительным письмом, в котором намекал на неудачу первой осады. Петр приказал прочесть это письмо перед своими войсками.

Оскорбление, нанесенное царю, сильно задело и русских солдат. Взяв приступом укрепления, войска ворвались в город и стали истреблять жителей, не щадя женщин и детей. Петр прекратил напрасное кровопролитие. Коменданту Горну он дал крепкую пощечину. Вслед за Нарвой к русским перешел Ивангород. Осенью, посетив еще раз Олонецкую верфь, Петр проехал через завоеванные города и в декабре устроил в Москве триумфальные торжества по случаю возвращения России ее древних земель.

Знакомство Петра I с Екатериной Василевской

В течение нескольких лет после разрыва с Евдокией Лопухиной царь оставался верен своей давней возлюбленной Анне Монс. Семья Монсов решила извлечь выгоду из дружеского расположения царя. Близкие Анны попытались вмешаться в государственные дела и поживиться на внешнеторговых сделках России. Сама Анна отнюдь не была слепой игрушкой в руках корыстных родственников — она принимала активное участие в этих хищениях, завлекая царя в свои сети.

В 1704 г. Петр, получая жалобы на семейство Монсов, начал подозревать, какую роль в этом играет Анна. Его чувства к ней быстро охладели. Залечить сердечную рану помог царю его друг Меншиков: он попытался сосватать за Петра одну из двух своих сестер — Марию или Анну. У этих девиц

Петр и познакомился с Екатериной Василевской — бойкой 21-летней особой. Ей было суждено стать преемницей Анны Монс.

Настоящее имя Екатерины — Марта Скавронская. Дочь литовского (лифляндского) крестьянина Самуила Скавронского служила прачкой у мариенбургского пастора Глюка и в 1702 г. при взятии Мариенбурга попала в плен к русским. В 1703 г. молодую красавицу заметил Меншиков, который увлекся ею и увез к себе, поселив вместе с сестрами. Познакомившись с Мартой, которая в России при православном крещении получила имя Екатерины Василевской, Петр уделял ей все больше внимания. В 1705 г. он совершенно забыл об Анне Монс (спустя два года почти все семейство Монсов — 30 человек — будет арестовано) и проникся чувством сильной привязанности к Екатерине. Позднее между Петром и Екатериной установились любовные отношения, однако пока об этом знал только Меншиков.

А.П. Рябушкин. Петр Великий перевозит в ботике через Неву императрицу Екатерину Алексеевну, князя Меншикова, адмирала Головина и Макарова. (Фрагмент)

Восстание под руководством Кондратия Булавина

Одним из крупнейших народных волнений того времени у южных границ России было восстание казаков под руководством Кондратия Булавина. Восстанию предшествовал царский указ 1705 г. о «сведении» (ликвидации) казачьих городков, построенных без разрешения царя. Казакам как защитникам Отечества предписывалось селиться в специально построенных для этой цели пограничных городах и не принимать в свои ряды беглых каторжан. Эти меры были призваны укрепить рубежи России на юге, что позволило бы бросить основные силы на север, к Балтике.

Чтобы проверить, насколько добросовестно исполняется царский указ, в 1707 г. на Дон отправился князь Юрий Долгорукий. Его небольшой отряд атаковали и полностью перебили казаки, предводителем которых был Кондратий Булавин, атаман из донского городка Бахмута. Казаки испугались: они ожидали наказания со стороны властей. Но атаман сохранял спокойствие.

Кондратий Булавин стал рассылать по казачьим городкам грамоты, в которых призывал всех преступников вступать в его шайку: «Атаманы-молодцы, дорожные охотники, вольные всяких чинов люди, воры и разбойники! Кто похочет с атаманом Кондратьем Афанасьевичем Булавиным, кто похочет с ним погулять, по чисту полю красно походить, сладко попить да поесть, на добрых конях поездить, то приезжайте в горные вершины Самарские (от реки Самары, притока Днепра. — *Ред.*)» [7].

На подавление восстания были брошены регулярные войска под руководством Ше-

Р. Штейн. Смерть атамана донских казаков Булавина под Азовом в 1708 г.

реметева: армии фактически пришлось воевать на два фронта — на севере против шведов и на юге против казаков. Весной 1708 г. казачье войско понесло серьезные потери, а в начале лета последовало его поражение под Азовом. В июле Кондратий Булавин, осознав провал своих планов, застрелился. Со смертью атамана прекратилось и восстание.

Операция под Гродно

Тем временем шла Северная война. Завоевание прибалтийских земель успешно продолжалось. Отправив Шереметева умирять бунт, царь назначил главнокомандующим над своими войсками генерала Г.Б. Огильви. В январе 1706 г. Карл XII, несмотря на суровую зиму, двинулся к городу Гродно, намереваясь захватить там своего противника Августа. Но польский король при поддержке четырех русских полков успел покинуть Гродно. Между тем Карл XII подступил к Гродно, где находились русские под командованием Огильви. Это была уже не «армия мужиков», а привычное к боям и хорошо организованное войско. Однако его силы слабели из-за недостат-

Г.Б. Огильви (гравюра, XVIII в.)

ка провианта, солдаты умирали от болезней, распространившихся в городе. Петр I разработал план освобождения своей армии и искусно привел его в исполнение в конце марта 1706 г. Из 15 тыс. казаков и конницы царь устроил прикрытие для русских войск, а затем велел батальонам отступать в разных направлениях. Он рассчитывал, что Карл XII не станет расплывать свои силы, а нападение только на один батальон ему ничего не даст. Предположение Петра I подтвердилось.

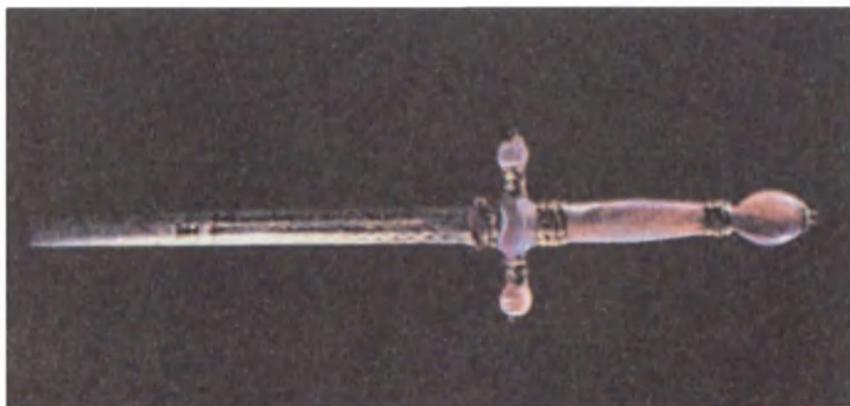
Петр Великий (иллюстрация к книге
«Российский царственный дом Романовых», 1852-1853 гг.)

Детская карета Петра I

*Неизвестный художник.
Неизвестный участник «Нептуновых» потех Петра I*

Детская шпага Петра I

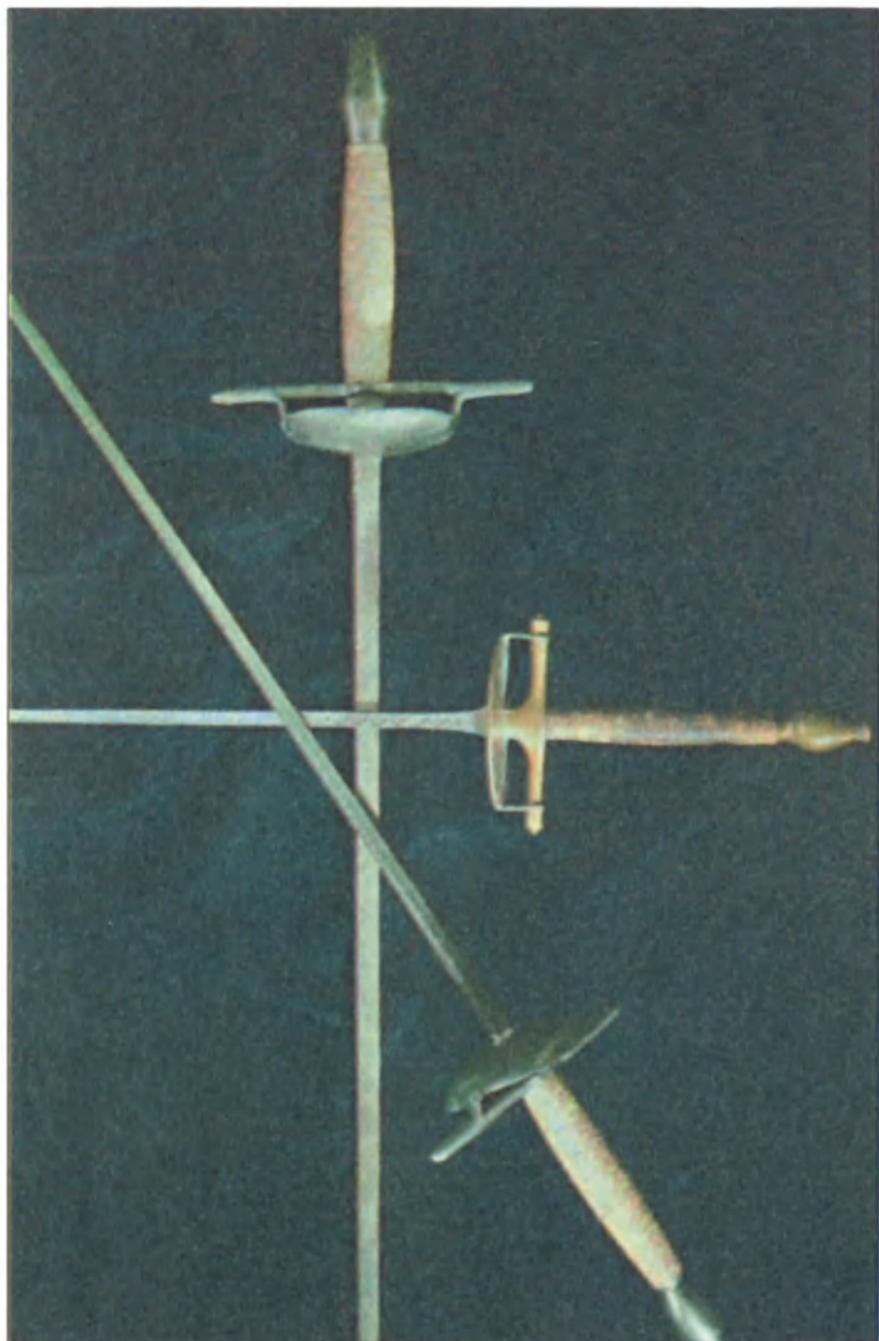
Никитин И.Н. Портрет неизвестного в costume потешных войск

Детская пицаль Петра I

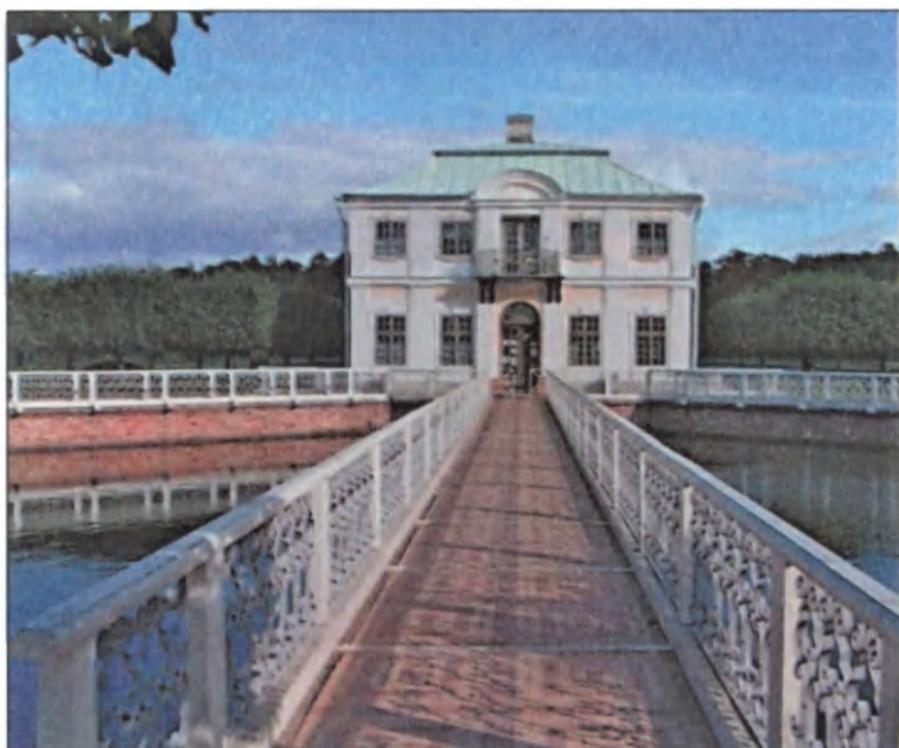
Детская пищаль Петра I. Фрагмент

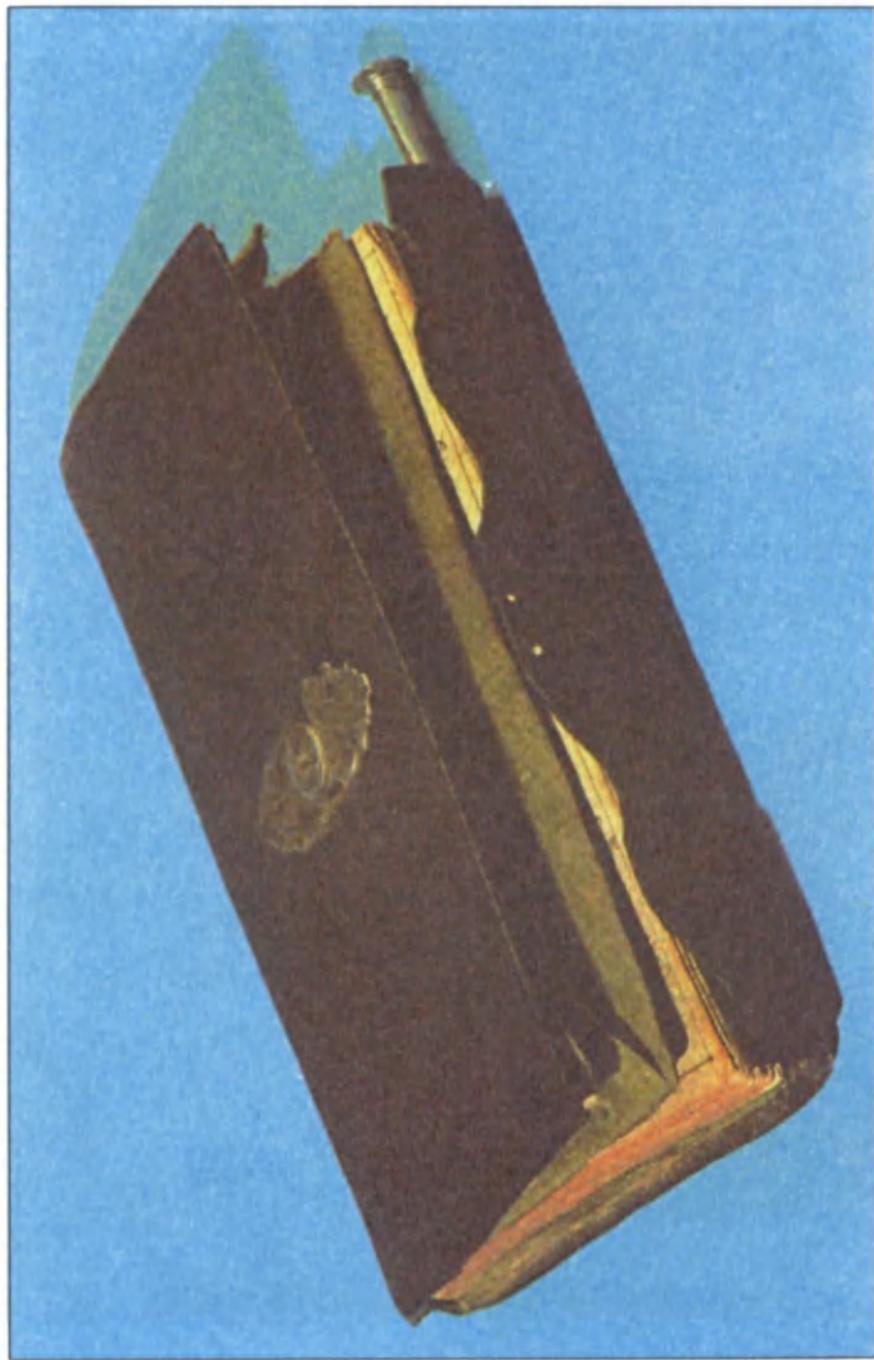
Детские рапиры Петра I

Подсвечник петровского времени

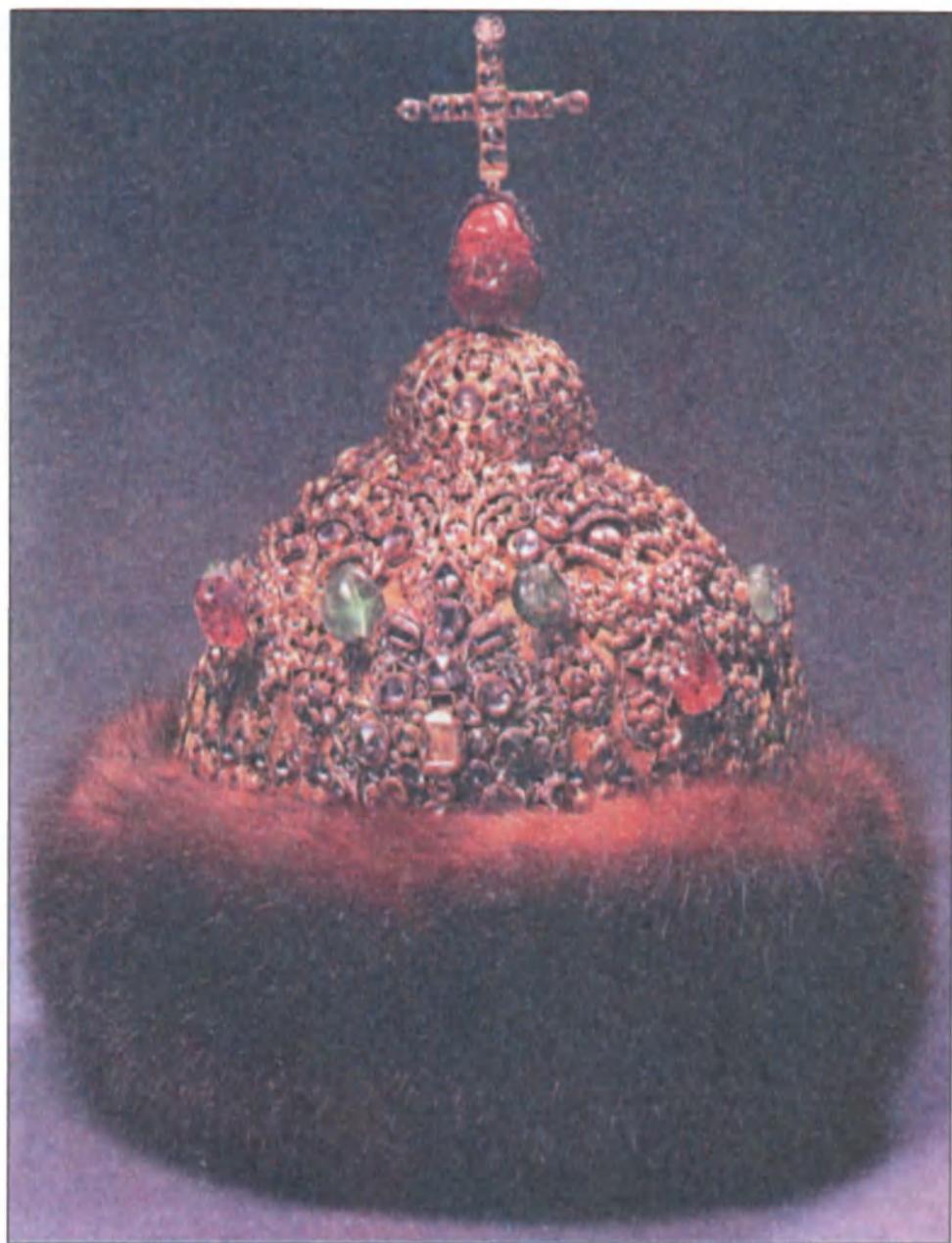
Дворец Марли в Петродворце (начало XVIII в.)

Записная книжка Петра

Семейный портрет Петра I. Миниатюра Г.С. Музикийского

Алмазный венец Петра I

Архиерейские палаты в Суздале (XV–XVIII вв.)

Памятник Петру I в Санкт-Петербурге (скульптор З. Церетели)

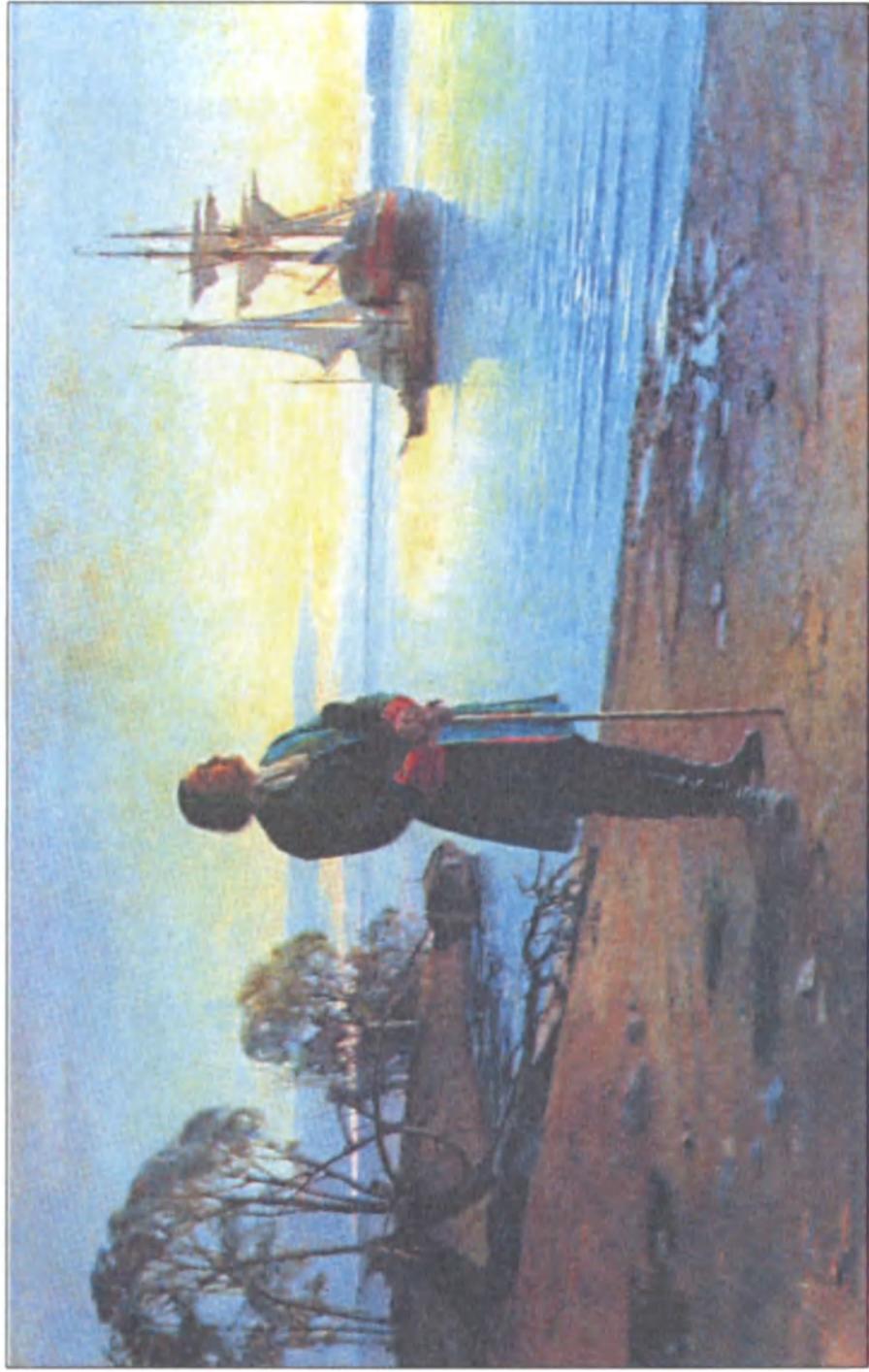
Каскад «Шахматная гора» в Петергофе (начало XVIII в.)

Фонтан перед дворцом Монплеzir в Санкт-Петербурге (начало XVIII в.)

Памятник Петру I на площади Декабристов в Санкт-Петербурге
(скульптор Э.-М. Фальконе, 1782 г.)

Н. Добровольский. Здесь будет город заложен

Шведский король только напрасно измучил свои войска преследованием русских: разлившиеся ручьи и речки, непроходимые болота затруднили движение шведов до такой степени, что Карл XII вынужден был остановиться и дать отдых своей армии. Войско Петра I прибыло в Киев, не произведя ни одного выстрела и почти без потерь. Как заметил военный историк Г.А. Леер, уже одна операция под Гродно могла бы поставить Петра в число первых полководцев Европы.

Поход Карла XII в Россию

После вступления шведов в Россию Петр I составил подробный план обороны, приказав укреплять Москву, Серпухов, Можайск, Тверь, а в случае опасности вывозить казенные и церковные сокровища на Белое озеро. Чтобы лишить шведов продовольствия, русские уничтожали амбары по маршруту войск в Белоруссии. В сражениях при Головчине и Добром (в январе и августе 1708 г.) Карлу XII удалось одержать победу ценой потери значительной части своей армии.

Движение шведского короля в украинские земли стало неожиданностью для Петра. Русский царь не знал о переговорах гетмана Мазепы со шведами. Он без особого желания поддерживал Петра: ему было важнее сохранить власть над запорожцами, которые никому не желали подчиняться. Гетман всерьез подозревал, что буйные казаки сдадут его шведскому королю, как не раз уже сдавали врагам своих предводителей (такая судьба на тот момент постигла всех украинских гетманов после Хмельницкого). В этих условиях Мазепа решился на измену, с 1706 г. начались его тайные переговоры с врагом.

Петр I (гравюра, XIX в.)

Русские не преследовали Карла XII: все свои силы они направили на корпус Левенгаупта, выдвигавшийся из Лифляндии. В сражении у деревни Лесной, к югу от Могилева, 28 сентября 1708 г. шведы были разбиты наголову. Радость победы была омрачена сообщением о том, что малороссийский гетман перешел на сторону противника.

Сражение у Лесной длилось с 8 часов утра до 8 часов вечера. Противник потерял 6397 человек убитыми и ранеными. Около 700 шведов было захвачено в плен. Спустя многие годы Петр I назовет эту победу «матерью Полтавской баталии».

Малороссия не пошла за гетманом. Народ охватило сильное волнение, когда пришло известие о приближении чужеземцев. Вооруженные толпы нападали на чиновников, помещиков, купцов и присоединялись к отрядам Петра I. После нескольких стычек военные действия прекратились. Шведские солдаты умирали от морозов и недостатка провианта; от главной армии отделялись мелкие отряды, которые с оружием в руках отбивали у малороссов скудные припасы. Армия Карла XII таяла, войска Петра I пополнялись свежими силами.

Петр узнал, что шведский король договаривается с турками, чтобы те выступили против России, а сам собирается идти на Воронеж. В начале февраля царь выехал в Воронеж и Тавров на корабельные работы. Когда реки освободились ото льда, Петр, несмотря на нездоровье, спустился по Дону в Новочеркасск; осмотрел Азов и Троицкую крепость, а в мае, уже по суше (степью, через Харьков), возвратился к своему войску, противостоявшему шведам (в отсутствие царя военные действия продолжались).

Полтавская битва

Петр I приехал в армию 31 мая. Карл XII около двух месяцев осаждал Полтаву, надеясь найти в ней большие запасы продовольствия. Русское войско стояло за рекой Ворсклой. Царь известил коменданта Полтавы о своем прибытии письмом, которое было заброшено в город в пустой бомбе. Чтобы освободить город от осады, Петр решил дать генеральное сражение.

Несколько дней русские войска переходили через Ворсклу. Шведы попытались взять Полтаву штурмом, но их атака была отбита. Карл XII посчитал нужным снять осаду. Оба монарха готовились к решающему сражению. Все преимущества были на стороне русских, но Петр I все еще откладывал бой, поджидая подкрепление из 20 тыс. калмыков.

Во втором часу ночи 27 июня 1709 г. Карл XII отдал приказ о наступлении. Военный историк Г.А. Леер в описании генерального сражения дал сначала Петру, а затем Карлу следующие характеристики: «Какая бесконечная разница в распоряжениях обоих полководцев, у одного строгий расчет, гармоническое сочетание решительности с осторожностью; у другого игра, самая отважная игра — все предоставлено на авось, все поставлено на карту!» [4]

Ночью, осматривая русский лагерь, Карл XII слишком близко подъехал к сторожевому посту казаков и был ранен в ногу. Король приказал возить себя по полю сражения в коляске. Действиями шведской армии руководил генерал Реншильд. Русскими войсками командовал фельдмаршал Шереметев, но душой сражения был сам царь Петр. Он обратился к солдатам с краткой речью, воодушевив их на защиту родины.

Царь принимал личное участие в битве — он появлялся в самых опасных местах сражения. Одна шведская пуля прострелила его шляпу, другая попала в седло, третья погнула золотой крест на груди царя. Участь шведской армии была решена в результате сражения, длившегося два часа. В схватке погибло около 9 тыс. шведов, часть шведских солдат вместе

Неизвестный художник. Село в Малороссии

*Шведские офицеры
(с гравюры XVIII в.)*

с генералами и фельдмаршалом попала в плен, остальные бежали.

Враг был сломлен и окончательно побежден. Только запорожцы из отрядов кошевого атамана К. Гордиенко ускакали; спасаясь от гнева Петра I, они увезли с собой и Карла XII. Шведский министр граф Пипер вместе с королевской канцелярией сдался русским. После победы Петр устроил пир на поле боя. Возвратив

шпаги шведским генералам, он назвал шведов своими учителями в военном деле, поднял за них кубок, однако потом многие из шведов были отправлены в сибирские остроги. По замечанию Вольтера, из всех битв, орошавших землю кровью, возможно, лишь одна Полтавская битва послужила благу человечества. Победа под Полтавой дала Петру I передышку — время и средства для просвещения одной из самых больших стран мира. Это было сражение беспрецедентное по количеству военных сил с обеих сторон, упорству сражавшихся и понесенным потерям. В битве под Полтавой русская армия отстояла существование Российского государства, причем каждый из солдат понимал значение этого события.

В честь победы под Полтавой Петр учредил ежегодный праздник «Теперь положен камень в основание Петербурга» — так он сам оценил историческое значение Полтавского сражения. Северная война еще продолжалась, но военное могущество Швеции было окончательно подорвано: политическое преобладание перешло к России.

Завоевания в Прибалтике

После победы под Полтавой русские добились значительных успехов и в Прибалтийском крае. 12 июня 1710 г. Выборг капитулировал перед войском адмирала Апраксина.

Принимавший в этой осаде участие Петр, под предлогом того, что шведы задерживали в Стокгольме русского посла князя А.Я. Хилкова, приказал отправить шведский гарнизон в Россию, а часть жителей Выборга перевести в Петербург.

Русские войска взяли Ригу, Ревель и другие города. России была возвращена древняя Корела — в память об этом событии близ Петербурга был основан монастырь Александра Невского, некогда одержавшего здесь победу над шведами и немцами.

Новым своим подданным Петр предоставил многочисленные льготы, обещал неприкосновенность языка, вероисповедания и судов в их крае. Перновскому (Пярнускому. — *Ред.*) университету царь предоставил свое покровительство.

В Курляндии правила племянница Петра I Анна Иоанновна. Относительно Польши статус русского царя изменился: из прежнего союзника он превратился в господина и владыку. Дания снова вошла в союз с Россией. Австрийский император готовился выдать свою сестру за сына Петра — царевича Алексея. Голландские штаты и немецкие государства придерживались нейтралитета по отношению к обеим сторонам, участвовавшим в Северной войне. Английская королева в официальных документах именовала Петра I императором.

Бюст Петра I работы
Б. Растрелли

Прутский поход

Спустя некоторое время после победы в Полтавской битве Петр I потребовал у Швеции вернуть Ингрию и Карелию вместе с Выборгом. Карл XII, укрывавшийся в то время в Турции, не выразил желаний вступать в переговоры с царем и проявлял неуступчивость, несмотря на победы русских войск в 1710 г. Король рассчитывал на поддержку султана, которому он внушал, что в случае победы над Швецией Россия вытеснит

Турцию с Черного моря. Поддавшись уговорам Карла XII, султан объявил войну России.

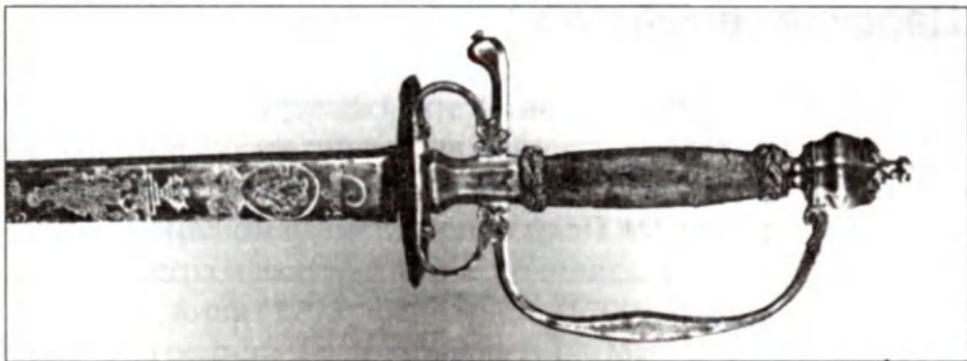
Чтобы предупредить удар противника, ранней весной 1711 г. Петр I организовал Прутский поход, направив русские войска в Молдавию и Валахию. Эти земли находились тогда в зависимости от турок. Царь ожидал, что местные народы будут рады освобождению от турецкого ига, но поддержки не встретил — население оказало русским крайне незначительную помощь, носившую формальный характер.

Турецкое войско двигалось навстречу русскому. 7 июля турки переправились через Днепр и, совершив маневр, отрезали русскую кавалерию от основной армии. 38 тыс. русских воинов оказались перед 140-тысячной армией противника. Однако атаковать турки не решились: они ограничились тем, что окружили русских и лишили их возможности продвигаться дальше. Внезапная робость прославленных янычар (турецкой пехоты, состоявшей главным образом из христиан, проживавших на территории Турции. — *Ред.*) объясняется низкой боеспособностью турецкой армии в сравнении с русской.

10 июля к туркам был отправлен для переговоров вице-канцлер России Петр Павлович Шафиров. По заключенному соглашению Россия обязалась скрыть крепость Таганрог, вернуть Турции Азов и беспрепятственно пропустить через свою территорию шведского короля, когда он проследует на родину.

Ручная мортира Петра I

Эфес шпаги из коллекции Карла XII

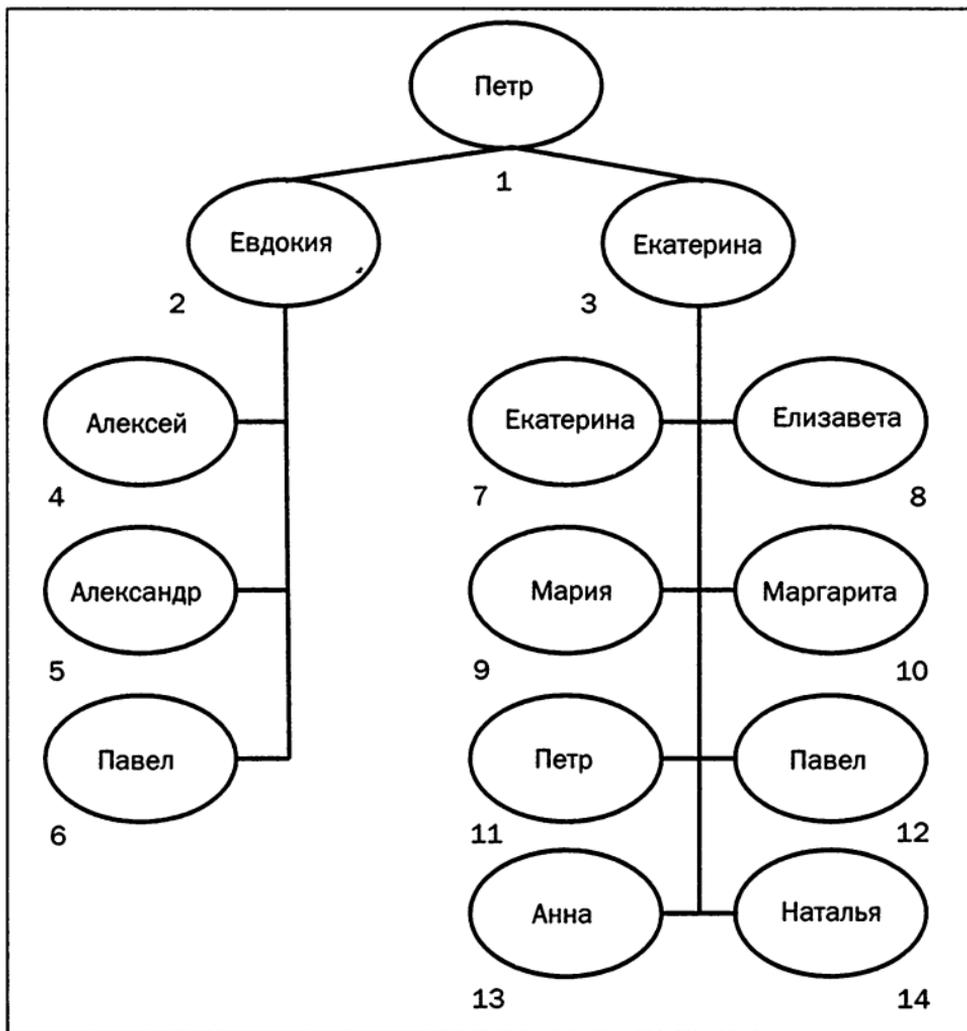
Швеция почти ничего не выигрывала от такого перемирия, что, разумеется, не устраивало Карла XII. Он пытался выпросить для себя 30 тыс. турецких воинов, чтобы продолжить войну, и пообещал султану пленить русского царя. Однако шведский король вел переговоры с султаном не напрямую, а через визиря, который был подкуплен русскими. Поэтому никакой ответной реакции на обещания Карла не последовало. Несмотря на провал Прутского похода, Россия все же не потеряла своих завоеваний в Северной войне и добилась относительного спокойствия на юге.

Петр, однако, не спешил с выполнением условий Прутского договора. «Азова не отдавайте и Таганрога не разоряйте, пока я отпишу» [1], — приказал он. Царь выжидал, когда шведский король покинет Турцию. Он опасался, что интриги Карла XII могут привести к новой войне. Шведский король действительно не спешил покинуть Турцию, надеясь переубедить султана. Однако ему не удалось восстановить султана против Москвы. Более того, тот разгневался и решил выслать Карла XII из страны силой или даже убить, если он окажет сопротивление. Король со своими людьми успешно отбивался от нескольких сотен янычар, присланных за ним, однако хитростью его удалось захватить: гость на время превратился в пленника. В 1715 г., переодевшись частным путешественником, Карл XII через Трансильванию (земли к западу от Молдавии), а затем Венгрию, Австрию и Пруссию вернулся в Швецию.

Русские уступили туркам Азов со всем побережьем, обязуясь при этом скрыть порубежные (пограничные) города и не вмешиваться в польские дела. На этих условиях с турками был заключен мир сроком на 25 лет.

Царское семейство

В 1708 г. возлюбленная Петра I Катерина Василевская (Марта Скавронская) приняла крещение по православному обряду, получив имя Екатерины Алексеевны Михайловой (под такой фамилией Петр путешествовал по Европе). При-

Семейство Петра I: 1. — Петр Алексеевич (1672—1725);
 2 — Евдокия Федоровна Лопухина (1670—1731); 3 — Екатерина I
 Алексеевна (1684—1727); 4 — Алексей (1690—1718);
 5 — Александр (1691—1692); 6 — Павел (ум. 1693);
 7 — Екатерина (1707—1708); 8 — Елизавета (1709—1761);
 9 — Мария (ум. 1713); 10 — Маргарита (1714—1715); 11 — Петр
 (1715—1719); 12 — Павел (ум. 1717); 13 — Анна (1708—1728);
 14 — Наталья (1718—1725)

мерно с этого времени Петр и Екатерина перестали скрывать свою связь от придворных. Более того, в скором времени Меншиков и другие дворяне в письмах начали величать Екатерину Алексеевну не иначе, как государыней.

Официальный обряд венчания состоялся 19 февраля 1712 г. в Исаакиевской церкви Санкт-Петербурга. К тому времени у Петра и Екатерины уже родились три дочери: Екатерина (1707), Анна (1708) и Елизавета (1709). В браке у царствующей четы родились еще три дочери — Мария, Маргарита и Наталья — и два сына: Павел и Петр. Из всех детей Петра I и Екатерины до взрослых лет дожили лишь Анна и Елизавета (остальные дети умерли во младенчестве или детстве).

Примечательно, что Петр I проявлял заботу о судьбе всех своих детей независимо от того, когда они были рождены — до венчания с Екатериной или уже в браке. В частности, он распорядился в отношении Анны и Елизаветы: «...еже я учинить принужден для безвестного сего пути, дабы, ежели сироты останутся, лучше бы могли свое житие иметь» [4].

Елизавете было суждено впоследствии занять российский трон. Ее сестра Анна вышла замуж за Карла Фридриха, герцога Шлезвиг-Гольштейн-Готторпского. Родившийся у них сын (Петр III, внук Петра I) станет супругом Екатерины II.

Царевич Алексей, сын Петра от первого брака (с Евдокией Лопухиной), в 1711 г., исполняя волю отца, женился на принцессе Софии-Шарлотте, наследнице герцогства Вольфенбюттельского в Германии и свояченице австрийского императора Карла VI. В 1714 г. у них родилась дочь Наталья, а в 1715 г. — сын Петр. Вскоре после родов София-Шарлотта умерла.

Дальнейшие успехи в Северной войне

Военные действия русской армии сосредоточились в принадлежащим тогда шведам землям на севере Германии и в Финляндии. Под предводительством Петра I в феврале 1713 г. был взят немецкий город Фридериксштадт. Военные действия в немецком княжестве Гольштейн вел по договоренности с русским царем союзник — датский король. Петр дал ему в помощь отряд под командованием Меншикова. Возвращаясь в Россию, Петр посетил молодого прусского короля

Ф.М. Апраксин (гравюра, XVIII в.)

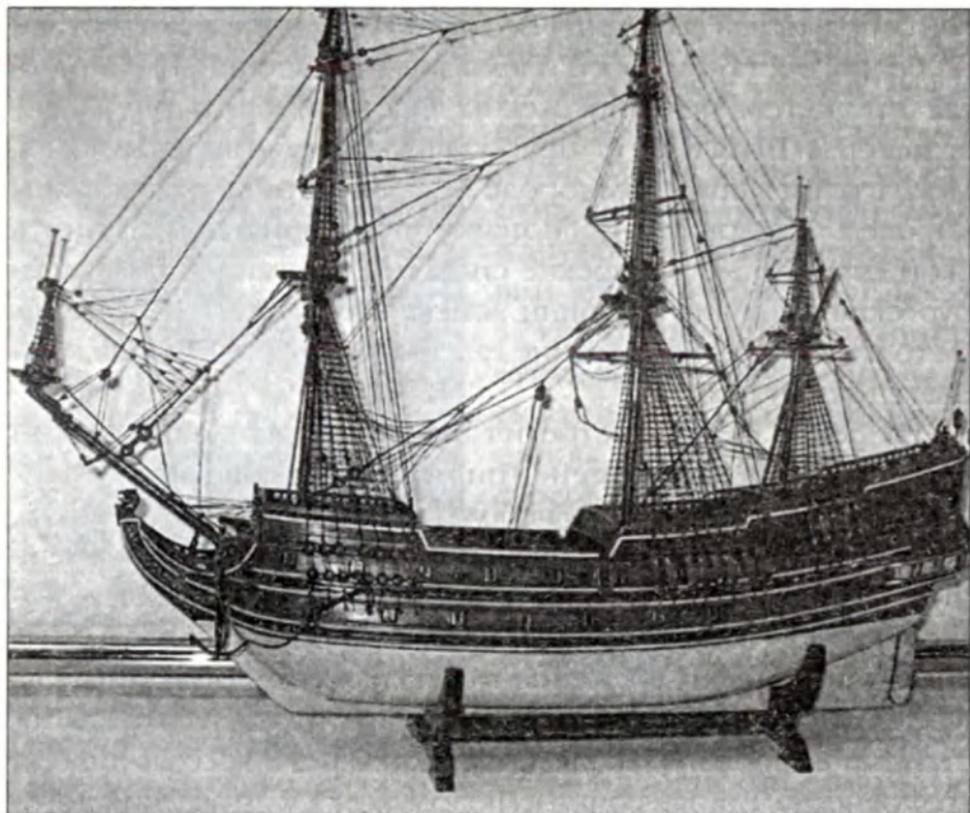
Вильгельма I, которого он хотел склонить к участию в Северной войне. Прусский король, следуя примеру своего отца, уверял русского царя в дружбе, но не начинал действий против Швеции. Летом 1713 г. Петр I, отплыв из Петербурга, вошел в воды близ финского города Гельсингфорса и одной лишь численностью своего войска (12 тыс. человек) обратил в бегство размещавшиеся здесь шведские отряды генерала К.Г. Армфельда.

В то же время Меншиков достиг дипломатических успехов. Он сошелся с голштейнским министром Г. Герцем, который предложил союз с Гольштейн-Готторпским домом (немецким герцогством) посредством брака молодого герцога с дочерью Петра, царевной Анной. Города в Померании предполагалось отдать в ограниченное владение прусскому королю. Эта комбинация понравилась Петру — ведь он приобретал нового союзника. Кроме того, Меншиков получил контрибуцию с Гамбурга и Любека, так как они в военные годы поддерживали отношения со Швецией.

27 июля 1714 г. Петр I одержал блестящую победу в морском сражении при мысе Гангут. Это была первая крупная морская победа в русской истории. Портовый немецкий город Штральзунд после продолжительной осады сдался датскому и прусскому королям (12 декабря 1715 г.), русские войска в этой операции не участвовали, о чем Петр сожалел. Карл XII бежал в Швецию, где в городе Карлскруне начал собирать новые силы для продолжения войны.

Вторая поездка Петра I за границу

В Северной войне наступил период активной дипломатии (хотя военные действия не прекращались), и Петр I с супру-

Макет датского военного корабля XVIII в.

летнего короля на руки и внес его по лестнице, сопровождаемый королевской свитой и дворцовой гвардией. В следующие дни он посетил парижские учебные заведения и промышленные предприятия, осмотрел достопримечательности французской столицы. 2 августа Петр I возвратился в Амстердам.

Начались переговоры со Швецией. Съезд уполномоченных (представителей шведской и русской сторон) открылся через три месяца на Аландских островах (ныне владения Финляндии. — *Ред.*), а Петр через Берлин и Данциг вернулся в Петербург. Его второе путешествие за границу продолжалось 16 месяцев.

Дело царевича Алексея

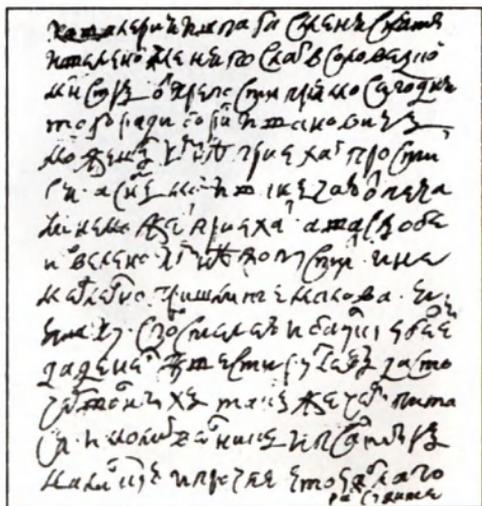
Преобразования Петра I вызывали острую реакцию современников. Поскольку главное значение для царя имели

личные качества человека, а не его родословная, аристократия постепенно утрачивала руководящую роль в государственном управлении. Духовенство все больше попадало в зависимость от светской власти, монастыри теряли хозяйственную самостоятельность. Часть боярства и духовенства активно боролась за сохранение своего влияния, за старые порядки против новых. Организовывались даже боярские заговоры с целью вернуть прежние порядки.

Сын Петра I от первого брака, царевич Алексей, воспитывался так, как того желала первая жена царя Евдокия Лопухина. Петр хотел, чтобы он овладел военным делом, изучил кораблестроение, выполнял отдельные поручения, но царевич от всего уклонялся, прикидываясь больным и проводил время в «смертельном пьянстве». Тогда Петр I предложил 25-летнему царевичу либо постричься в монахи, либо принять участие в государственных делах. В письме к сыну царь грозил лишить его права наследовать престол. Внешне Алексей проявил полную покорность: он согласился стать монахом и отказался от короны. С другой стороны, монастырь был достаточно удобным местом, где можно было, затаившись, ожидать смерти отца, а затем заявить о своих правах на престол.

В 1716 г. Алексей, сделав вид, что едет по вызову отца в Копенгаген, бежал в Вену, ища покровительства у своего шурина, австрийского императора Карла VI, однако стараниями П.А. Толстого и А.И. Румянцева по приказу Петра I был возвращен в Россию. Началось следствие, выявившее сообщников царевича.

Алексей считал своими сторонниками всех, «кто старину любит» [6]. Он надеялся на сочувствие князей Голицыных, Долгоруких и других. Единомышленники находились и в Суздале, где жила в заточении мать Алексея — бывшая царица Евдокия. Взгляды царевича разделял ростовский митрополит Досифей.

Образец почерка П.А. Толстого

Видное место среди заговорщиков занимал сподвижник Петра А.В. Кикин. За казнокрадство он был лишен должности, имущества и отправлен в ссылку. Хотя Петр после этого вновь приблизил Кикина, бывший царский денщик не забыл обиды и стал главным советником Алексея. Именно он внушил царевичу мысль о том, чтобы на время затаиться в монастыре: «Вить-де клобук не прибит к голове гвоздем, можно-де его и снять» [1].

Находясь в Австрии, Алексей строил планы захвата престола при военной помощи государств, враждебных России. Внутри страны он рассчитывал на поддержку сенаторов из знати и особенно духовенства: «Кликну архиереям, архиереи — приходским священникам, а священники — прихожанам» [1]. По официальной версии следствия, предполагалось, что, захватив власть, Алексей свернет преобразования, отстранит от должностей ближайших сподвижников Петра, вновь перенесет столицу из Петербурга в Москву, откажется от строительства флота и активной внешней политики. Впрочем, в этой истории осталось немало невыясненных моментов. Кикин, например, мог быть не столько обиженным на царя заговорщиком, сколько подосланным (что было вполне вероятно) политическим провокатором.

Записная книжка царевича Алексея с серебряными ручкой и рейсфедером

Суд, состоявший из 127 светских сановников, признал царевича виновным в измене и летом 1718 г. приговорил его к смертной казни. Приговор не был приведен в исполнение, так как Алексей, видимо, умер под пытками. По другой версии, накануне казни он был задушен в каземате Петропавловской крепости. Остальные участники заговора были казнены.

Народ не сочувствовал противникам Петра из верхов. В то же время крестьяне и посадские люди выражали в так называемых «непристойных речах» свой протест против усилившегося гнета. Особенно ропот вызывали взимание налогов и необходимость выполнения разнообразных государственных повинностей: «Как его Бог на царство послал, так и светлых дней не видали, тягота на мир, рубли да полтины, да подводы, отдыха нашей братьи, крестьянству, нет» [4].

Представители духовенства и бродячие монахи распространяли среди крестьян и посадских людей слухи о том, что «государь не царского колена, немецкой породы, а великого государя скрали немцы у мамки» [4].

Ништадтский мир

В конце декабря 1718 г. пришло известие о гибели Карла XII: шведский король был убит при осаде крепости в Норвегии. Престол перешел к его младшей сестре Ульрике-Элеоноре, которая была замужем за принцем Гессен-Кассельским. Для Швеции открывалась возможность вступить в более выгодные соглашения с соперничающими державами.

Чтобы сломить сопротивление шведов, Петр I отправил свой флот к шведским берегам, а затем послал в Стокгольм А.И. Остермана с предложением о заключении мира. Но королева, ее супруг и шведские аристократы были настроены враждебно: после обстрела шведских берегов русскими кораблями заключить мир со Швецией было труднее, чем когда бы то ни было.

Переговоры прекратились. Англия, со своей стороны, препятствовала примирению Швеции с Россией. В июне 1720 г. при ее посредничестве был подписан мирный договор между Швецией и Данией. На балтийских водах вновь появился английский флот. В ответ Петр I во второй раз

разрушил берега Швеции, приказав вновь обстрелять их из корабельных пушек.

Наконец, покровительство, оказываемое Россией герцогу Гольштейнскому как претенденту на шведский престол, заставило шведскую королеву возобновить переговоры. 30 августа 1721 г. был заключен Ништадтский мир, прекративший Северную войну. Россия приобретала в вечное владение Лифляндию, Эстляндию, острова Эзель, Даго и Мон, Ингерманландию, часть Карелии и Выборг; значительная часть Финляндии была возвращена Швеции.

22 октября в Петербурге праздновали заключение Ништадтского мира. По этому случаю в церквах прошли молебны во славу России и царя-победителя. Повсеместно состоялись торжества, был устроен роскошный пир для царских сановников и для народа.

На этом празднике после речи канцлера Г.И. Головкина и приветствий сенаторов Петр сказал: «Зело желаю, чтоб наш весь народ прямо узнал, что Господь прошедшею войною и заключением мира нам сделал. Надлежит Бога всею крепостью благодарить; однако, надеясь на мир, не ослабевать в во-

54-пушечный корабль «Полтава» (гравюра, XVIII в.)

инском деле, дабы с нами не так случилось, как с монархией греческою» [4].

От имени Сената и Святейшего Синода за все старания государя, за то, что он «изволил привести Всероссийское государство и народ в такую славу через единое свое руководство», Петру I был присвоен титул «Отца отечества, императора Всероссийского, Петра Великого». Сенат установил новую форму титулования царя в манифестах и челобитных.

С этого времени участие России в общеевропейской политике приобрело постоянный и активный характер. Русское правительство преодолело московскую замкнутость. По его инициативе начали заключаться коалиции между европейскими государствами. Россия подыскивала себе союзников и привлекала их к разрешению международных вопросов с обоюдной пользой. Отвоевав у Швеции приморские провинции, она достигла небывалого политического веса, стала одной из могущественнейших держав в Европе. Правда, чтобы европейские державы согласились с новым статусом России, понадобился еще целый век.

РЕФОРМЫ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Петр I начинал свои преобразования не на пустом месте: их предпосылки созрели в предшествующем XVI столетии. Однако направление реформ, их последовательность были заданы лично Петром. Очевидно, что необходимость форсирования реформ (прежде всего военной) диктовалась не только внутренними, но и внешними обстоятельствами, связанными с Северной войной и необходимостью отстаивать российские территории в Причерноморье.

Законотворчество в Петровскую эпоху

Правление Петра I характеризовалось активным законотворчеством, охватывающим практически все сферы жизни населения. Новые законы регулировали отношения между подданными и государством, права и обязанности представителей отдельных сословий. Генеральный регламент, вступивший в действие в 1720 г., определял права и обязанности всей иерархии чинов и служителей, начиная от сторожа и заканчивая президентом коллегии.

Помимо Генерального регламента каждое учреждение руководствовалось своим регламентом (инструкцией), определявшим права и обязанности по управлению конкретной отраслью хозяйства или отдельной категорией населения. Многие из царских указов носили публицистический характер и были обращены непосредственно к подданным, которым предписывались определенные нормы поведения в хозяйственной, духовной и семейной жизни. При этом государство обладало правом вторгаться в частную и даже интимную жизнь.

Правительственные указы ориентировали подданных на рациональное хозяйствование, требуя от них, например, выделывать кожу ворванным салом, а не дегтем, строить печи не на полу, а на фундаменте и т.п. Духовная жизнь населения также регламентировалась правительственными распоряжениями: указ определял размер штрафов для лиц, уклонявшихся от посещения церкви. Какое бы место подданные ни занимали в сословной иерархии, царь сурово и неукоснительно требовал от них выполнения издаваемых им указов.

Петр I (скульптор Н. Жак)

Передвижения русских войск в ходе Северной войны

Все указы Петра I состояли из трех частей. В первой царь разъяснял подданным разумность и полезность вводимой нормы. Например, законодатель убеждал убирать хлеб косами вместо серпов на том основании, что этот способ «гораздо споряе и выгоднее, что средний работник за десять человек сработает» [13]. Ввоз сахара и шелковых товаров из-за границы был запрещен, «понеже такие товары велено умножить в России» [13]. Вторая часть указа излагала суть самой нормы. В третьей части перечислялись меры наказания для нарушителей закона: битье кнутом (розгами, шпидрутенами), денежные штрафы различных размеров, конфискация всего (или части) имущества, заключение в тюрьму, ссылка в Сибирь, каторжные работы и т.д.

Идея всемогущества государства и его полиции наиболее полно выразилась в регламенте Главного магистрата, где сказано, что «полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков и фундаментальный подпор человеческой безопасности и удобства» [4]. Благополучие граждан ставилось в полную зависимость от «божеской помощи» и «доброй полиции». Подданным отводилась пассивная роль исполнителей повелений монарха.

Законодательство петровского времени настойчиво пропагандировало идею «всеобщего блага», а также свою заботу о «благе подданных», о «всемирной пользе». Подданным настойчиво внушалась мысль о государстве, в одинаковой мере заботящемся обо всем населении страны.

Военная реформа

Военная реформа, начавшаяся в 1698—1699 гг., была вызвана в первую очередь тем, что стрелецкие полки не справлялись с задачей обороны страны от внешних и внутренних врагов. Более того, они сами представляли внутреннюю угрозу для государства, что наглядно показал стрелецкий бунт 1698 г. Петр I наметил первоочередные задачи, в числе которых значилась и замена стрелецких полков новыми военными частями.

Началом создания регулярной российской армии можно считать ноябрь 1699 г., а юридической основой — царские указы от 8 и 17 ноября, в которых были определены источники комплектования новых полков. Предполагалось, что в первую очередь армия будет формироваться из «охочих людей» — свободных подданных разных званий. В качестве второго источника для создания регулярной армии значились «даточные люди» (с 1705 г. их стали называть рекрутами). Согласно указу от 17 ноября для различных сословий были определены нормы поставки рекрутов: с монастырских крестьян — по 1 «даточному человеку» с 25 дворов; с дворян, находившихся на государственной службе, — по 1 человеку с 30 дворов; с дворян, служивших в армии, — по 1 человеку с 50 дворов.

Местом проведения набора и комплектования частей, а также обучения новобранцев военному делу стало село Преображенское, где была учреждена особая комиссия — «Генеральный двор». Комиссию возглавляли Федор Головин и Адам Вейде, всего в штате «Генерального двора» числились 76 дьяков и подьячих. В результате были сформированы 29 полков (27 пехотных и 2 драгунских), сведенных в три дивизии. Общая численность армии составила 32 тыс. человек.

День 25 июня 1700 г. в «Хронике Российской Императорской армии 1852 года»

Петр Великий (с гравюры XVIII в.)

назван официальной датой учреждения регулярной армии России. В этот день в Преображенском состоялась торжественная передача первых 14 полков командирам дивизий — Автоному Головину, Адаму Вейде и Никите Репнину.

Последующие рекрутские наборы не были регулярными и проводились по мере необходимости. О проведении набора и количестве набираемых рекрутов объявлялось специальными указами. Так, в период с 1705 до 1713 г. (во время Северной войны на суше) было проведено 10 рекрутских наборов, в ходе которых набрано 337 196 человек. Такое количество рекрутов полностью удовлетворило потребности армии в рядовом составе. В это же время была введена новая система комплектования армии. В частности, воинская повинность была распространена и на самый многочисленный слой населения России — крестьянство. Кроме того, служба в армии стала пожизненной.

Преимущество новой системы комплектования заключалось в том, что она позволяла подготовить резерв для ведения долгой кровопролитной войны. Однако она наносила существенный урон народному хозяйству: ежегодно из различных отраслей хозяйства в рекруты безвозвратно «забывались» до 40 тыс. здоровых мужчин в возрасте от 15 до 32 лет.

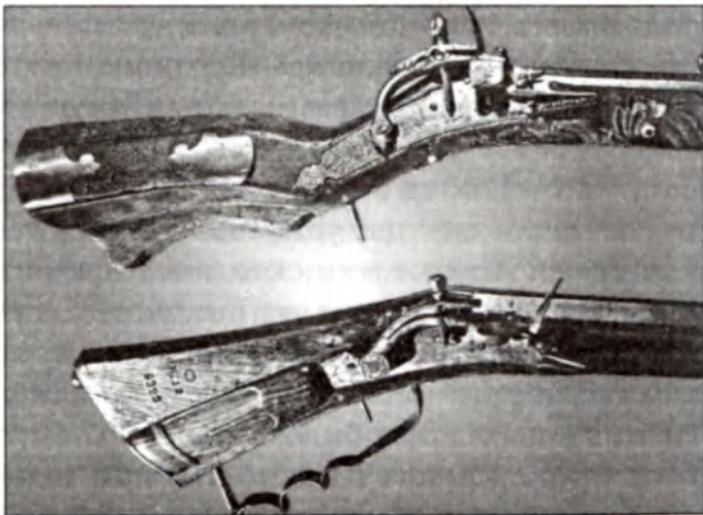
Согласно правительственному предписанию новобранцев клеймили специальными наколками: «...для знаку рекрутам значить на левой руке накалывать иглою кресты и натирать порохом. И сказать всем губерниям, в уездах явственно, в городах и по церквам, и на торгах, кто где увидит такого человека, который имеет на левой руке назначенный крест, чтоб их ловили и приводили в города. А кто такого человека увидит и не приведет, и за такое противление оной непослушник истязан будет, яко изменник и беглец и может потерять все свое имение и написан будет сам в рекруты. А для образца послать в губернии начертанные руки с назначенными крестами, каков образец вложен в сем письме» [13].

Новая система комплектования войск позволила создать армию с более или менее однородным национальным составом, что давало ей существенные преимущества перед армиями западноевропейских государств, чьи правители при

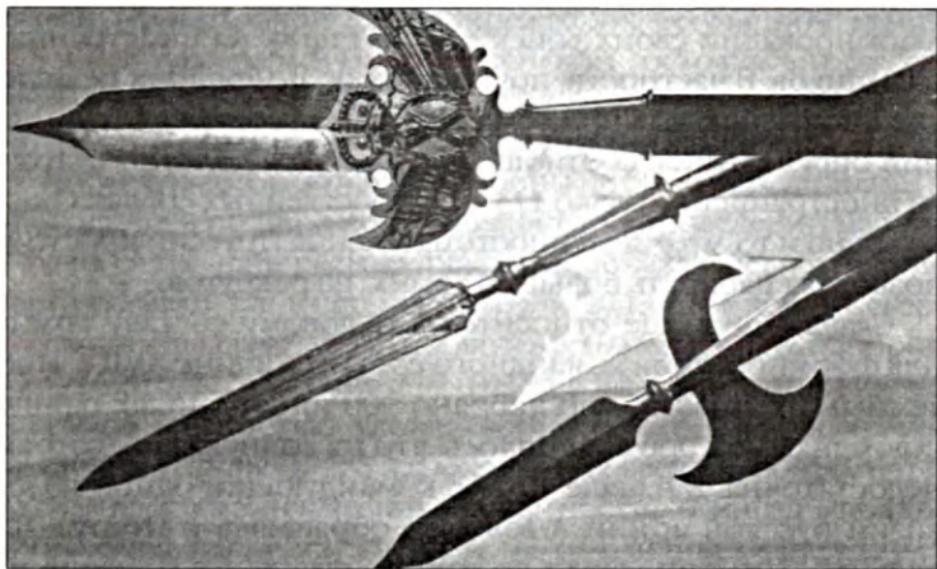
формировании своих войск делали ставку на иностранных наемников. В частности, прусский король Фридрих Великий требовал соблюдать при комплектовании воинских соединений определенное соотношение: 2/3 роты должно состоять из иностранцев и только 1/3 — из собственных солдат. Однако верно и то, что численность населения Пруссии просто не позволяла набирать большую армию из рекрутов.

Сказанное выше относится к рядовому составу армии. Для формирования командного состава в конце XVII в. Иноземным приказом было набрано 300 иностранных офицеров, однако вскоре выяснилось, что их воинская подготовка недостаточна. В начале 1700 г. командующий одной из дивизий русской армии А. Головин обращался к Петру: «Начальные, Государь, люди ко мне присланы из Иноземного приказа для учения, и по многим числам учения не приняли и апреля 15 я выкинул из них человек 150... Начальных людей не повелишь ли набирать из царедворцев и из заморских, а я истинно то делать рад, лучше их учить, нежели тех, которые присланы из Иноземного приказа; трудов к ним много положено, а иные и ныне за мушкет не умеют приняться» [4].

В связи с этим Петр I приказал готовить офицеров из числа стольников, дворян и жильцов «московского чина» (поместного ополчения). Тем не менее из-за отсутствия собственной базы для формирования командного состава на протя-

Винтовки, захваченные при взятии Нарвы

Алебарды и протазан из коллекции Петра I

жении последующих 10 лет в русской армии приходилось держать иностранцев. Лишь после Прутского похода численность иностранных генералов и офицеров была сокращена до 1/3 от всего офицерского состава. Спустя 3 года для иностранных офицеров устроили экзамен, а не выдержавших — уволили. В результате к 1720 г. офицерский корпус русской армии на 90 % состоял из подданных России.

Военное обучение новобранцев проводилось по единому строевому уставу, которым стало составленное А. Головиным «Строевое положение 1699 года». Позднее «Положение» дополнилось «Учением для гренадеров» и в окончательной редакции под названием «Краткое обыкновенное учение» до 1716 г. служило официальным уставом русской армии.

В период 1699—1700 гг. по поручению Петра I А. Головин и А. Вейде составили еще два уставных документа: «Ротные пехотные чины» и «Статьи воинские, как надлежит солдату в житии себя держать, в строю и учении как обходиться».

Первый документ был адресован командному корпусу и предписывал офицерам «о солдатах иметь не малое попечение». В «Ротных чинах» также было сказано о том, что офицер должен быть примером для солдат: «себя при знамени дать в части изрубить, нежели знамя оставить, потому что вся рота по нем поступает» [14]. Кроме того, «Ротные чины» требовали

от офицеров соблюдения строгой дисциплины и беспрекословного подчинения вышестоящим командирам.

«Статьи воинские» формулировали основные требования к рядовому составу и определяли дисциплинарные взыскания за провинности. Причем в «Статьях» были предусмотрены не только физические, но и моральные меры воздействия.

На начальном этапе военная реформа не коснулась конницы. Поэтому перечень уставных документов, регламентировавших внутреннюю жизнь армии, в 1704 г. был дополнен «Статьями во время воинского похода», составленными А.Д. Меншиковым. В них регламентировались действия конницы, организация марша и боевого охранения.

В 1716 г. все уставные документы были переработаны и сведены в «Устав Воинский». В 1722 г. Петр I лично составил дополнения к «Уставу Воинскому». Новый Устав требовал от солдат и офицеров умения принимать нешаблонные решения, если это продиктовано необходимостью.

Обучение старослужащих и новобранцев в петровской армии проводилось отдельно. В частности, это устанавливалось инструкцией «Учреждение к бою»: «...старых солдат не надлежит той же экзерциции больше обучать, которая для рекрутов учинена, ибо они тот грандус уже миновали, но надлежит непрестанно тому обучать, как в бою поступать» [14].

Как и в предшествующих уставных документах, в новом «Уставе» особое внимание уделялось соблюдению дисциплины, которая поддерживалась суровыми мерами: ослушников ожидали наказания — шпицрутены (провинившегося гнали сквозь строй солдат, бивших его палками), отрезание ушей и носа, каторга.

Согласно действовавшим в те времена нормативам молодой солдат должен был зарядить ружье и произвести выстрел в 12 «темпов», тогда как старослужащему на эти же действия отводилось 3 «темпа». При этом значительно уменьшилось количество перестроений и ружейных приемов, были разработаны простые, четкие команды. Рекрутов начинали обучать сразу же после набора. В отличие от прошлых времен учебные стрельбы и смотры проводились постоянно.

Служба в петровской армии стала пожизненной: отставка давалась только тем, кто в силу болезни или увечья уже не мог

Гвардейский гренадерский офицер в головном уборе 1712 г. (рисунки, 1840-е гг.)

исполнять воинские обязанности. Обычным явлением было уклонение от воинской повинности: десятая часть рекрутов постоянно находилась в бегах.

Рекруты обучались на специально построенных «станциях» в условиях, близких к бою. Молодые солдаты поступали под начало капралов, ефрейторов или старослужащих. С целью передачи боевого опыта на рекрутские «станции» по указу властей в качестве наставников направлялись только что вышедшие из госпиталя раненные офицеры.

К офицерам предъявлялись высокие требования. Свой боевой опыт каждый из них должен был дополнять регулярным изучением военной науки. Так, пехотные офицеры обязаны были знать не только строевую службу, но также иметь определенные познания в области артиллерии и фортификации. Незнание офицером своего дела наказывалось понижением в должности: «Надлежит каждого офицера и унтер-офицера главным генералом в выше писанных делах искушать и на поле оном велеть так делать порознь, якобы к самому делу, а ежели который в том неискусен явится, а нижний лучше учинит, то верхнего сводить на низ, а нижнего — наверх, через которую юстицию охота и страх прирастет» [14].

В начале 1696 г. началась широкомасштабная подготовка офицеров для пехоты из числа русских дворян. Фискал М. Желябужский, свидетель и участник этих событий, писал, что по царскому указу стольники явились в Преображенское к Головину и после смотра им было указано, чтобы «они учились пехотному строю на житном дворе». После 2 месяцев обучения около 300 офицеров было распределено между дивизиями Репнина, Вейде и Головина. Затем для обучения офицерским обязанностям были вызваны дворяне из других

городов. При Преображенском и Семеновском полках были созданы школы для подготовки унтер-офицеров, а при бомбардирской роте — учебная артиллерийская команда.

В период с 1700 по 1715 г. в России были открыты еще несколько военных школ: в 1700 г. при Преображенском полку была учреждена первая военная школа, где наряду с артиллерией и правилами стрельбы будущие офицеры обучались начальной математике и фортификации; в январе 1701 г. в Москве была основана школа математических и навигационных наук; в 1712 г. открылась первая русская военно-инженерная школа, а в 1715 г. — военно-морская академия в Петербурге. (В то же время в 1720—1721 гг. в русской армии насчитывалось от 4,4 до 31,2 % неграмотных офицеров — в зависимости от рода войск.)

Российская армия состояла из трех родов войск — пехоты, кавалерии и артиллерии. Главная роль отводилась пехоте, которая подразделялась на гвардейскую, гренадерскую и линейную. Первоначально каждый пехотный полк состоял из 10 фузилерных (стрелковых) рот, сведенных в 2 батальона. В каждой роте было по 4 плутонга (взвода). Полком командовал полковник, батальоном — майор, ротой — капитан, а плутонгом — капрал. Помощниками капитана были капитан-поручик (штабс-капитан), поручик и прапорщик (он же был и зна-

Фузилеры (рисунок, начало XVIII в.)

меносцем). В 1704 г. в штат пехотного полка была введена 1 гренадерская рота (гранатометчики), а количество обычных фузилерных рот уменьшилось до 8. Однако такой порядок организации пехоты просуществовал недолго: в 1708 г. гренадерские роты вывели из состава пехотных полков, из них были сформированы отдельные гренадерские полки.

Характерной особенностью русской пехоты было ее стремление завершать бой решительным штыковым ударом. Следует заметить, что штык состоял на вооружении и в западноевропейских армиях. Но там он являлся исключительно оборонительным оружием, тогда как в русской армии его чаще применяли при наступлении (в штыковой атаке).

Набор в пехотные полки и особенно обучение дворян пехотному делу были для русской армии новым явлением. Раньше в этот род войск представителей дворянства записывали только за проступки (в порядке наказания) или за «оскудение воинского чину».

Не желая служить в армии, учиться и подчиняться воинской дисциплине, дворяне скрывались в монастырях. В связи с этим царь запретил постригать мужчин в монахи до достижения ими 60-летнего возраста, а всех монахов, годных к военной службе, приказал записать в армию. О тех, кто укрывался, Петру сообщали ревнители государственного дела — «прибыльщики» и «доносители».

За уклонение от службы дворяне лишались «кормовых денег» и подвергались суровым наказаниям. Непригодные к воинской службе заносились в особые списки. 9 июля 1699 г. Петр I лично осмотрел тех, кто в них значился. Действительно больным была дана отставка, а симулянтов «били кнутом нещадно» и ссылали в Азов.

В 1699—1700 гг. по указу Петра были восстановлены полки регулярной конницы (драгун). В европейских армиях того времени кавалерия играла второстепенную роль — защищала фланги пехоты. Это не позволяло использовать в сражении главное преимущество конницы — скорость. По замыслу Петра I кавалерии отводилась в бою более активная роль.

В 1709 г. в русской армии насчитывалось до 40 тыс. драгун, причем кавалеристы в равной степени были способны сра-

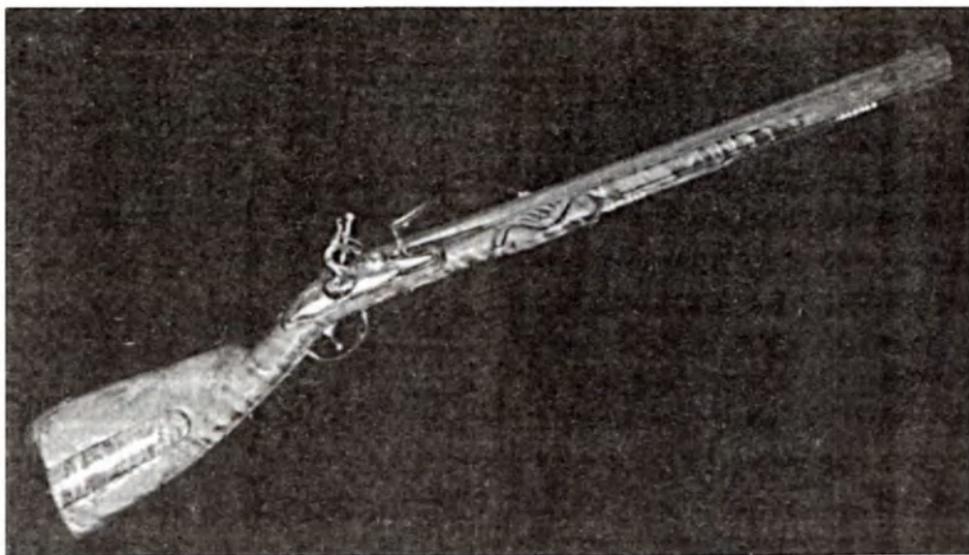
жаться как в конном, так и в пешем строю. Кавалерийские соединения в 12—15 тыс. сабель могли действовать самостоятельно, совершая рейды по глубоким тылам противника.

Особенность русской конницы заключалась в том, что она атаковала противника на максимально возможной скорости (на полном аллюре), применяя холодное оружие. Конница западноевропейских армий (кроме шведской) в бою вела огонь из пистолетов и только иногда, предварительно расстроив огнем боевые порядки противника, бралась за палаши. В атаку она ходила на рысях и очень редко галопом.

В регулярной армии Петра I артиллерийские части различались соответственно выполняемым функциям — предусматривалась полковая, полевая, осадная (брештовая или проломная) и крепостная (гарнизонная) артиллерия.

Первый артиллерийский полк русской армии был сформирован в 1701 г. В его составе были 4 пушечные роты с 12 бомбардами и 92 пушками, а также 1 саперная рота. С 1701—1702 гг. появилась и легкая конная артиллерия. Для нее были специально облегчены полковые 3-фунтовые пушки и полупудовые гаубицы. Каждый драгунский полк получил по 2 пушки и по несколько мортир.

К этому же периоду относится и введение шкалы орудийных калибров. Из существовавших в то время 20—25 различных калибров было оставлено всего 8: пушки от 3 до 24 фун-

Стрелковое оружие петровских времен (штуцер)

тов, полупудовые и пудовые гаубицы. Одновременно в артиллерийской мастерской под руководством инженера-артиллера Василия Корчмина развернулись работы по облегчению орудий, что должно было повысить тактическую мобильность артиллерии.

Многое было сделано и в области создания нового вооружения — нарезного («винтовального») оружия, зажигательных ядер и т.д. В селе Семеновском под строжайшим секретом мастерами Борисом Волковым и Якимом Моляровым велись работы по конструированию легкой дальнобойной мортиры.

В 1702 г. в армии впервые появились двухколесные зарядные ящики, в которых помещались подготовленные заряды и снаряды; сами же орудия до 1705 г. перевозились крестьянами. Для повышения мобильности артиллерийских подразделений Петр I ввел постоянные команды для перевозки пушек: прислуга артиллерийского обоза из гражданского населения была заменена солдатами.

Весь боевой состав регулярной русской армии насчитывал в начале XVIII в. 170 тыс. человек (не считая личного состава артиллерийского полка и центральных управлений, а также 28 500 нестроевых солдат). Русская армия была самой многочисленной в Европе (для сравнения: прусская армия в 1740 г. насчитывала 86 тыс. человек, австрийская и французская — около 150 тыс., шведская — 144 тыс.).

В связи с тем что в 1705—1706 гг. тактика ведения боевых действий существенно изменилась (от осады крепостей русская армия перешла к полевым сражениям), развитию полевой и полковой артиллерии стало уделяться повышенное внимание.

Боевой порядок реорганизованной русской армии отличался простотой и давал войскам возможность маневрировать на поле битвы. Петр I стремился создавать превосходство сил на решающем направлении, тогда как в европейских армиях того времени господствовал принцип равномерного распределения сил по всему фронту.

Традиционно считалось, что для успешного ведения боя и успешного маневрирования войска должны действовать обя-

зательно на ровной, открытой местности. Петр полагал, что для боя пересеченная местность, на которой могли реализовать свои планы инициативные командиры. В связи с этим царь писал Апраксину: «Только зело прошу, чтобы не гораздо на чистом поле, но при лесах, в чем превеликая польза есть, как я сам видел, ибо и на сей баталии (в битве при Лесной. — *Ред.*), ежели б не леса, то б оныя выиграли, понеже их б тысяч больше было нас» [4].

Для управления регулярной армией были учреждены особые должности и ведомства. Главкомандующим армией стал фельдмаршал Шереметев, в помощь ему были назначены 3 генерал-адъютанта и генеральный писарь. Общее управление военными делами осуществлял генералитет (образ будущего Генерального Штаба). Функции высшего военного судьи выполнял генерал-комиссар. Генерал-провиантмейстер отвечал за поставку продовольствия, обозы, организацию тыла армии. Генерал-квартирмейстер подчинялся только командующему армией. Полевой армией командовал генерал-фельдмаршал, артиллерией и инженерно-саперными частями — генерал-фельдцейхмейстер.

Наряду с Генералитетом возникли и войсковые штабы. В реорганизации структуры армии Петр I значительно опередил западноевропейских монархов. Так, его противник по Северной войне — шведский король Карл XII — еще накануне Полтавской битвы сам являлся главкомандующим: в его распоряжении находились 5 адъютантов и небольшое количество специалистов-техников.

Регулярная петровская армия состояла из временных тактических соединений — дивизий (генеральств), которые, в свою очередь, делились на бригады или полки. Каждая дивизия приписывалась к определенным городам и уездам, однако состав дивизий не был постоянным: поменяв место дислокации

Монограмма Петра I
(Б. Растрелли, 1720-е гг.)

(уезд, город), полки причислялись к другой дивизии. (На Западе такое разделение армии стало практиковаться только в конце XVIII в.)

При реорганизации управления армией Петр I придерживался принципа строгой централизации: большинство приказов, ведавших прежде военными делами, было ликвидировано. Для управления войсками были оставлены 4 приказа — Разряд, Военный приказ, Артиллерийский приказ и Главный Комиссариат. В своей деятельности эти ведомства руководствовались распоряжениями царя и Сената. В 1718 г. была учреждена Военная Коллегия, членами которой стали все высшие генералы. Коллегия выполняла функции высшего военного органа, и в ее ведении находились «армия и гарнизоны и все воинские дела, которые были ведомы в Военном Приказе, и которые получают во всем Государстве» [13]. Военной Коллегии непосредственно подчинялись канцелярия главной артиллерии, ведомство главной фортификации и Главный Комиссариат, отвечавший за централизованное снабжение полков продовольствием, жалованьем, обмундированием и снаряжением.

Большое внимание Петр I уделял обмундированию. Пехотинцы и кавалеристы были одеты в кафтаны. У кавалерии — синие кафтаны, у пехоты — зеленые с красными обшлагами. Головными уборами у солдат являлись войлочные шляпы-треуголки, гренадеры носили кожаные каски. Чулки и башма-

ки с медной пряжкой в походе заменялись высокими сапогами. Суконные плащи предназначались для ненастной погоды. Воины русской армии носили длинные волосы, которые в парадные дни припудривались мукой. Такое обмундирование не вполне подходило для русского климата: толстые кафтаны были слишком тяжелы для летней жары, а плащи не защищали от зимних морозов.

Петр I (миниатюра, XVIII в.)

Из воинских атрибутов основное значение царь придавал знаменам. Главное полковое знамя белое, а ротные знамена — цветные. На белом знамени Лейб-Гвардии Преображенского полка изображен двуглавый орел, нагрудный щиток которого окружен гербами подвластных России территорий. В 1707 г. введены особые знамена небольшого размера для конного строя гвардейских полков (эти знамена получили название «карволантов»). В 1711–1712 гг. появились знамена с гербами провинций, где были расквартированы войска. Герб провинции помещался в верхнем углу знамени у древка. Полотнище при этом было одноцветным либо с простыми геометрическими фигурами, крестами, полосами и т.п.

В знаменной символике петровской армии использовались аллегории, изображения мечей, лавровых и пальмовых ветвей, Андреевских крестов, кораблей.

Для поощрения отличившихся в бою генералов, офицеров и солдат Петр I утвердил ордена и медали. Первый из российских наградных знаков — орден святого Андрея Первозванного — был учрежден в 1698 г., а первыми кавалерами этого ордена стали генерал-адмирал Федор Головин и гетман Иван Мазепа. Планировалось, что число награжденных андреевским орденом не превысит 24 человек. Но уже в 1725 г. число кавалеров ордена святого Андрея Первозванного достигло 38. В дальнейшем власти решили не лимитировать количество награжденных.

В 1711 г. в память о Прутском походе, в котором Петра сопровождала Екатерина Василевская, Сенат учредил высшую

Военно-патриотическая символика и девизы Петровской эпохи:
 1 — рука с мечом, обвитым ветвью маслины («Нужен для войны и мира»); 2 — Аполлон убивает дракона («Смерть одного обещает многим жизнь»); 3 — орел с молнией и лавровой ветвью («Готов к войне и миру»); 4 — пушка, заряженная квадрантом («Не только силой оружия»)

женскую награду — орден святой Екатерины. Первой этой награды была удостоена императрица Екатерина I в 1714 г., в день собственных именин. На обороте ордена была выгравирована латинская надпись: «Трудами сравнивается с супругом».

Петр I предполагал также учредить орден князя Александра Невского, однако официальное утверждение этой награды состоялось уже после смерти царя — 21 мая 1725 г. Этим орденом награждались не только военные, но и гражданские чины за верную службу государству.

Предшественницами петровских медалей были «золотые» монеты на цепи, которыми награждались участники Крымских походов 1687 и 1689 гг. под руководством князя Василия Голицына.

Создание регулярной армии сопровождалось быстрым развитием промышленности. Еще до первой поездки царя за границу начали строиться заводы Аристова (1694—1695), Никиты Демидова на Тулице и в Олонецком крае (1696). В начале Северной войны, в 1701—1704 гг., на Урале были построены еще 7 металлургических заводов (из них 6 — казенных).

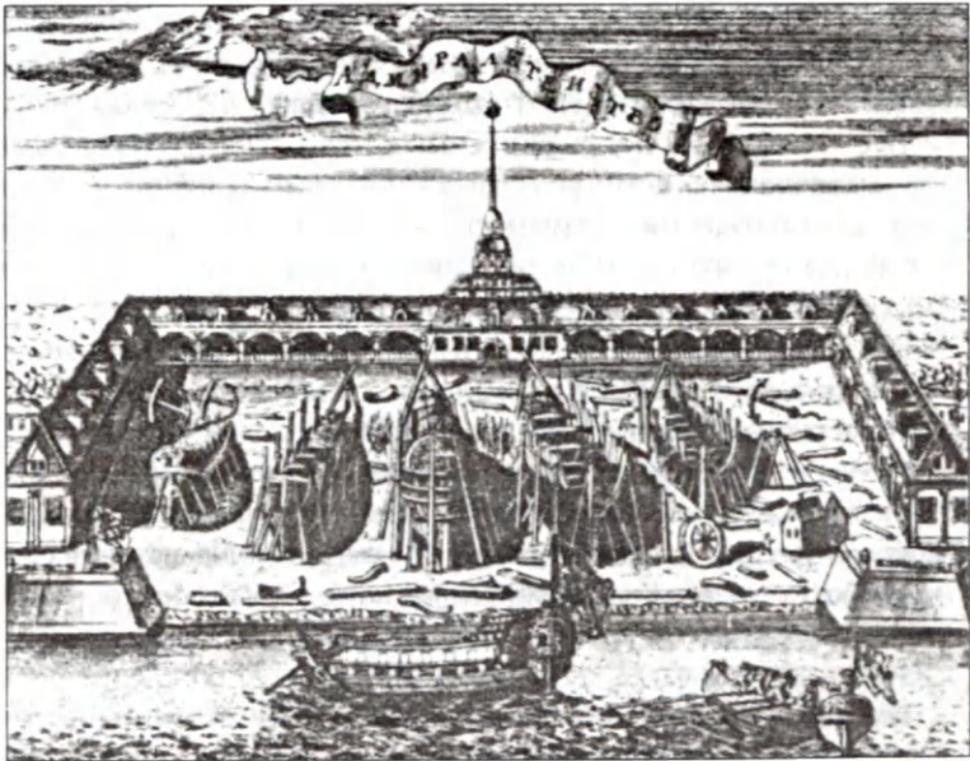
Заработал завод на Каменской домне (ныне город Каменск-Уральский. — *Ред.*), где 15 октября 1701 г. был получен первый чугун, а уже в декабре отлиты первые 3 пушки и 2 мортиры. Зимой 1702 г. в Москву санным путем была доставлена первая продукция Каменского завода — 45 орудий, а уже в 1703 г. на этом заводе были отлиты 522 пушки. Однако из-за спешки качество уральских пушек было очень низким, в связи с чем Петр I издал указ, в котором Каменскому заводу предписывалось «ковать образцовое железо и лить бомбы и гранаты, а пушек и мортиров и гаубиц лить и к Москве высылать не велено» [4]. Оснащение армии пушками было поручено другим уральским заводам.

В 1704 г. удалось полностью удовлетворить потребность армии в артиллерийском вооружении и создать его значительный запас. При этом качество пушек вызывало не только одобрение русских артиллеристов, но и восхищение иностранцев: англичане несколько раз обращались в Артиллерийский приказ с просьбой ознакомить их с новыми образцами орудий, отлитыми на уральских заводах. Ураль-

ские заводы испытывали в то время большие затруднения в своей работе. Главное из них — отсутствие опытных мастеров. Тобольский воевода князь М.Я. Черкасский писал Петру, что надо найти искусных мастеров, чтобы не остановилось производство.

Заводы, расположенные на Урале, имели один существенный недостаток: удаленность от театра боевых действий. Поэтому оружейные заводы строились и в северо-западных районах России. В период 1702—1707 гг. начали давать продукцию Ижевский, Тырпецкий, Петровский, Повенецкий и другие заводы. Позднее (в 1709—1711 гг.) в Петербурге были построены артиллерийский двор и адмиралтейство, оружейные и пушечные дворы, мастерские и верфи. В 1721 г. большой завод появился в Сестрорецке.

Хотя главными поставщиками ручного огнестрельного оружия продолжали оставаться уральские заводы, постепенно увеличивался объем продукции тульских оружейников. Яков Батищев изобрел машину «для обтирания наружности стволов», то есть для их обработки с поверхности. Модель маши-

Адмиралтейство (гравюра, XVIII в.)

ны Батищева показала, что механизация обработки стволов позволяет сократить в пять раз число рабочих на этой операции. Если в 1701 г. Тульским заводом выпускалось 8 тыс. ружей в год, то с введением в действие таких машин в 1706—1709 гг. в Туле производилось 15—20 тыс. ружей, а к 1711 г. — до 40 тыс. в год. В 1718 г. здесь был построен еще один крупный оружейный завод.

Всего к 1725 г. в России работали 220 мануфактур (в 10 раз больше, чем в начале века), из них 45 были крупными металлургическими и оружейными заводами (15 — казенными). Российская металлургическая промышленность сделала заявку на мировое лидерство.

Центром порохового производства была Москва, заводы по производству пороха существовали также в Киеве и Казани, позже крупный пороховой завод построили в Петербурге. Всего на армию работали 17 пороховых мануфактур, с 1701 по 1709 г. на них было произведено 225 695 пудов пороха. Высокие производственные мощности пороховых заводов позволяли снабжать не только русскую, но и союзную польскую армию.

Быстрыми темпами строились заводы по производству боеприпасов. Потребность в них России (армии и флота) рассчитал сам Петр I: ежегодно требовалось 53 800 ядер, 12 тыс. бомб, 1320 пудов картечных пуль, 30 тыс. пудов гранат. С появлением собственной военно-промышленной базы отпала необходимость в импорте оружия и металла из Западной Европы. Уже в 1707 г. российское правительство запретило ввоз оружия из-за границы.

На хозяйственную и медицинскую часть царь обращал особенное внимание: он не жалел расходов на питание солдат, содержание госпиталей и врачей.

В начале Северной войны Голландия, опасаясь Карла XII, прекратила посылать в Россию оружие и сукно для обмундирования солдат. Поэтому Петр I направил усилия на то, чтобы создать собственные предприятия соответствующего профиля.

Наращивание темпов развития оборонной промышленности достигалось тяжелым трудом мастеровых и крестьян. Об этом свидетельствует письмо Чулкова, которому царь по-

ручил контролировать работу тульских заводов: «...о ружейном деле всеусердно радею, как пуще того быть невозможно, что каждого дня человек по десяти бью батогами. Приборщиков и замочников на оружейном дворе зело понуждаю в деле, не только что в день, но и в ночи спать не даю» [7].

Городская реформа

Российское правительство испытывало сильные финансовые затруднения: Азовские походы и сооружение кораблей опустошили казну. Была предпринята попытка ликвидировать прорехи в бюджете за счет проведения городской реформы. Правительство согласилось ввести в городах самоуправление при условии, что они будут платить в казну двойной налог.

Откликнувшихся на это предложение, оказалось немного, тогда правительство объявило реформу обязательной. При этом казна рассчитывала извлечь двойную выгоду: во-первых, своевременное поступление налогов гарантировалось имуществом горожан; во-вторых, отпадала необходимость в расходах на содержание аппарата, взимавшего налог (обязанность по сбору налогов перекладывалась на местные органы самоуправления — земские избы, подчинявшиеся московской Ратуше).

Тем не менее городская реформа 1699 г. не решила финансовых проблем в государстве. Поэтому правительство установило для населения новые налоги. В 1699 г. был издан указ о введении гербовой бумаги: отныне челобитные разрешалось подавать только на бумаге с изображением российского герба (двуглавого орла). Такая бумага продавалась значительно дороже обыкновенной. Кроме того, были увеличены налоги с бань, рыбной ловли, лавок; стали взиматься налоги с постоянных дворов и мельниц.

Принятые меры увеличили доход казны, но не устранили дефицита в бюджете. Тогда правительство приступило к денежной реформе, суть которой состояла в уменьшении содержания серебра в монете (в рубле) и в замене большей части серебряных денег медными. Это дало ощутимый результат: в 1701–1709 гг. казна получила 4,4 млн рублей чистой прибыли. Однако чеканка новых денег сопровождалась ин-

фляцией, из-за чего снизился уровень жизни населения, получавшего жалованье.

Административные реформы

В допетровскую эпоху чиновники руководствовались не только установленными законами, но и в значительной степени обычаям, вытекавшим из опыта поколений приказных дьяков.

Областная реформа 1708—1710 гг. положила начало изменениям в административном устройстве государства. События первого десятилетия XVIII в. показали, что аппарат государственного управления нуждается в перестройке. Восстание Кондратия Булавина продемонстрировало неспособность власти на местах подавить очаги беспорядков еще в зародыше. Не справлялась местная администрация и со своевременным набором рекрутов. Деятельность ратушей (городских управ) и земских изб по сбору налогов тоже не оправдала ожиданий.

В результате областной реформы страна была разделена на 8 губерний во главе с губернаторами, каждый из которых являлся главнокомандующим войск, расположенных на территории губернии, а также обладал всей полнотой административной и судебной власти. Первыми губернаторами царь назначил своих самых надежных соратников — А.Д. Меншикова, Ф.М. Апраксина, Д.М. Голицына, Т.Н. Стрешнева и др. Существовавшие прежде областные приказы: Сибирский, Смоленский, приказ Казанского дворца — были упразднены.

Рубль времен Петра I

В 1711 г. был учрежден так называемый правительствующий Сенат, заменивший Боярскую думу. В связи с его появлением были упразднены московская Ратуша (орган самоуправления Москвы) и земские избы, поскольку новое учреждение переняло их функции по сбору налогов.

Административное деление России при Петре I

По первоначальному замыслу царя Сенату отводилась роль временного учреждения («для всегдашних наших в сих войнах отлучек» [7]), однако он просуществовал до 1917 г., то есть стал самым долговременным из нововведений Петра. Из 9 членов Сената только 3 представляли титулованную знать — остальные принадлежали к незнатным дворянам и приказным дельцам.

Одновременно с Сенатом возник институт фискалов, во главе которого стоял обер-фискал, подчинявшийся непосредственно Сенату. Фискалы осуществляли тайный надзор за деятельностью всей администрации. Они не вмешивались в решение вопросов, молчаливо следили за ходом дел и затем доносили обо всем, что, по их мнению, нарушало законность (о казнокрадстве, взяточничестве и т.д.). Петр поощрял рвение фискалов к доносам, вознаграждая их половиной штрафов, взыскиваемых с обвиняемых. Фискалы освобождались от податей и были неподсудны местной администрации.

Фискалы не обеспечивали надежного контроля за работой управленческого аппарата, поскольку не предупреждали нарушений законности, а всего лишь регистрировали их, чтобы виновный был привлечен к ответственности. Более

того, фискал был заинтересован, чтобы противоправное действие (казнокрадство, взяточничество) довели до конца — в этом случае он получал неопровержимое доказательство вины и мог рассчитывать на вознаграждение.

В 1717 г. Петр I продолжил реорганизацию органов управления: вместо 44 приказов, действовавших в стране до того времени, были учреждены 12 коллегий. Характерно, что основным образцом для организации коллегий послужила административная система Швеции — государства, с которым Россия находилась в состоянии войны.

Проще всего обстояло дело с созданием коллегий, учреждаемых вместо прежних приказов того же профиля. К ним относились три наиболее важные — Иностранных дел, Военная и Адмиралтейская, а также Вотчинная коллегия, заменившая Поместный приказ. В числе новых были три торгово-промышленные — Берг-коллегия, Мануфактур-коллегия, Коммерц-коллегия. Кроме того, появились три финансовые коллегии: Камер-коллегия ведала доходами, Штатс-контор-коллегия — расходами, Ревизион-коллегия осуществляла

*Настенное панно из Летнего дворца Петра I
в Санкт-Петербурге (начало XVIII в.)*

контроль над доходами и расходами. Местными судебными учреждениями руководила Юстиц-коллегия. Каждую из коллегий возглавлял президент.

Первоначально в состав Сената входили все президенты коллегий. В результате реформы 1722 г. в составе Сената остались только руководители трех главных коллегий. Для контроля работы государственного аппарата в дополнение к фискальной системе Петр I ввел прокурорский надзор. Задача прокуроров состояла в предупреждении преступлений в системе управления. Прокурорам разрешалось вмешиваться в обсуждение того или иного вопроса и при необходимости указывать на незаконность принимаемого решения, требуя его пересмотра. При введении системы прокурорского надзора Петр опирался в первую очередь на опыт современной ему Франции.

Генерал-прокурор подчинялся непосредственно царю и только ему был подсуден. Он должен был «сидеть в Сенате и смотреть непременно, дабы Сенат свою должность хранил и во всех делах истинно, ревностно и порядочно, без потеряния времени, по регламентам и указам отправлял» [13]. Первым генерал-прокурором Сената стал дипломат Павел Иванович Ягужинский — человек весьма деятельный и властный, а потому сумевший придать своей должности высокий престиж. Фактически Ягужинский стал главой Сената, вторым человеком в стране после царя. В других городах были назначены прокуроры, в Москве обер-прокурором был назначен Г.Г. Скорняков-Писарев.

Табель о рангах

Для упорядочения разных видов службы Петр I приказал составить Табель о рангах. Этим занялись канцлер Головкин, сенатор Брюс и два генерал-майора — Матюшкин и Дмитриев-Мамонов. Согласно Табели, введенной в 1722 г., вся служба в государстве подразделялась на военную, статскую и придворную. В каждой из этих категорий предусматривались 14 рангов (чинов). Гражданин, имеющий самый низший ранг, уже получал личное дворянство. Начиная с 8-го чина (майорского, а на гражданской службе — коллежского асессора), служащий имел право на потомственное дворянство.

новшества коснулись двух сторон — церковного землевладения и места Церкви в государственной структуре.

Принципиальное отличие церковной политики Петра от политики его предшественников состояло в том, что она строилась не на основе личных отношений между представителями светской и духовной власти, а исходила из того, что все (в том числе и монарх) являются слугами государства, поэтому Церковь тоже обязана вносить свою лепту в это служение. При такой постановке вопроса не могло быть и речи о независимости Церкви, ее материальной и политической самостоятельности.

Новый этап во взаимоотношениях светской и духовной власти наступил после кончины патриарха Адриана в 1700 г. Известный «прибыльщик» А.А. Курбатов отправил царю, находившемуся тогда под Нарвой, письмо с рекомендацией повременить с избранием нового патриарха и создать учреждение для управления монастырскими вотчинами во главе с И.А. Мусиным-Пушкиным. В результате в 1701 г. был восстановлен Монастырский приказ. Монастырские вотчины были разделены на две категории — «определенные» (доход с них поступал на нужды монастыря) и «заопределенные» (доход с них поступал в казну).

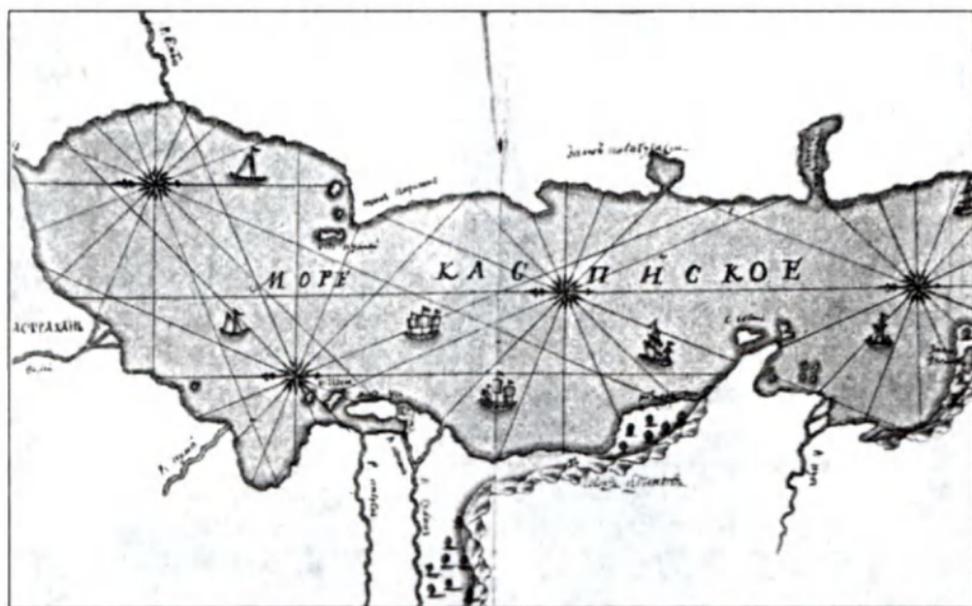

Церковь св. Стефана во Владимирской области (перестроена в XVIII в.)

Избрание нового патриарха не состоялось — вместо этого царь учредил должность местоблюстителя патриаршего престола, назначив на нее рязанского митрополита Стефана Яворского. Петр I надеялся найти в Яворском активного сторонника церковной реформы, но ошибся: рязанский митрополит был тайным сторонником восстановления патриаршества и не поддерживал нововведений.

Деятельного помощника в осуществлении церковной реформы царь обрел в лице выдающегося писателя-публициста и проповедника Феофана Прокоповича. Петру I запомнилась яркая речь, которую тот произнес в киевском Софийском соборе по случаю полтавской победы. В 1716 г. Феофан Прокопович переехал в Петербург и стал ближайшим сподвижником Петра, пропагандистом его преобразований. Проповеди Феофана были наполнены светским содержанием, гордостью за мощь России. В 1720 г. он произнес «Слово похвальное о флоте российском», в следующем году — слово при открытии Синода, в 1723 г. — речь, обращенную к Петру по случаю возвращения из Каспийского похода.

В 1721 г. должность местоблюстителя патриаршего престола была упразднена. Высшим учреждением духовного ведомства стала Духовная коллегия, переименованная за-

Карта Каспийского моря (составлена при подготовке к Каспийскому походу в 1720 г.)

тем в Синод. Членов Синода назначал царь, они приравнивались к чиновникам прочих светских учреждений: получали из казны жалованье, приносили присягу на верность государю и обязывались безоговорочно выполнять все его повеления. Церковным иерархам предписывалось «в мирские дела и обряды не входить ни для чего» [13]. Как и в Сенате, в Синоде присутствовало «око государево» — обер-прокурор, то есть светское лицо, надзиравшее за деятельностью Синода.

В итоге церковной реформы Синод превратился в правительственное учреждение, в котором заседали чиновники в рясах. И хотя он, подобно Сенату, назывался Правительствующим, его компетенция была значительно скромнее сенатской и распространялась только на вопросы веры. Президентом Синода Петр оставил престарелого Стефана Яворского, однако фактическим руководителем Синода был его вице-президент Феофан Прокопович.

После смерти Стефана Яворского Петр I решил не назначать нового президента, а распорядился «выбрать из офицеров доброго человека, чтоб имел смелость и мог управления синодского дела знать и быть ему обер-прокурором, и дать

Никольская церковь в Суздальской области (начало XVIII в.)

ему инструкцию, применяясь к инструкции генерал-прокурора» [4]. На должность такого надзирателя выбрали полковника Болтина. Царь постоянно стремился ограничить функции Синода чисто учебной и воспитательной деятельностью, нередко он сам указывал, как следует толковать библейские заповеди.

Церковная реформа расширила обязанности духовенства. Монахов Петр называл тунеядцами и требовал, чтобы они трудились на пользу государства — содержали школы и приюты, занимались ремеслами. С 1715 г. по всей стране создавались «гошпитали» и богадельни при монастырях.

Светские воззрения проникали в церковную жизнь, общественная мысль уже меньше зависела от церковной идеологии. В частности, правительство отказалось от преследований еретиков: на смену ненависти к инакомыслящим пришло некоторое ослабление религиозных гонений, определенная веротерпимость.

Руководствуясь практическими интересами, правительство отказалось от жестокого преследования старообрядцев. Указ 1716 г. разрешал записываться в раскол «без всякого сомнения», но за эту «милость» с лиц, придерживавшихся старых обрядов, налоги взыскивались в двойном размере. Кроме того, старообрядцев принудили носить иную, чем у остального населения, одежду (в частности головной убор с «рогами»).

Еще одна особенность церковной политики Петра I состояла в предоставлении иностранцам права беспрепятственно исповедовать свою религию и сооружать для этого храмы. Эта мера была вызвана стремлением привлечь на русскую службу иностранных специалистов.

Церковная реформа устраивала далеко не все духовенство. «Белое» духовенство было недовольно новым порядком передачи прихода одному из сыновей священника — отныне от претендента на приход требовалось свидетельство об окончании духовного училища. Филантропические (благотворительные) обязанности, возложенные Петром на монастыри, раздражали «черное» духовенство. Двойной размер налога вызывал протест у старообрядцев, среди которых царь слыл антихристом. Однако открыто осуждать реформы никто не посмел: пользуясь поддержкой Феофана Прокоповича, Петр I осуществил реформу так, что ни один из церковных

иерархов не осмелился высказать несогласие. К тому же к «кнуту» почти всегда добавлялся «пряник»: в связи с учреждением Синода царь согласился на передачу церковных вотчин в полное распоряжение духовного ведомства.

Церковная реформа до сих пор не получила однозначной оценки. Один из наиболее активных ее критиков — известный российский государственный деятель начала XX в. С.Ю. Витте. Оценивая значение петровских преобразований, он склонялся к мысли, что эта реформа представляла собой попытку бюрократизации Церкви. Основой русского православия считается соборность. Петр I, по мнению Витте, собирався подменить соборность коллегиальностью, что характерно для протестантизма и чуждо православию. Если при соборности каждое из лиц в управлении Церковью является выразителем интересов всей общины, то при коллегиальности члены Синода лишены связей с остальными верующими. Синод формируется правительством и таким образом функционирует как бюрократическая организация со своим внутренним распорядком, далеким от канонических уставов христианства. «А потому вся система нашего церковного управления представляется не имеющею канонического основания» [15], — заключал Витте. Он критиковал петровскую реформу, показывая на конкретных примерах, как в первые годы деятельность чиновников сводилась к регламентации духовной жизни полицейскими методами. Гарантом соблюдения обрядов теперь выступал уже не авторитет церковных иерархов, а контроль, осуществляемый чиновниками.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЦАРСТВОВАНИЯ ПЕТРА I

Император трудился постоянно. В свободное от государственных дел и военных походов время он занимался ремеслами — вставал за токарный станок, строгал, пилил, рисовал дворянские гербы. Своим подданным он старался внушить, что «трудиться надобно». Это наставление можно расценивать как духовное завещание первого российского императора потомкам.

Развитие хозяйства

Петр I продолжал уделять внимание развитию торговли и промышленности. Если в конце XVIII в. к Архангельску приходили 30—40 иностранных кораблей в год, то в 1724 г. в разные российские порты вошли 748 судов. Пошлины с товара пополняли казну, русские купцы торговали и за границей.

Продолжала развиваться российская промышленность, причем строились не только военные заводы: к 1725 г. в стране работали 25 текстильных предприятий, давали продукцию канатные мануфактуры. Впервые были построены бумажные, цементные, сахарные заводы и даже шпалерная фабрика для производства обоев. При мануфактурах существовали ремесленные школы. Всего в городах России в 20-е гг. XVIII в. было около 16 тыс. ремесленников, причем только в Москве — 6,8 тыс. (в составе 146 цехов, созданных в соответствии с указами 1722 г.).

В связи с ростом промышленного производства на мануфактурах применялся принудительный труд «рабочных людей» из числа крепостных и государственных (черносошных) крестьян, которые приписывались к заводам в качестве дешевой рабочей силы. Кроме того, на предприятиях трудились купленные (посессионные) крестьяне.

Указ от 18 января 1721 г. и последующие акты разрешали владельцам мануфактур покупать крестьян целыми селениями «невозбранно, дабы те деревни всегда были при тех заводах неотлучно» [13]. При этом очень часто хозяева предприятий даже не покупали крестьян, а просто выпрашивали у петровских министров под предлогом «государственной необходимости». Распростра-

Крупнейшие промышленные районы европейской части России при Петре I

нение такой практики провоцировало коррупцию. Взяточничество достигло небывалых размеров.

Персидский поход

Сразу после поражения на Пруте Петр I обратил внимание на Кавказ, который служил своеобразным пограничным районом между Черным морем, большую часть акватории которого контролировали турки, и российским Прикаспием. Одни кавказские народы были христианами, другие — мусульманами, но почти все они оставались под властью некогда сильной Персии. В начале XVIII в. позиции Персии в этом регионе значительно ослабли, а ее кавказские владения пытались захватить турки.

В 1715 г. царь послал Артемия Волынского, ротмистра, отличившегося во время Прутского похода, на Кавказ с поруче-

Каспийские походы

нием собрать как можно больше информации о сухопутных, морских и речных путях, о силах Персии, а местным народам «внушать, что турки главные неприятели персидскому государству и народу, и самые опасные соседи всем, а царское величество желает содержать с шахом добрую приязнь» [1]. Волынский выяснил, что грузины согласны помогать русским, но персы слишком боятся России. Вернувшийся Волынский в 1719 г. был назначен губернатором в Астрахань и продолжал следить за развитием событий в персидских владениях.

В 1721 г. против персов восстали лезгинский правитель Даудбек и карыкумыцкий властитель Суркай. Они без труда овладели большим городом Шемаха, разорили его, разграбили русские лавки. В начале 1722 г. русский посол в Персии Семен Аврамов сообщил, что восстали афганцы. Под предводительством Магмуда они захватили столицу Персии — город Исфаган. Шах Гуссейн попал в плен. Артемий Волынский писал царю, что медлить больше нельзя: предводители мятежников склонялись к союзу с Турцией.

3 мая 1722 г. Петр I отправил часть своей гвардии по Москве-реке в Нижний Новгород, где велась постройка судов для боевых действий на Каспии, а сам 13 мая направился туда наземным путем через Коломну, чтобы соединиться с армиями Апраксина и Толстого. Новгорода царь достиг 30 мая и, отметив здесь свой день рождения, продолжил путь в Астрахань.

18 июня царь с пехотой вышел в море на галерах, а конницу отправил до Дербента. 27 июля галеры причалили к берегу в Аграханском заливе (на северо-западном побережье Каспия). Конница к тому времени захватила селение Ендрени близ Аграханского залива (у русских оно называлось Андреевой деревней). 5 августа Петр выступил в поход на город Тарки. Местный правитель Алдигирей заявил, что он служил и будет верно служить императору. (Впоследствии правители из рода Алдигиреев станут российскими дворянами. Этот род даст России двух выдающихся представителей отечественной культуры — поэта Арсения Тарковского и кинорежиссера Андрея Тарковского.) Еще трое местных правителей приехали в Тарки и заявили о признании российского покровительства.

16 августа Петр I направил войско в сторону Дербента. Противостоять ему пытался лишь султан Махмуд, правитель

местечка Утемиш, расположенного на подступах к этому городу. Дербент был взят 23 августа практически без сопротивления. Местный правитель — дербентский наиб — встретил царя на коленях у ворот и передал ему ключи от города.

Одновременно с военным походом продолжались переговоры. Царь приказал пребывавшему в Исфагане русскому консулу Семену Аврамову пояснить любому из наследников пленного шаха, что русское войско идет к Шемахе только «для искоренения бунтовщиков, которые нам обиду сделали» [1]. Петр I планировал захватить Баку, однако начались проблемы с подвозом продовольствия, поход пришлось приостановить. Петр оставил в Дербенте гарнизон, приказал заложить между реками Аграхань и Сулен крепость Святого креста (для прикрытия русских границ) и отплыл в Астрахань.

Оставшаяся на Кавказе часть войска действовала успешно. Русскими без боя были взяты города Гилян и Решт, а в 1723 г. — Баку. 12 сентября 1723 г. персидский посол Измаил-бек от имени иранского шаха Тахмаспа II подписал договор, по которому Россия должна была оказать Ирану помощь в борьбе с взбунтовавшимися афганскими племенами, а за это получала города Дербент, Баку и Решт с провинциями Гилян, Марандеран и Астрабад. Однако в Стамбуле считали, что захвачен-

Бакинские женщины в традиционной одежде

ная бунтовщиками Персия должна принадлежать Турции, поскольку мятежники прибегли к турецкому покровительству.

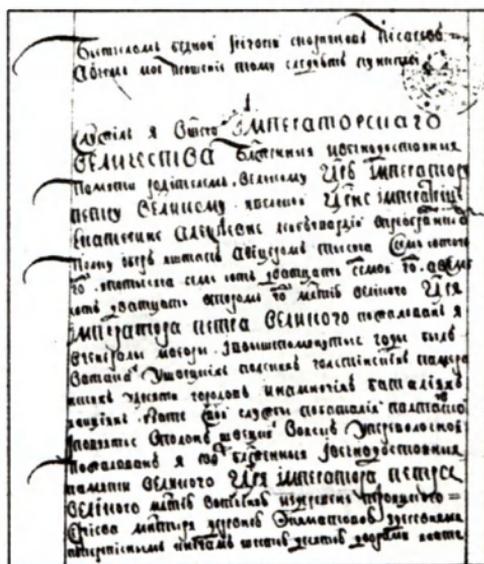
Выяснять отношения Петр отправил Ивана Неплюева, одного из молодых дипломатов. Позднее Неплюев вспоминал: «Мы, ученики Петра Великого, были проведены им сквозь огонь и воду» [1]. 12 июня 1724 г. ему удалось заключить частичный договор, поскольку «больше того ныне без войны получить было нельзя» [1]. Город Шемаха с прилегающей к нему областью был отдан союзнику Турции — лезгинскому правителю Даудбеку. Остальная часть бывших персидских владений (вплоть до Каспия) отошла России.

Распри в Сенате

13 декабря 1722 г. Петр I въехал в Москву. По дороге он узнал о склоках в Сенате. Там слушалось очередное дело о казнокрадстве Меншикова. Родовитые князья — Голицыны и Долгорукий — настроили против Меншикова вице-канцлера князя Петра Павловича Шафирова. «Светлейшего» защищал обер-прокурор Скорняков-Писарев, однако не добился успеха.

Скорняков-Писарев вскоре выяснил, что Шафиров покрывает махинации своего брата. Сенат разделился на две партии. За Шафирова стояли Долгорукий, Голицыны и Матвеев; за Писарева — Меншиков, Головкин и Брюс. Меншиков предлагал выгнать Шафирова из Сената.

Петр еще с дороги распорядился учредить Вышний суд в составе Брюса, Мусина-Пушкина, Матвеева, генералов Бутурлина, Дмитриева-Мамонова и еще четырех офицеров. Вышний суд приговорил Шафирова к смертной казни. 15 февраля 1723 г. он уже взошел на плаху, палач поднял топор, но в этот

Образец почерка
Г. Скорнякова-Писарева

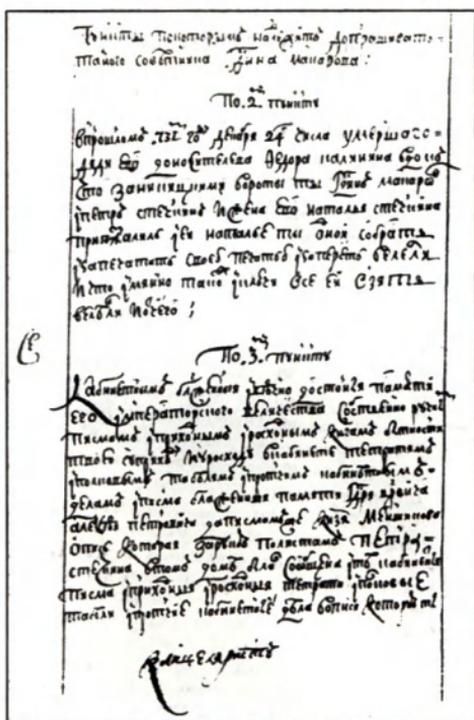
момент А.В. Макаров, состоявший в должности тайного кабинет-секретаря, зачитал указ императора: казнь заменялась ссылкой в Сибирь. Позднее царь смилостивился и, лишив Шафирову чинов, отправил его в Нижний Новгород.

Петр I твердо решил покончить с казнокрадством в чиновничьей среде и приказал провести еще несколько разбирательств. Приговоренный к огромному штрафу, под следствием умер «прибыльщик» Курбатов. В январе 1723 г. был казнен уличенный во взяточничестве обер-фискал Нестеров. Скорняков-Писарев тоже был признан виновным и разжалован в солдаты. Меншикову пришлось заплатить штраф. В.Л. Долгорукого и Д.М. Голицына царь лишил всех чинов, приказав посадить обоих под домашний арест. Сенаторы бросились в ноги царице, которая вступилась за князей. В результате они получили свои чины обратно, но заплатили штрафы.

Укрепив международное положение России на севере и на юге, царь полагал, что наступила пора навести порядок внутри государства. В одном из исторических анекдотов рассказывается, что как-то Петр I якобы приказал генерал-прокурору П.И. Ягужинскому:

«Напиши именной указ, что если кто и на столько украдет, что можно купить веревку, то будет повешен» [1]. Ягужинский осмелился возразить: «Государь, неужели вы хотите остаться императором один, без служителей и подданных? Мы все воруюм, с тем только различием, что одни больше и приметнее, чем другие» [1]. Петр рассмеялся и решил повременить с репрессиями.

Опыт подсказывал царю, что найти замену взяточникам и казнокрадам будет сложно. Еще в 1721 г. Петр I решил, что сенаторы не могут быть одновременно президентами

Страница из следственного дела А.В. Макарова

коллегий — ведь им придется «судить самих себя» — и распорядился выбрать для руководства коллегиями других лиц. Но «достойных людей» не нашлось, поэтому он был вынужден оставить все по-прежнему.

Император беспокоился о судьбе своих преобразований. Об этом свидетельствует его письмо к лейб-медику Р. Арескину, заведовавшему первым российским музеем — Кунсткамерой. Петр писал: «Если бы я захотел присылать к тебе монстры человеческие не по виду телес, а по уродливым нравам, у тебя бы места не хватило; пускай шляются они во всенародной кунсткамере; между людьми они более приметны» [16].

«Монстры» из близкого окружения продолжали расстраивать царя. Он отстранил Меншикова от должности президента Военной коллегии и передал этот пост А.И. Репнину. Члены Вышнего суда и даже преданный Макаров были уличены во взяточничестве.

Царедворцы Петра богатели. В то же время сам он после окончания Северной войны снизил расходы на собственный двор и личные нужды, довольствовался простой одеждой — кафтаном из русского сукна и стоптанными башмаками (чулки ему штопала царица). У Петра I не было кареты даже для торжественных выездов: встречая иностранных послов, он брал карету у генерал-прокурора Ягужинского, известного модника.

Судьба российской короны

Петру все больше нравилась жизнь в семье. Он жаловался Екатерине, что стал стариком. Между тем в 1722 г. ему исполнилось только 50 лет. Здоровье его было подорвано. Пришло время задуматься о наследнике российского трона. Сыновей у него теперь не было. Оставались две незамужние дочери — Анна и Елизавета. Были еще внук Петр (Петр II), сын Алексея и Софии Шарлотты, а также две племянницы — Анна, вдова герцога Курляндского, и Екатерина, жена герцога Мекленбургского. Никому из них царь не хотел оставлять свое государство — боялся, что такие наследники разорят его окончательно.

Петр I собирался передать Россию Екатерине. 5 февраля 1722 г. он обнародовал «Устав о наследии престола», в котором

*Коронационное платье
Екатерины I*

наследника престола находилось теперь «в воле правительствующего государя» [13]. Это противоречило русским традициям, требовавшим передачи трона старшему мужчине в роду. Для всенародного разъяснения Феофан Прокопович написал «Правду воли монаршей». Так создались предпосылки для череды дворцовых переворотов и аппаратно-бюрократических интриг в будущем. В 1723 г. Петр I решил короновать на царствование Екатерину, и 7 мая 1724 г. она была торжественно объявлена императрицей.

говорилось, что «всегда в воле правительствующего государя, кому оный хочет, тому и определить наследство» [13]. В «Уставе» содержалось обожновение права царствующей особы назначать себе преемника по своему усмотрению, минуя старшего сына. Подобно тому как по указу о единонаследии родители могли передать недвижимое имущество достойному наследнику, «хотя и меньшему, мимо больших... который бы не расточал наследства», так и назначение

Кончина Петра I

В октябре 1724 г. Петр, жестоко страдавший в это время воспалением почек, отправился на строительство Ладужского канала, которое он начал еще в 1702 г., но работы затянулись. Царь мечтал: «Видим, как Невою ходят к нам суда из Европы; а когда кончим вот этот канал, увидим, как нашей Волгой придут торговать в Петербург азиаты» [16]. (Этого ему увидеть не довелось: инженер Миних завершил строительство канала уже после смерти царя, в 1726 г.)

В начале ноября у местечка Лахта Петр I увидел севший на мель корабль с солдатами, который шел в Кронштадт. Царь бросился помогать: спасал людей, стоя по пояс в ледяной воде.

Вернувшись в столицу, император слег от обострения болезни.

Петр уже не вставал с постели и приказал поставить рядом «подвижную церковь». Его последним делом было утверждение проекта Камчатской экспедиции (ее уже после смерти царя возглавил Витус Беринг, открывший пролив между Россией и Америкой). Оставляя генерал-адмиралу графу П.М. Апраксину свои инструкции, царь говорил: «Оградя отечество

Ж.М. Наттье.

Портрет Екатерины I

безопасностью от неприятеля, надлежит стараться находить славу государству чрез искусства и науки» [7].

22 января Петр исповедался и причастился. 27 января император попросил лист бумаги, но смог вывести только два слова: «Отдайте все...». Он велел позвать дочь Анну, но, когда она пришла, царь уже не мог говорить. В начале шестого утра 28 января 1725 г. он скончался. Екатерина, оставшаяся у его постели все время, закрыла ему глаза.

Надгробную речь произнес Феофан Прокопович. «Что се есть? До чего мы дожили, о россияне? Что видим, что делаем? Петра Великого погребаем» [1] — в таких словах он пытался выразить чувства, владевшие в этот момент подданными ушедшего из жизни императора: преклонение перед выдающимися способностями Петра и скорбь по поводу его кончины.

Сразу после смерти Петра начались ссоры между людьми, окружавшими императора при его жизни. Страна вступила в эпоху дворцовых переворотов.

Судьба Лопухиной

Первая жена Петра I Евдокия Лопухина (в монашестве — инокиня Елена) за стенами Покровского монастыря продолжала жить как царица. Отчасти это объяснялось тем, что духовенство не любило царя, поэтому церковь дала новой инокине большую свободу.

Елена не носила монашеской одежды и ходила по обители в мирском платье. От церковных иерархов она получала достаточное денежное содержание, позволившее ей содержать свой двор. Инокине прислуживало несколько десятков человек; она устраивала пиры, на которые приглашала гостей. При дворе бывшей царицы совершались многие традиционные церемонии, иногда она совершала торжественные выходы, раздавая милостыню убогим.

Вскоре размеренная жизнь позволила Елене забыть о своей любви к отвергнувшему ее супругу. Монастырские стены скрывали от инокини все, что происходило в стране; государственные заботы перестали ее интересовать.

В 1710 г. в Суздаль для набора рекрутов прибыл 37-летний майор Степан Глебов. Инокиня Елена случайно увидела офицера и приказала своему духовнику Федору Пустынному позвать Глебова к ней в келью. После первой встречи общение между Глебовым и инокиней стало частым. Майор много раз заезжал в монастырь, Елена переправляла ему записки через монахиню Капитолину. Офицер и бывшая царица полюбили друг друга, однако Глебов быстро одумался: зная мстительный характер Петра, он не на шутку испугался за свою жизнь. Майор отдалился от Елены, однако это им уже не помогло.

Занимаясь в 1716 г. делом царевича Алексея, Петр I заподозрил, что в заговоре участвовала и суздальская пленница. Под пытками царевич оговорил мать (хотя на самом деле он ни разу к ней не обращался, чтобы не навлекать на нее подозрений). Келья инокини подверглась тщательному обыску, однако не было найдено никаких улик. Обыск был произведен и у майора Глебова — царю стало известно о том, что он посещал монастырь. Среди вещей Степана Глебова удалось обнаружить любовные записки от Елены.

Узнав о связи офицера с бывшей царицей, Петр пришел в ярость. Он назвал Глебова одним из главных заговорщиков и приказал пытать его с особой жестокостью. После того как майора, полуживого, сняли с дыбы, его подвергли пытке огнем, а когда он смог держаться на ногах, заперли в камере с полом, сплошь утыканным гвоздями. Глебов изранил все тело, на одной из ног началась гангрена. Майор признавал за собой «блуд» с инокиней Еленой, но даже после всех истязаний отрицал участие в заговоре.

Евдокия писала бывшему супругу письма, в которых просила его пощадить ни в чем не повинных людей и обещала впредь жить тихо, как подобает простой инокине. Тем не менее по распоряжению царя майора приговорили к смерти через сажание на кол. Приговор был приведен в исполнение 15 марта 1718 г. Движимый чувством мести, Петр приказал надеть на Глебова тулуп и шапку: человек, посаженный на кол, умирал долго, но стоявшие тогда морозы ранней весны могли ускорить смерть офицера, а царь хотел продлить его мучения.

Казнить бывшую жену царь не решился — ее отправили в монастырскую тюрьму в Новой Ладоге; там знатную узницу держали на хлебе и воде. Впрочем, тюремщики относились к Елене сочувственно. В 1725 г., уже после смерти Петра I, по приказу Екатерины I Лопухину перевезли в Шлиссельбург. Через два года, когда скончалась и первая российская императрица, инокиню вернули в Москву. Она обосновалась в Новодевичьем монастыре, полностью устранившись от дел. Умерла Евдокия Лопухина (инокиня Елена) 27 августа 1731 г.

КУЛЬТУРА И БЫТ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ

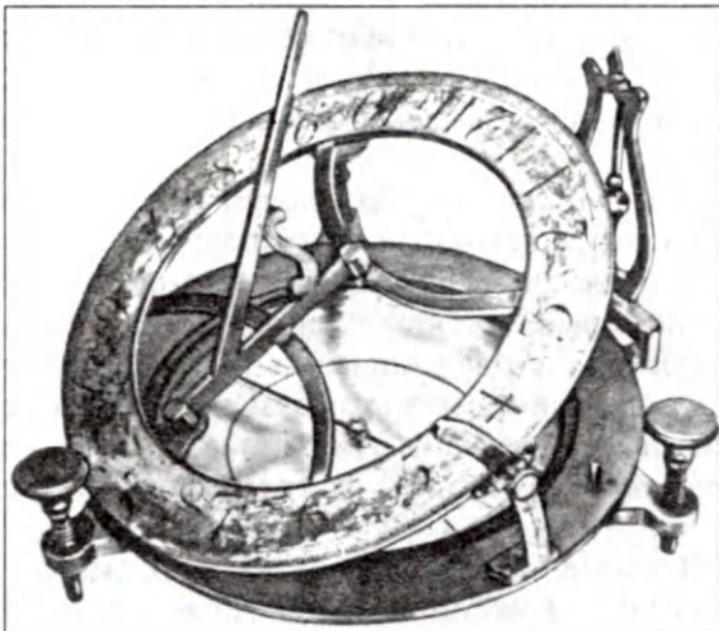
В Петровскую эпоху происходило дальнейшее обмирщение русской культуры, которая в прежние века основывалась преимущественно на религиозных ценностях. Появление переводной литературы и книг светского содержания, установление культурных связей с другими народами способствовали преодолению национальной замкнутости, обогащению традиций и развитию личностного начала в искусстве и науках. Изменился быт русских людей, появились новые предпочтения и потребности.

Новый календарь

Вернувшись из первой поездки за границу, Петр I ввел в России новый отсчет времени. Это произошло в конце 1699 г. Прежде летосчисление на Руси велось от сотворения мира — дата этого события была вычислена богословами на основании хронологии Ветхого Завета. По такому календарю 1699 г. значился как 7207 г.

По воле Петра I Россия перешла на европейское летосчисление — от Рождества Христова. При этом сдвигалась и дата новогоднего праздника, который в допетровскую эпоху отмечался на Руси 1 сентября. Поскольку в Европе старый год заканчивался 31 декабря, то 1 января 7207 г. от С. М. полагалось отмечать как начало 1700 г. от Р. X.

Чтобы приверженцы старины не возмущались изменением привычного календаря, Петр I в соответствующем указе пояснил, что «не только во многих европейских христианских странах, но и в народах славянских, которые с восточной православною нашею церковью во всем согласны, как валахи, молдавы, сербы, далматы, болгары и самые великого государя подданные черкасы (малороссияне) и все греки... — все те народы согласно лета свои счисляют от Рождества

Компас с солнечными часами (XVIII в.)

Христова восемь дней спустя» [7]. Начиная с 1 января 1700 г. Россия стала отмечать Новый год по новому календарю.

Календарная реформа оказалась возможной во многом благодаря Якову Вилимовичу Брюсу, одному из друзей и сподвижников царя. Обрусевший сын англичанина Уильяма (Вилима) Брюса увлеченно занимался астрономией и одним из первых в нашей стране начал проводить регулярные астрономические наблюдения, в качестве обсерватории чаще всего используя дворец Меншикова. (Честь самых первых систематических наблюдений за звездным небом принадлежит другому петровскому сподвижнику — отцу Афанасию из Беломорья.)

Развитие наук и образования

Преобразования, намеченные Петром I во всех сферах жизни российского общества, не могли осуществиться без подъема культурного уровня населения, в первую очередь дворянства. Административная реформа привела к росту бюрократического аппарата, который нуждался в грамотных чиновниках. Для управления армией и флотом требовались офицеры, освоившие военное и морское дело. Широкомасштабные строительные работы (возведение крепостей, строительство каналов и мануфактур) было невозможно вести без специалистов, владеющих техническими знаниями и навыками.

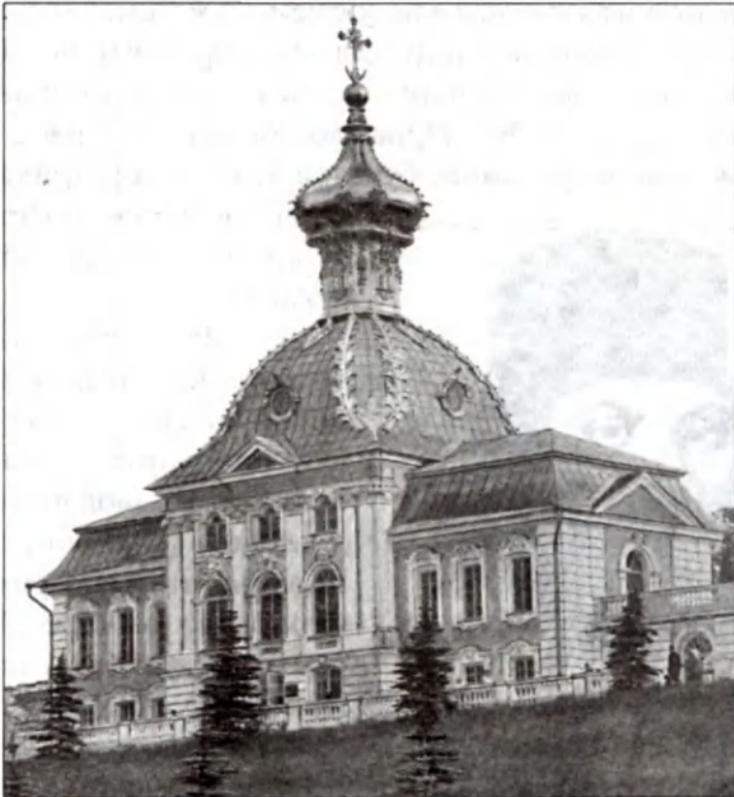
На первых этапах преобразований Петр нанимал иностранных специалистов. Для подготовки технического персонала, чиновников и офицеров из российских подданных открывались новые учебные заведения, сама система обучения в которых в корне отличалась от допетровской. Богословские дисциплины в программах учебных заведений были значительно потеснены точными науками — математикой, астрономией, геодезией, фортификацией, инженерным делом.

В 1701 г. были открыты Навигацкая и Артиллерийская школы, в 1707 г. — Медицинское училище, в 1712 г. — Инженерная школа. Для подготовки специалистов по горнорудному делу при металлургических заводах на Урале и в Олонец-

ком крае правительство организовало первые в России горные школы. Для обучения подрастающего поколения с 1714 г. в губерниях повсеместно стали появляться цифирные школы. В них выпускники Навигацкой школы преподавали детям арифметику и начала геометрии. К концу первой четверти XVIII в. в России насчитывались 42 цифирные школы, а число учеников в них достигало 2 тыс. человек.

Чтобы сохранить свое положение в государстве, дворянство было вынуждено овладевать знаниями. Обучение дворянских детей приобрело характер государственной повинности. По воле царя молодые люди из России в качестве волонтеров отправлялись в страны Западной Европы — Голландию, Англию, Францию, Италию для изучения кораблестроения, кораблевождения, медицины, архитектуры, живописи и т.д. Всего за годы петровских преобразований за границу было отправлено свыше 1000 волонтеров.

Особое внимание уделялось изучению навигации. По возвращении в Россию молодые дворяне, освоившие навигацки-

Церковь Большого дворца в Петергофе

онное дело, сдавали экзамены, нередко при этом присутствовал сам Петр I. Многие дворянские недоросли, особенно из аристократических фамилий, стремились уклониться от обучения, поэтому в 1714 г. был издан указ, согласно которому им запрещалось жениться. С другой стороны, в надежде завоевать доверие царя за границу для изучения морского дела отправлялись и немолодые дворяне. Так, известный дипломат П.А. Толстой поехал учиться в Венецию, уже имея внуков.

Расширение сети учебных заведений требовало издания разнообразной учебной литературы. В 1701 г. появился «Букварь словенскими, греческими, римскими письмены учатися хотящим», автором которого был преподаватель Славяно-греко-латинской академии Федор Поликарпов. В 1703 г. вышла знаменитая «Арифметика, сиречь наука числительная» Леонтия Магницкого. В его учебнике не только излагался теоретический материал, но и давались практические советы относительно того, как определить высоту стен, глубину колодца и т.п. «Арифметика» Магницкого в течение полувека являлась основным учебным пособием по математике.

Уделялось внимание и духовному образованию. Дети духовенства обучались в епархиальных школах. Сохранивший верность Петру Феофан Прокопович издал «Первое учение отрокам» — вид духовного букваря. Император приказал

основать в Москве и Петербурге семинарии для обучения священников.

В 1725 г. открылась Петербургская Академия наук, которую Петр I задумывал как «собрание из наилучших ученых людей, которые довольны (способны) науки производить и совершить» [7]. При этом он предполагал, что Академия будет готовить не только специалистов по различным отраслям знания, но и преподавателей как для самой Академии, так и для других учебных заведений.

Феофан Прокопович

Проект Устава Академии разрабатывался при участии императора. Работа Петербургской академии наук осуществлялась полностью за счет средств государственного бюджета, что отличало ее от западноевропейских академий, которые материально обеспечивали себя за счет издательской деятельности и устройства лотерей. В соответствии с замыслом Петра I при Петербургской академии проходили подготовку научные кадры.

В Петровскую эпоху активно велись географические исследования, изучалась обширная территория российского государства. Нередко в роли исследователей выступали люди, не получившие фундаментального образования, но обладавшие наблюдательностью и острым умом. По итогам своих экспедиций они производили описание Сибири и открытых «новых земель». Большой вклад в развитие российской географии внес устюжский крестьянин Владимир Атласов. В 1697—1699 гг. он на свои средства составил первое этнографическое и географическое описание полуострова Камчатка. В 1713—1714 гг. русские землепроходцы побывали на Курильских островах.

Однако основное внимание уделялось не открытию новых земель, а тщательному обследованию уже известных территорий. Русские картографы петровского времени описали и нанесли на карту внутренние европейские моря — Каспийское и Аральское (о последнем западноевропейские ученые не имели достоверных сведений). Заслугой В. Куприянова, А. Зубова и Я. Брюса является нанесение на карту Балтийского и Азовского морей, бассейна реки Дон.

В 1720 г. Петр I подарил Парижской академии новую карту, серьезно переработанную и обновленную российскими картографами. За вклад России в развитие географической науки Парижская академия наук избрала российского императора своим членом.

В 1720 г. была организована первая в истории России экспедиция по исследованию Сибири под руководством Даниила Мессершмидта. Члены экспедиции изучали природу, историю, экономику и этнографию сибирского края. В результате были составлены обширные естественноисторические и этнографические коллекции, характеризующие быт и религию сибирских племен.

Активно велись поиски полезных ископаемых, осваивались горнорудные богатства Урала и Сибири. В Подмосковье, на Дону и в Кузнецке были открыты залежи каменного («земляного») угля. Каменный уголь в те времена еще не применялся в качестве топлива, но уже проводились первые опыты по его использованию при выварке соли. Залежи нефти были открыты в Поволжье: в петровское время она применялась исключительно в медицинских целях.

По поручению Петра I были написаны исторические сочинения, посвященные событиям того времени, в том числе «История Свейской (Шведской, то есть Северной. — Ред.) войны», создавшаяся при участии самого Петра I (издана кня-

Фрагмент гравюры 1711 г., изображающей въезд Петра I в Москву после победы под Полтавой

зем М.М. Щербатовым в конце XVIII в. под заглавием «Журнал, или поденная записка императора Петра Великого»).

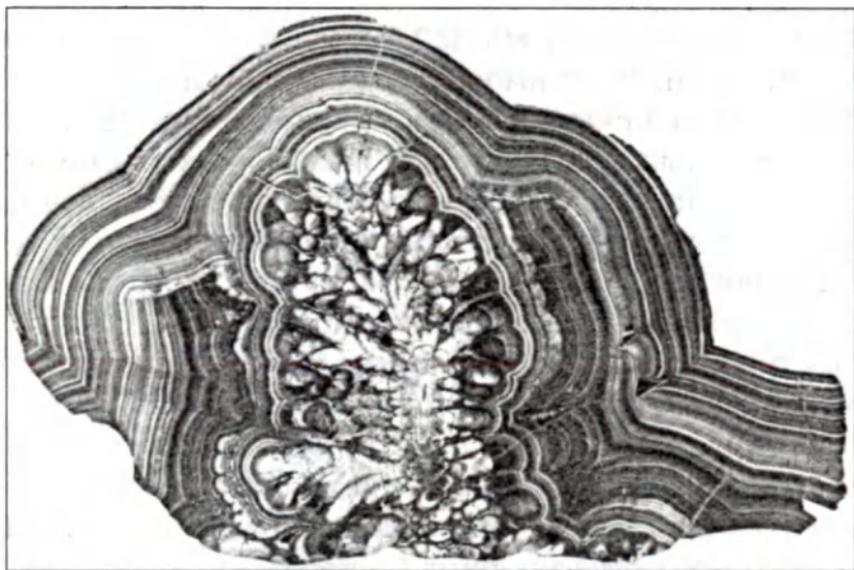
Император мечтал увидеть «полную историю российскую» и даже распорядился везде, где только возможно, собирать для ее написания древние рукописи, грамоты и летописи. По его поручению в России стали переводиться книги о событиях всеобщей истории, в том числе труды Квинта Курция о деяниях Александра Македонского.

Быстрыми темпами развивалось типографское дело, что способствовало распространению научных знаний. В 1711 г. в Петербурге была открыта типография, в которой печатались официальные материалы: указы, манифесты, реляции. Свои небольшие типографии имели Сенат, Александро-Невская лавра и Морская академия. Издавалась не только учебная и специальная литература, но и календари, в которых сообщались сведения о погоде, о времени восхода и захода солнца, об ожидаемых солнечных затмениях. Такие календари пользовались большой популярностью у населения. Типографское дело перестало быть государственной монополией: еще в 1705 г. Василием Киприяновым была открыта первая частная типография.

С 1708 г. для издания книг гражданского содержания стал применяться новый (более четкий, с упрощенной конфигурацией) шрифт. Старый церковнославянский шрифт использовался только в церковных книгах. К этому же времени относится и процесс замены старых буквенных цифр арабскими цифрами.

По инициативе Петра I с 1703 г. в России стала выходить первая печатная газета — «Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случившихся в Московском государстве и в иных окрестных странах». В газете публиковались сведения о ходе военных действий, промышленном строительстве, информация о важных событиях международной жизни.

С 1719 г. стала общедоступной Кунсткамера (от немецкого *Kunstkammer* — кабинет редкостей, музей), ставшая первым в России естественноисторическим музеем, в котором хранились зоологические и минералогические коллекции, искусные изделия. Особый отдел музея посвящался «монстрам» — живым и заспиртованным экспонатам живой природы.

Образец малахита из Кунсткамеры

ды, имеющим какие-либо аномалии. Первые экспонаты для этого музея были приобретены Петром еще в 1697—1698 гг. во время его поездки за границу с великим посольством. Позже по инициативе царя был организован сбор редкостей внутри страны.

В одном здании с Кунсткамерой (в двухэтажных Кикиных палатах) находилась и библиотека, которая к 1725 г. насчитывала 11 тыс. книг.

Литература, публицистика и театр

Петровские преобразования не только отразились в художественных произведениях и фольклоре, но и оказали существенное влияние на их содержание. Тематами народных песен и сказок стали важнейшие события столь беспокойной эпохи: Азовские походы, Северная война, измена Мазепы, рекрутские наборы и т.п.

Если литература допетровского времени находилась под влиянием церковной идеологии, то новая литература приобрела более светский характер. Герои ее произведений энергичны и образованны, они уверенно действуют в нестандартных обстоятельствах, им свойственны отвага, ум, верность долгу.

Большую популярность в России приобрела «Гистория о российском матросе Василии Кариотском и о прекрасной королевне Ираклии Флорентийской земли». Сюжет этой повести традиционен — она рассказывает о похождениях молодого человека, покинувшего отчий дом. Однако если в произведениях XVII в. герой, изменивший семейным устоям, терпит жизненный крах, то в «Гистории о российском матросе» ему повсюду сопутствует успех. В соответствии с духом петровского времени личность одерживает верх над обстоятельствами.

С родительского благословения сын мелкого дворянина Василий Кариотский отправляется служить матросом в Кронштадт. Здесь он быстро овладевает знаниями и едет в Голландию «для наук арихметических и разных языков». Личные качества позволяют Василию легко осваивать любое дело. Он предстает в повести не только «молодцем удалым», но и галантным кавалером, покоровшим сердце флорентийской королевы. Преодолев множество препятствий, Василий становится названным братом австрийского императора и женится на королевне. Образ Василия Кариотского символичен для эпохи, в которую люди незнатного происхождения имели возможность подняться вверх по социальной лестнице, достигнуть высших государственных должностей.

Видным публицистом петровского времени был Федор Салтыков, представитель древнего боярского рода. Салтыков находился в числе волонтеров, отправленных за границу с великим посольством, участвовал в сражении под Нарвой, руководил строительством кораблей.

Во время своего пребывания в Англии в 1713—1714 гг. он направил Петру два донесения: «Пропозиции» и «Изъявления, прибыточные государству». Записки Салтыкова носили подражательный характер: по собственному признанию, свои предложения он заимствовал из законодательства «Английского государства», причем выбирал из него то, что «приличествует только самодержавию». В частности, среди прочих проектов было предложение в течение 10—15 лет заменить в стране все деревянные здания каменными (что было вряд ли возможно).

В каждой губернии Салтыков предлагал учредить одну-две академии, разместив их вместе с библиотеками и типогра-

фиями в монастырях (монахи подлежали выселению). По проекту Салтыкова в каждой из академий могло бы обучаться по 2 тыс. человек. Он был уверен в том, что осуществление его предложений превратит Россию в могущественную державу.

Некоторые из них действительно были приняты. Например, он предлагал ввести в России майорат — право наследования имущества старшим сыном. Вместо майората Петр в 1714 г. ввел единонаследие, сохранив предложенную Салтыковым мотивировку этой меры. На предложениях Салтыкова основывался и указ 1715 г. о расширении посевов льна и конопли.

Федор Салтыков был сторонником расширения дворянских привилегий, выступал за сохранение монопольного права дворян владеть крепостными и предлагал ввести для дворян титулы в зависимости от размера владений.

В отличие от Феофана Прокоповича и Федора Салтыкова И.Т.Посошков был самоучкой. Он родился в 1652 г. в семье ремесленника-ювелира и никогда не покидал пределов России. Тем не менее его сочинения можно отнести к выдающимся явлениям экономической мысли того времени. Главным трудом Посошкова стала «Книга о скудости и богатстве», завершенная им в 1724 г.

Наибольший интерес представляют изложенные в ней проекты развития промышленности и торговли. Посошков считал, что государство должно привлекать купцов к строи-

Сосуд для охлаждения вина (XVIII в.)

тельству мануфактур, предоставляя им выгодные ссуды и отдавая во владение казенные заводы, а также обеспечивая предприятия дешевой рабочей силой из числа бродяг и нищих.

По сути дела, И.Т.Посошков был идеологом русского купечества. Он отстаивал льготы и привилегии для купцов, поскольку «купечеством всякое царство богатитца, а без купечества никакое и малое государство быть не может» [17]. Всех купцов, ведущих заграничную торговлю, Посошков предлагал объединить в одну компанию. По его мнению, это позволило бы устранить конкуренцию между русскими купцами, а также держать высокие цены на товары, пользующиеся спросом на иностранных рынках. Посошков полагал, что в интересах отечественной промышленности государство должно ограничить ввоз заграничных товаров — в частности «безделок», то есть предметов роскоши.

Отвергая крайне жестокие формы эксплуатации крепостных крестьян, Посошков критиковал помещиков, которые «на крестьян своих налагают бремена неудобьносимыя» [17]. Он предлагал законодательно установить размер барщины и оброка, отделить крестьянские наделы от наделов помещиков, чтобы помещики были лишены возможности захватывать у крестьян землю.

Публицист негативно относился и к подушной подати. По его мнению, подворная система обложения, существовавшая ранее, была более справедливой. Кроме того, он считал необходимым уменьшить общий размер государственных податей вдвое, поскольку «худой тот сбор, аще кто царю казну собирает, а людей разоряет» [17]. Общественным идеалом Посошкова была абсолютная монархия: он осуждал порядки в других государствах, где короли «не могут по своей воле что сотворити, но самовластны у них подданные их, а паче купецкие люди» [17].

Посошков требовал «единого» суда для представителей всех сословий: «суд устроить един, каков земледельцу, таков и купецкому человеку, убогому и богатому, таков и солдату, таков и офицеру, ничем отменен и полковнику и генералу» [17]. Выступая с критикой в адрес продажных судей и казнокрадов, Посошков предлагал наряду с представителями дворянского сословия назначать на ответственные должности «худородных» людей.

Книга Посошкова в первую очередь предназначалась для Петра I. Неизвестно, успел ли император ее прочесть. В 1725 г. по невыясненным причинам Посошков был арестован Тайной канцелярией и в начале следующего года умер в заключении. Впервые «Книга о скудости и богатстве» была опубликована в 1842 г. Она является одним из наиболее значительных памятников культуры петровского времени.

Как и литература, театральное искусство Петровской эпохи отличалось светским содержанием. В 1702 г. в Москве был открыт общедоступный публичный театр на несколько сотен мест. Его труппа состояла из немецких актеров. Театр не приобрел популярности у публики: его репертуар был составлен из пьес, далеких от русской жизни. Зато большим успехом пользовались театры при Славяно-греко-латинской академии и Медицинском училище. Актеры этих театров разыгрывали пьесы, прославляющие воинские подвиги русской армии.

Изобразительное искусство и архитектура

Живопись первой четверти XVIII в. наиболее типично представлена портретными работами Ивана Никитина и Андрея Матвеева. Творчество Никитина отличается глубоким проникновением во внутренний мир человека. Кроме того, этот художник является автором батальных полотен (в том числе посвященных Полтавской и Куликовской битвам).

Широкое распространение получило искусство гравюры. Признанными мастерами в этой области были братья Зубовы, И. Адольский, А. Ростовцев. Их работы отличались высокими художественными достоинствами. Как правило, на гравюрах изображались виды Петербурга, батальные сцены, корабли российского флота и т.п. Гравюрами оформлялись книги, географические карты.

В архитектуре Петровской эпохи также заметны признаки обмирщения. Для первой четверти XVIII в. характерен подъем гражданского строительства. В городах появились общественные здания административного, промышленного и культурно-просветительного назначения, в том числе монументальный Арсенал в Кремле и Суконный двор. В церков-

Интерьер петровского дворца Монплезира

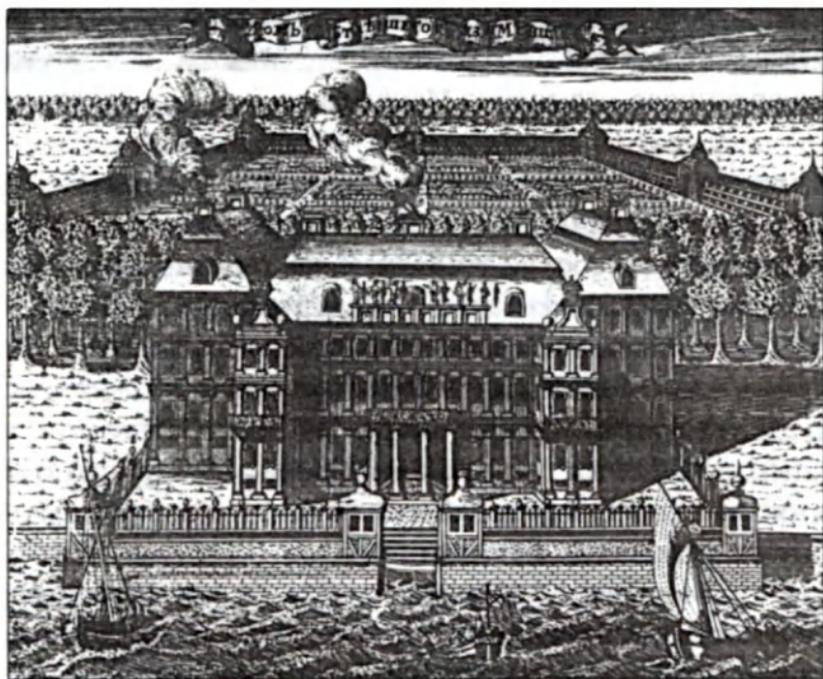
ной архитектуре сооружением нового типа стала Меншикова башня, построенная по проекту русского архитектора И.П. Зарудного в Москве. На башне, увенчанной шпилем, были закреплены привезенные из Англии часы: 50 колоколов разной величины отбивали время через каждые 15 минут. (К сожалению, колокола погибли во время пожара, вспыхнувшего от удара молнии летом 1723 г.) В строительстве Меншиковой башни принимали участие итальянские мастера, в частности, ими выполнено внутреннее убранство башни, богато украшенное лепниной.

Самым значимым событием в области зодчества и градостроительства петровского времени явилось основание Петербурга. Если застройка прочих российских городов проходила стихийно, то Петербург возводился по четко разра-

ботанному плану. Фасады всех зданий выходили на улицу, в чем виделось стремление преодолеть замкнутость прежнего образа жизни. Размеры зданий утверждались специальными указами и зависели от состоятельности владельца. Богатым помещикам и купцам вменялось в обязанность строить двухэтажные каменные здания с высокими комнатами, большими окнами и украшениями на фасаде. Летний дворец Петра I также возводился в соответствии с этими требованиями, поэтому он мало чем отличался от особняков родовитых петербуржцев.

Над проектами монументальных зданий северной столицы работали архитекторы Доменико Трезини, Иван Устинов, Михаил Земцов. Петропавловский собор, построенный по проекту Трезини, стал выдающимся сооружением для того времени. Его колокольня превышала высоту колокольни Ивана Великого в Московском Кремле: по замыслам Петра, это должно было служить символом превосходства новой столицы над старой. К памятникам архитектуры петровского времени относятся здания Двенадцати коллегий, Кунсткамеры и т.д.

Много усилий предпринималось для благоустройства города. По царскому указу 1714 г. каждое судно, прибывавшее

Дворец Меншикова в Петербурге (гравюра, XVIII в.)

в Петербург, должно было доставлять не менее десяти камней для мощения улиц, каждая подвода — три камня. Главные улицы города в темное время суток освещались фонарями, заправлявшимися конопляным маслом. На строительство и благоустройство своего «парадиза» (рая), как называл Петр новую столицу, были мобилизованы огромные ресурсы всего российского государства. Тем же указом 1714 г. царь запретил использовать кирпич в качестве строительного материала повсюду, за исключением Петербурга. Строительство велось не только в самом городе — придворная знать строила пышные дворцово-парковые ансамбли в его окрестностях.

Быт Петровской эпохи

Новшества в быту Петр I начал вводить едва ли не в первую очередь. Царю хотелось, чтобы его подданные внешне были похожи на европейцев. Когда Петра, возвратившегося в Москву из заграничного путешествия, 26 августа 1698 г. прибыли приветствовать бояре, он взял ножницы и сам начал обрезать им бороды. Первым лишился бороды генералиссимус А.С. Шеин, затем Ф.Ю. Ромодановский. Позднее, в 1705 г., был издан указ, вводивший ежегодный налог: борода дворянина и приказного оценивалась в 60 рублей в год, купца — в 100 рублей, прочего посадского люда — в 30 рублей. Крестьяне (традиционно бородатое сословие) должны были платить при въезде в город по 1 копейке.

Уплатившим налог или сбор выдавался особый «бородовой знак». Безвозмездно носить бороду разрешалось лишь представителям духовенства.

Видоизменилось и одежда. 4 января 1700 г. появился указ, запрещающий носить длиннополое платье. Вместо него дворянам и горожанам предписывалось обзавестись венгерскими и немец-

Бородовой знак

кими кафтанами. С горожан, не успевших сменить гардероб, брали пошлину (либо им укорачивали платье прямо на улице).

Новые веяния затронули и семейный уклад. Указом 1702 г. вводился новый порядок бракосочетания: смотрины были заменены обручением, которому предшествовала личная встреча жениха и невесты. Указом от 5 января 1724 г. царь запретил заключение браков по принуждению, в том числе и со стороны господ. При вступлении в брак в Петровскую эпоху руководствовались традиционной принадлежностью жениха и невесты к одной социальной среде. Встречались, хотя и редко, отступления от этого обычая.

Новшества коснулись воспитания детей. Дворянин должен был отличаться от окружающих не только внешностью, но и хорошими манерами, респектабельностью, образованностью. В связи с этим печатались наставления, касавшиеся воспитания детей и правил их поведения. Первое из подобных изданий появилось в 1717 г. Называлось оно «Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению».

Это сочинение было составлено на основе текстов, заимствованных у западноевропейских авторов, и традиционно настраивало детей на послушание Богу, царю и родителям. Вместе с тем «Зерцало» допускало, что сын мог возражать родителю, но при этом ему полагалось говорить «благочинно, учтиво, вежливо». В наставлении внушалась мысль о трудо-

любии: выполнение служебных обязанностей, обучение грамоте, танцам, верховой езде — все это связывалось с представлением о гражданском долге и достоинстве дворянина.

«Юности честное зерцало» рассказывало о правилах поведения не только в семье, но и в обществе. При этом уделялось внимание даже мелочам — походке и осанке молодого человека, умению правильно вести себя за столом.

Заключительные страницы «Зерцала» посвящены правилам поведе-

Костюм девушки (XVIII в.)

ния девиц. Если молодой человек должен был обладать тремя добродетелями («смирнен, приветлив и учтив»), то девице их надлежало иметь не менее двух десятков, в том числе страх перед Богом, смирение, трудолюбие, милосердие, стыдливость, бережливость, целомудрие, верность, молчаливость, чистоплотность и т.д. Ценилось умение краснеть, что считалось показателем нравственной чистоты и целомудрия.

Другим руководством для воспитания детей служило сочинение Ф. Прокоповича «Первое учение отрока». Автор исходил из мысли, что нравственные основы человека закладываются в отроческом возрасте: «Каков кто отрок есть, таков и муж будет» [4]. Он призывал родителей наставлять детей «от младых ногтей в страхе Божиим, благочестии и добронравии» [4]. Главным родительским долгом Прокопович считал заботу об образовании детей.

Изменилось представление о дворянском досуге. Царским Уазом была введена новая форма публичного общения — ассамблея, то есть светское собрание. В отличие от обычаев предшествующего столетия, когда мужчин принимали отдельно от женщин, в ассамблеях женщины участвовали наравне с мужчинами. Таким образом, женщине, которая издавна была на Руси затворницей терема, предоставлялась возможность появляться в публичном месте. При этом отме-

Столовый прибор, использовавшийся на ассамблеях (XVIII в.)

нялись прежние обычаи: поцелуйный обряд и раздельное застолье мужского и женского общества. Впрочем, даже у прогрессивного Меншикова жена и дети садились за общий стол все еще очень редко.

Наряду со знатью на ассамблеях могли присутствовать рядовые дворяне, богатые купцы и даже корабельные мастера. На ассамблеях предполагалось создавать атмосферу веселья и непринужденности: деловые разговоры могли чередоваться с танцами и играми. «Хозяин, — отмечалось в указе, — не повинен гостей ни встречать, ни провожать, ни подчивать» [13]. Обязанности хозяина заключались в том, чтобы обеспечить гостей напитками для утоления жажды, табаком и курительными трубками, столами для игры в шахматы, а также просторной комнатой для танцев. Однако, по свидетельству современников, на первых порах гости, приглашенные веселиться по указу, скучали и чувствовали себя скованно: дамы сидели и молча смотрели друг на друга, не клеился разговор и у мужчин.

При Петре I изменился характер публичных празднеств. В прежние времена военные победы традиционно отмечались колокольным звоном, крестным ходом, молебнами. В Петровскую эпоху такие торжества дополнились светскими мероприятиями и развлечениями: парадным шествием победителей через триумфальные ворота, пушечной пальбой, фейерверками. Публичные торжества устраивались по случаю спуска на воду кораблей, а также знаменательных событий в жизни царской семьи.

Костюм знатного мужчины (XVIII в.)

Особенно пышно отмечалось заключение Ништадтского мира. В Петербурге был устроен маскарад, в котором участвовало свыше 1000 масок. Зимой празднества продолжились в Москве, по ее заснеженным улицам двигались поставленные на сани макеты кораблей, на палубах которых размещались участники маскарада.

В результате петровских преобразований быт высшего общества, чиновников и горожан коренным образом изменился. Однако в сельской местности дело обстояло иначе: здесь новшества либо не появлялись вовсе (о них не было известно), либо приживались с большим трудом.

Крестьяне и крестьянки продолжали носить ту же холщовую одежду летом и зипуны из сермяжного сукна зимой, для изготовления обуви использовали сыромятную кожу и грубо выделанную овчину; мужчины не расставались с бородой. Неизменным оставалось и питание крестьянской и посадской семьи. Если за обеденным столом столичного дворянина все чаще появлялись заморские продукты, то для крестьян и большей части горожан главной пищей оставались хлеб, похлебка из муки, квас, овсяная и ячменная каши, а также овощи: свежая и квашеная капуста, свежие и соленые огурцы, репа и т.п. Мясо (главным образом баранина и свинина) занимало в питании простых людей весьма скромное место.

С новшествами, введенными в быт русских людей Петром I, историк второй половины XVIII в. князь М.М. Щербатов свя-

Одежда простолюдинов в XVIII в. (лубок)

звал «повреждение нравов» в России. XVII столетие в этом отношении представлялось ему идеальным: барин и его крестьянин ели практически одну и ту же пищу, одевались в одежду, сшитую из одинакового материала, пользовались почти одинаковыми колымагами и т.д. При Петре баре стали ездить в роскошных каретах, привезенных из-за границы; простые столы и лавки сменились роскошной мебелью заморской работы; на пошив одежды вместо домотканого сукна шло привозное.

Заморские диковинки стоили больших денег, чтобы добыть их, помещик увеличивал размер крестьянских повинностей, что разрушало существовавшие прежде патриархальные отношения между бариним и его крепостным. Но наибольший вред, по мнению М.М. Щербатова, принесло введение ассамблей. С выходом женщин из терема на ассамблеи Щербатов связывал разврат при дворе и разорительную тягу представительниц прекрасного пола к роскоши: дамы стали соревноваться в богатых нарядах и дорогих украшениях. Мужья, стремясь обеспечить их потребности, либо проматывали

состояния, либо начинали вымогать взятки и заниматься казнокрадством. Эти пороки, поразившие поначалу лишь царский двор, быстро распространились среди вельмож и столичного дворянства.

Доля истины в суждениях М.М. Щербатова невелика. Кареты, кресла и стулья иностранной работы появились в дворянском обиходе до Петра. Истоки взяточничества и казнокрадства кроются в системе «кормлений», сложившейся еще в XVI в. Развратничали и раньше, до ассамблей: царевна Софья, пренебрегавшая затворнической жизнью в тереме, имела, по крайней мере, двух фаворитов, а жена брата Петра I Ивана Алексеевича, как считали современники, родила трех дочерей вовсе не от болезненного супруга.

Несомненно, что при Петре I новшество появилось значительно больше,

Подставка под рукой, XVIII в.

и они стали доступны широкому кругу дворянства и городского населения. Благодаря реформам принадлежность к господствующему сословию можно было без труда определить по внешнему виду человека — его одежде, отсутствию усов и бороды, а также по манерам поведения.

Некоторые нововведения, несмотря на суровые и настойчивые меры царя, приживались медленно, встречали сопротивление. В 1708 г. по Москве распространялись письма, в которых неизвестный автор извещал царя: «Как ты придешь в Москву — и при тебе ходят в немецком платье, а без тебя все боярские жены ходят в русском платье и по церквам ездят в телогрейках...» [1].

Еще сложнее обстояло дело с нововведениями, касавшимися семейных традиций и устоев: браки без давления со стороны родителей долгое время оставались в России редкостью.

Забота о здоровье и достоинстве народа

В годы правления Петра I в Москве было открыто 8 аптек и, наоборот, закрывались «зеленые лавки», торговавшие различными (якобы лечебными) травами, «от коих люди умирали скорою смертию» [4]. Петр запретил продажу вина в ненадлежащих местах (в тех же аптеках), а также ношение холодного оружия, часто использовавшегося в драках.

Царское внимание привлекала гигиена подданных, вследствие чего было постановлено 1 раз в неделю топить бани. Жителям городов, особенно столичных, предписывалось содержать улицы в хорошем санитарном состоянии, о чем был издан специальный указ. Причем указ не ограничивался общим требованием о соблюдении чистоты улиц, в нем устанавливалось и время их уборки — рано утром или поздно вечером.

Петра раздражало наличие в столице нищих. По указу царя на них регулярно устраивали облавы. Молодых попрошайек наказывали батогами, после чего направляли на казенные работы, а стариков и больных отправляли по месту жительства (если оно у них имелось) либо определяли в госпитали и богадельни. Для искоренения нищенства запрещалось подавать милостыню, ослушавшиеся этого запрета подвергались штрафу.

Многие нововведения царя способствовали смягчению нравов. Один из указов Петра I устанавливал смертную казнь за умерщвление младенцев, родившихся с физическими недостатками. Историк С.М. Соловьев видел положительную сторону в устройстве ассамблей: по его мнению, в присутствии женщин мужчины склонны контролировать неблагоприятные свойства своей натуры, тогда как в противном случае (когда женщина заперта в тереме и публичная жизнь ей недоступна) у мужчин нет сдерживающих причин.

В начале XVIII в. Петр отменил для своих подданных обычай подписываться уменьшительными именами и падать перед царем на колени: «К чему уничижать звание, безобразить достоинство человеческое? Менее низости, больше усердия к службе и верности ко мне и государству» [16]. Таким образом в сознание подданных внедрялась мысль о том, что одной из главных ценностей для человека является его личное достоинство.

Петр I занимался решением и «мелких» вопросов, если считал, что это идет на пользу делу. Сегодня многие указы царя могут показаться забавными, однако на самом деле они свидетельствуют о том, насколько неустроен был быт русского человека той поры. Своими наставлениями Петр приучал поданных к рациональному, европейскому мышлению, а значит, к экономии труда и времени.

Сам Петр так писал по этому поводу: «Наш народ яко дети, неучения ради, которые никогда за азбуку не примутся, когда от мастера не приневолены бывают» [4]. Царь давал своим «детям» разнообразные советы — например, по поводу того, как строить печи. По петровскому указу каждая печь должна была иметь каменный фундамент, который полагалось выкладывать на земле, а не на досках. Печную трубу нужно было делать достаточно широкой (для удобства работы трубочиста). Фактически царем был задан некий стандарт печной кладки, который обеспечивал противопожарную безопасность в стране, где большинство домов были деревянными.

В тех же противопожарных целях Петр предписывал селянам при строительстве домов размещать здания попарно, причем так, чтобы минимальное расстояние между такими парами составляло 30 саженей. В жилых помещениях и в сенах потолки требовалось обмазывать глиной.

Кастрюля-треножник Петровской эпохи

Один из петровских указов предписывал организовать в России поиск «железистых» вод, то есть целебных источников. Сам Петр убедился в целительной силе воды из подземных источников во время пребывания за границей. Спустя многие годы в местах выхода минеральных вод на территории России появились лечебницы и санатории. Царь увидел плоды своих трудов, когда у Петровских Заводов (нынешний Петрозаводск) удалось обнаружить полезный источник и в 1718–1719 гг. здесь был открыт курорт на водах.

Царь обращал внимание и на крестьянский труд. Особым указом он обязал крестьян учиться пользоваться косами и специально селил в России жителей Прибалтики, которые давно не использовали на жатве серпы.

Указ был написан и обнародован в 1715 г., когда еще шла Северная война. Флот нуждался в больших количествах канатов и парусины, а для этого требовалось значительно увеличить площади посевов конопли и льна. Рассчитывая, что с помощью кос русские крестьяне будут работать быстрее, царь приказал в полтора раза увеличить посевные площади под коноплю и лен (хотя в целом указ касался жатвы любых всходов, включая и зерновые).

Винный ковш с гербовым орлом времен Петра I

С присущей ему дотошностью Петр I знакомился с тем, как изготавливалась обувь для его подданных. Обычно для этой цели использовалась юфта, обрабатывавшаяся дегтем. Этот материал царь счел неподходящим, поскольку в дождливую погоду такая юфта пропускала воду и расползалась. Было предписано заменить деготь ворванным (китовым) салом, причем на внедрение новой технологии давалось всего два года.

Даже о том, как следовало провожать умерших подданных в последний путь, государь тоже подумал. Он потребовал хоронить умерших за пределами города, делая исключение только для прославившихся чем-либо лиц. Более того, на гроб усопшему должны были использоваться доски из древесины малоценных пород — строго воспрещалось применять для этой цели дуб и сосну (ценная древесина шла на строительство кораблей).

Радение царя о народном благе имело и отрицательные стороны: оно фактически служило укреплению неограниченной власти монарха. Законодательство Петровской эпохи основывалось на идее «всеобщего блага», которая сводилась к тому, что в обязанности монарха вменялась беспрестанная забота о благополучии его подданных. Однако такого рода забота в понимании Петра означала не только отеческую опеку, но и (в большей степени) неусыпный контроль над подданными.

Природная демократичность Петра I, его способность общаться на равных с любым человеком, проявилась в том, что Петр объявил свои законы обязательными к исполнению для всех сословий. Государственная машина, по мысли Петра, была призвана одинаково защищать всех граждан. Однако и справедливая идея равенства была в конечном итоге поставлена царем на службу самодержавию.

Любой русский человек, будь то дворянин или крестьянин, выступал в роли пассивного проводника царской воли. Монарх, управлявший исполинской государственной машиной, решал за своих подданных, что для них является благом, и обещал обеспечить это благо при условии строжайшего соблюдения подданными законов, начертанных рукой правителя.

ПЕТР ВЕЛИКИЙ ПЕРЕД СУДОМ ИСТОРИИ

В истории России Петровская эпоха стала рубежом, после которого общественная мысль разделилась на два противоположных направления. Во взгляде на петровские преобразования представители обоих сошлись только в одном: реформы были необходимы. Споры шли о характере преобразований, об их принципиальном (благоприятном или губительном) влиянии на последующее развитие страны. Наибольшее разногласие вызывал вопрос о соответствии реформ российским традициям и российскому менталитету.

Екатерининский миф

Первое время после кончины Петра I никто в России не пытался подытожить деятельность русского царя и дать ей оценку. Отчасти это связано с тем, что многие из окружения усопшего императора питали к нему недобрые чувства. Но и близкие друзья были в большинстве своем взяточниками, казнокрадами, мошенниками. Один из современников Петра записал в своем дневнике, что государя напрасно считают жестоким — на самом деле он был невероятно милостив, если учесть, сколько зла, ненависти и обмана его окружало: «Если б когда-нибудь случилось философу разбирать архиву тайных дел его (Петра), вострепетал бы от ужаса, что соделы-

Нагрудный знак с изображением Петра Великого

валось против сего монарха. Мы, бывшие сего великого государя слуги, вздыхаем и проливаем слезы, слыша иногда упреки жестокосердия его, которого в нем не было. Когда бы многие знали, что претерпевал, что сносил и какими он уязвляем был горестями, то ужаснулись бы, колико снисходил он слабостям человеческим и прощал преступления, не заслуживающие милосердия» [1].

Народ же считал, что смерти Петра Великого все его министры радовались. В то время в России появилась лубочная картинка «Мыши кота хоронят». Ее сюжет наглядно показывает, как народ воспринимал отношения между царем и его чиновниками. Фигурки мышей на картинке кривляются, чтобы изобразить горе, но в большей степени — чтобы скрыть радость. Надписи на картинках характеризуют отдельных мышей-чиновников: одна из мышей, например, «плачет, а сама вприсядку скачет» [18].

В народном сознании образ Петра I как царя, близкого простым людям, все более возвышался после его смерти, несмотря на то что при жизни царь был жестоким крепостником. Негативные качества быстро стирались из народной памяти. Но народ не мог подытожить и оценить петровские преобразования. Потребовалось некоторое время, чтобы среди высокопоставленных особ нашелся человек, способный охарактеризовать важнейшие достижения Петровской эпохи.

Эту задачу взяла на себя «просвещенная императрица» Екатерина II. Конечно, она не была объективна в своих суждениях. Мудрая женщина и тонкий политик, она понимала, что на Западе русскую историю почти не знают, а то немного, что знают, — извращают, искажают, представляют в невыгодном для России свете. Сложившиеся за границей мнения о нашем государстве как о «медвежьем углу», окраине Сибири не способствовали повышению авторитета Российской империи на мировой арене.

Екатерина Великая фактически переписала русскую историю — так, как ей было нужно. Эпохе Петра императрица придавала огромное значение, поскольку в известной степени она сама продолжала начатое им дело, хотя и действовала иными средствами. По выражению одного из историков, Петр создал тело, а Екатерина II создала для этого тела душу.

Императрица Екатерина II Алексеевна (иллюстрация к книге «Российский царственный дом Романовых», 1852—1853 гг.)

Современные историки считают, что именно в екатерининские времена наша страна по образу жизни и отчасти по мышлению действительно приблизилась к Европе. Сами иностранцы перестали называть русских «сибирскими татарами», как это часто случалось в XVII и начале XVIII в. Европа согласилась с «просвещенной императрицей» провести границу между Европой и Азией (в понимании того времени — между цивилизацией и варварством) по Уральским горам.

Екатерина деликатно отказывалась от этой заслуги, относила ее на счет своего великого предшественника. Именно она внушала своим подданным идею о том, что Петр I «прорубил окно в Европу», то есть открыл страну для западного влияния. Распространение на Россию этого влияния рассматривалось как самое важное, чего удалось достичь

Петру I (что неудивительно, если вспомнить о немецком происхождении императрицы).

На самом деле Петр I никакого «окна» не прорубал. Взаимодействие с иностранцами не прекращалось в России никогда. Еще в период правления Ивана III на Руси было немало иностранных лекарей, «денежников» и архитекторов. При Иване Грозном и Борисе Годунове иностранцы получали чины при дворе. Западные специалисты стали особенно цениться после утверждения династии Романовых: иностранцев тогда приглашали на различные доходные должности, хотя все ключевые посты оставались за русскими (впрочем, так же обстояли дела и при Петре: продвижение иноземцев на высшие государственные посты началось лишь в постпетровскую эпоху).

Внешние контакты Московского государства оживились после участия России в Ливонской войне при Иване Грозном. Еще более интенсивными они стали после воцарения Бориса Годунова, а затем при Алексее Михайловиче и Федоре Алексеевиче. Русь постепенно европеизировалась, хотя вначале эти изменения носили поверхностный характер.

В сравнении с мягкими преобразованиями «тишайшего» Алексея Михайловича Петровские реформы были более резкими, радикальными. Но в большинстве своем и эта перестройка затронула лишь некоторые сферы жизни, не сделав Россию действительно открытой для влияний Запада. Л.Н. Гумилев заметил по этому поводу: «Стремление Петра в России конца XVII — начала XVIII в. подражать голландцам напоминает поступок пятилетней девочки, надевающей мамину шляпку и красящей губы, чтобы быть похожей на свою любимую маму. Но как шляпка и помада не делают ребенка взрослой женщиной, так и заимствование европейских нравов не могло сменить фазы русского этногенеза» [2].

Екатерина II понимала, что создает далекую от реальности сказку. Но в ее силах было создать миф, а мифы более долговечны, чем преходящая слава властителей. Миф должен был восславить петровские дела, а заодно увековечить имя и его создательницы, которая довела эти преобразования (в рам-

ках своей эпохи) до логического конца. И Екатерине это во многом удалось. Созданный ею миф просуществовал до начала XXI в.

Взгляд Н.М. Карамзина

Николай Михайлович Карамзин (1766—1826) дал первую научную оценку реформам Петра I. Не отрицая его заслуг в российской истории, он отводил ему одно из главных мест среди российских государственных деятелей. Само появление в России государственной фигуры такого масштаба он объяснял исторической необходимостью.

Однако, по мнению Карамзина, насаждая западные обычаи, Петр не учитывал особенностей русского характера и ломал старый быт слишком резко, нарушая вековые устои и кощунствуя над традициями. С другой стороны, реформы Петра, коснувшиеся главным образом знати, воздвигли ощутимый барьер между дворянами и крестьянством. Карамзин осуждал методы, которыми действовал (или был вынужден действовать) Петр, в том числе его самовластие и скорые расправы над подданными.

Автор «Истории государства Российского» полагал, что можно было бы обойтись и без насилия. Идеалом реформатора для него был другой русский правитель — Иван III. Сделав свое княжество сильным государством, Иван III приобщал Русь к традициям западной Европы исподволь, не прибегая к радикальным мерам.

Упрекая Петра I в том, что он возвел свою столицу (Петербург) «на слезах и трупах», Ка-

Горожанин в европейском
платье XVIII в.

рамзин тем не менее считал, что без Петровских реформ России потребовалось бы по меньшей мере еще 600 лет, чтобы одолеть путь, который с Петром она прошла за четверть века.

Гипотеза С.М. Соловьева

Сергей Михайлович Соловьев (1820—1879), в некоторой степени идеализируя личность Петра Великого, сохранял объективность при рассмотрении Петровских реформ, хотя в поле его зрения оказались главным образом лишь позитивные изменения в жизни общества и государства.

Начало, ход и завершение преобразований в Петровскую эпоху Соловьев расценивал как закономерные этапы развития русского государства. С древних времен существование Руси изначально зависело от великого речного пути «из варяг в греки», связывавшего Балтийское и Черное моря. По мнению Соловьева, в XIII в. Русь лишилась этой жизненной основы: шведы оттеснили русских от Балтики, а на юге степняки отрезали их от Черного моря. В связи с этим государственный организм начал слабеть, что и привело к длительному утверждению на Руси монголо-татарского ига, а впоследствии и к поражению в Ливонской войне (1558—1583). Зависимость Руси от этих морей он считал исключительно важной. Хотя глубинные причины этой зависимости Соловьев объяснял не совсем отчетливо, тем не менее он приводил многочисленные доказательства в пользу ее существования.

Соловьев сравнивал петровские преобразования с деятельностью князя Святослава. Живший в X в. князь собирался перенести столицу Древней Руси на болгарские земли, славившиеся своим богатством благодаря близкому соседству с Византией. Греки опасались тесного соседства с государством воинственного князя, поэтому пытались нейтрализовать начинания Святослава — задобрить его подарками, подписать с ним договор и т.п.

На сходство политики князя Святослава и Петра I указывают их действия и намерения: стремление закрепиться у моря, перенести столицу государства ближе к границам русского мира, завоевать уважительное отношение иностранных соседей.

Император Петр Великий (с гравюры XVIII в.)

Но в X в. положение Руси на двух морях и без того было весьма устойчивым. В конце XVII в. сложилась прямо противоположная ситуация: Россия уже несколько столетий была лишена связи с важными для торговли морями. На протяжении XVI—XVII вв. предпринимались попытки сделать источником национального богатства другие моря.

Русь устремлялась все дальше и дальше на Восток — к Тихому океану. Однако стоившее тяжелых трудов и немалых жертв покорение Северного Ледовитого океана и восточных морей (Охотского и пр.) не принесло желаемых результатов: до основания на Аляске Российско-Американской компании, приносившей миллионные доходы, было еще далеко. Россия вновь вернулась на Запад, к своему историческому и геополитическому центру, к Балтийскому и Черному морям. Этот возврат начался, по сути дела, с военных по-

План Санкт-Петербурга, составленный в годы царствования Петра I

ходов В.В.Голицына. Петр I осуществил то, что Голицын лишь запланировал.

Соловьев отмечал, что, задумывая военную реформу, Голицын намеревался изменить только сухопутные войска. Петр Великий же пошел дальше: чтобы отвоевать для России два моря, он создал флот. Появление русских судов у стен Азова означало, по мнению Соловьева, то же самое, что и появление другого древнерусского князя — Вещего Олега у стен Константинополя. В начале X в. киевский князь одним фактом присутствия своего флота под боком у противника показал, что Черное море принадлежит русским. В конце XVII в. произошла аналогичная демонстрация силы: царь заявил о правах России на море.

Западники и славянофилы

Отношение к Петровским реформам играло значительную роль в формировании мировоззрения российского об-

щества XIX в. В среде передовой молодежи сформировались два противоположных идеологических лагеря — западники и славянофилы.

Западники уважительно (порой восторженно) относились к нововведениям Петра. На формирование их взглядов влияли идеи немецкого философа Гегеля. Исследуя закономерности исторического процесса, Гегель сделал вывод, что существуют народы исторические и неисторические. Историческим народам суждено творить историю, тогда как участь остальных, неисторических, состоит в том, чтобы покоряться или искать духовных поводырей.

Исторический путь развития человечества оказывался, таким образом, фактически завершенным, поскольку судьбы отдельных народов predeterminedены. По мысли Гегеля, к историческим народам относится прежде всего германская нация. Германия представлялась ему идеалом, к которому должны стремиться другие народы. Некоторые (западноевропейские) народы были близки к этому идеалу. Другие же (в том числе славянские) находились в состоянии культурного и хозяйственного застоя, поскольку оказались не способны рационально устроить свое общество и государство подобно тому, как это сделали немцы.

Западники пытались применить положения философии Гегеля к явлениям русской жизни и русской истории. С их точки зрения, допетровская Россия представляла собой типичное неисторическое государство, лишенное связей с Западом (с Германией), и потому обреченное на упадок. По мнению западников, в допетровской Руси не было «разумной» жизни, отсутствовала возможность социального прогресса.

П.Я. Чаадаев, пользовавшийся авторитетом среди образованной российской молодежи, полагал, что у нас нет ни истории, ни культуры. В своих «Философических письмах» он высказал крайне критическое отношение к русскому православию. Гегельянцем был литературный критик и публицист В.Г. Белинский. Он считал, что своими реформами Петр I приобщил «азиатскую страну» к благам гуманной западной цивилизации.

«Древняя русская жизнь, — утверждал сторонник западничества К.Д. Кавелин, — исчерпала себя вполне. Она развила все начала, которые в ней скрывались, все типы, в которых непосредственно воплощались эти начала. Она сделала все,

К. Горбунов.
В.Г. Белинский

что могла, и, окончив свое призвание, прекратилась» [4]. По представлениям западников, Петр I стал тем поводырем, который вывел Россию на новый путь. Осуществленные Петром преобразования рассматривались ими как имеющие исключительно положительные последствия в дальнейшем развитии страны.

Представители противоположного лагеря — славянофилы — придерживались иных взглядов. Идею об историчности германской нации и о неисторичности славян они отвергали как заведомо лож-

ную, надуманную и унижительную для русского человека. Вместе с тем бескомпромиссно исключалась и сама мысль о пользе заимствований с Запада. Подобные взгляды разделяли И.С. и К.С. Аксаковы, И.В. и П.В. Киреевские, А.С. Хомяков и др.

Славянофилы обвиняли Петра I в том, что насильственными реформами он разрушил те начала, из которых исторически развивалась самобытная русская нация. В первую очередь к ним относились православие (в противовес католичествому и протестантизму на Западе) и греческая культура (в противовес римской, на которой основывался Запад). Эти источники питали молодую культуру древних русичей, их духовную жизнь. Значительные различия не позволяют даже сравнивать немцев и русских, и уж тем более говорить о превосходстве германских народов над славянскими.

Кроме того, славянофилы подчеркивали своеобразие условий, в которых формировались государственные устои на Руси. Если на Западе государственный быт возник у германских племен в результате завоеваний, то у славян он сформировался в процессе мирной жизни. В этом славянофилы видели определенную гарантию стабильного, устойчивого развития русской нации. Иными словами, Россия должна была прогрессировать ничуть не медленнее остальной Европы, в чем-то даже опережать ее, но при этом двигаться своим путем.

По мнению славянофилов, Петр I пытался навязать России чуждые для нее ценности — обычаи и устои западной цивилизации. Перестроить российское общество на германский лад не получилось, однако равномерное развитие было прервано. Поэтому реформы Петра I определялись славянофилами как однозначно вредные для России.

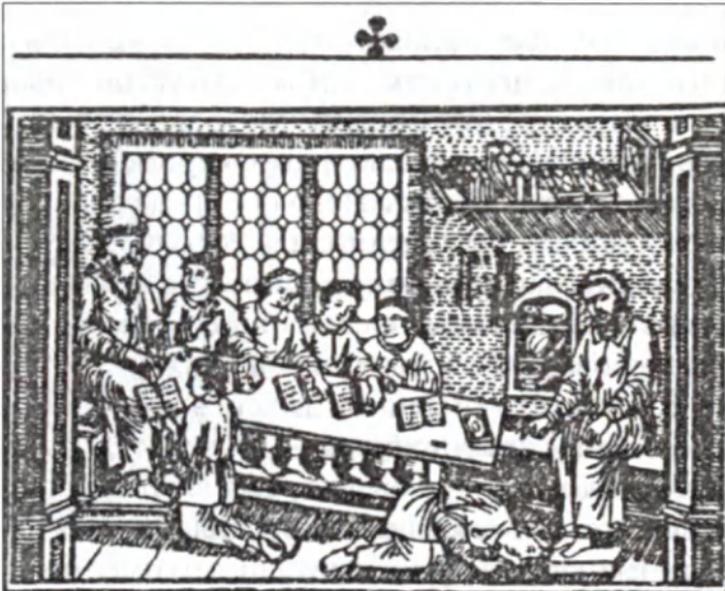
В пылу споров и западники, и славянофилы впадали в крайности, искажая факты в угоду своим концепциям. Истолковывая историю Московского государства в период от Ивана Грозного до Петра Великого, западники давали этому времени отрицательную оценку, славянофилы — положительную. В представлении западников это было время застоя, когда Россия, изолированная от окружающего мира, жила лишь своей «старинной». Напротив, славянофилы считали, что именно тогда расцвела самобытность Руси, государство развивало свое хозяйство и свою культуру исключительно за счет внутренних сил.

В реальности изоляции страны от окружающего мира в этот период, конечно, не было, Россия интенсивно взаимодействовала с Западом. Многие промышленные изделия не изготавливались тогда в Московии, а завозились иноземными купцами. В первую очередь это относилось к бумаге: собственная бумага появилась у русских именно благодаря деятельности Петра I. В детстве царевич развлекался, наряжаясь в военную форму европейского образца. Личность царя сформировалась в том числе и благодаря тем изменениям, которые уже произошли в российском обществе ко времени рождения Петра Алексеевича.

Оценивая деятельность Петра I, каждая из сторон видела в его реформах лишь то, что хотела увидеть: у тех и у других был «свой» Петр, творящий либо зло, либо благо. Тем не менее дискуссии между западниками и славянофилами сыграли в развитии российского общественного сознания положительную роль: в среде интеллигенции окончательно сложились мнения о значении петровских преобразований.

Позиция В.О. Ключевского

Василий Осипович Ключевский (1841—1911) был учеником С.М. Соловьева, разделял многие его взгляды, но не пере-

ДВАДЦАТИ БГА	ЧЕЛОВѢКЪ ВСАКЪ
ДОЛГЪ ОУЧИТИСЯ	ПИСМЕ СЛОВЕСЪ ЗНАКЪ.
ОУЧЕНИЕМЪ БО	БЛАГУ РАЗУМѢЕТЪ
В ЦРЬВНО. НЕНО	СЪ СТЫМН. ДИПѢЕТЪ.
ТѢМЖЕ ЮНИИ	ВЪ ТРДАѢ СЕ БЫВАНТЕ.
ВРЕМѢ И ЧАСОВЪ	ВЪ ГОЛѢѢ НЕ ТЕРЯЙТЕ.

Страница из школьного учебника петровских времен

нял убежденности своего учителя в исключительной роли государства и государственных институтов. По мнению Ключевского, история движется вследствие взаимодействия трех факторов — природных условий, общественных отношений и воли отдельных личностей. При этом природным условиям (которым, кстати, уделял внимание и Соловьев) принадлежит главная роль.

Взаимодействие между обществом и природой Ключевский рассматривал с иной точки зрения, чем Соловьев. Соловьев рассматривал государство как некое живое «существо», обитающее внутри некоторой территории. Ключевский же полагал, что существуют этносы (народы), которые в своем культурном, хозяйственном и политическом развитии подчи-

няют себе все новые и новые территории, сталкиваясь при этом с другими этносами. Иногда такое взаимодействие полезно, иногда вредно. История России в понимании Ключевского — это «история страны, которая колонизируется» [16]. Многовековой процесс развития русского этноса он рассматривал как освоение огромных пространств Евразии. Экономический и культурный расцвет в таких условиях возможен лишь в том случае, если нет препятствий, мешающих народу плодотворно трудиться на занятой им территории.

В числе факторов, препятствующих развитию народов, Ключевский называл самодержавие, то есть ничем не ограниченную власть монарха. В связи с этим Петр I подвергается самой суровой критике как царь, окончательно утвердивший самовластие на русской земле.

Первоначально Ключевский (возможно, под влиянием Соловьева) оценивал заслуги Петра в целом позитивно. В научных работах Ключевского, написанных до начала XX в., можно встретить неоднократные упоминания о том, что Петр был народным вождем и тонко чувствовал потребности государства. Ключевский и позже не отрицал, что Петр Великий жил мыслью о всеобщем благе, однако в конечном счете историк пришел к выводу, что реальные заслуги царя не столь уж значительны.

Северная война и предпринятые в связи с ней реформы стали тяжким бременем для народа. Все силы страны пришлось мобилизовать на победу над шведами. Множество людей было оторвано от мирного труда и брошено на поля сражений. Страна сделала колоссальный рывок вперед, но воспользоваться его плодами не удалось: ослабшее государство с разворванной экономикой погрузилось в хаос. Именно слабость народного хозяйства, а не отсутствие прямого наследника послужила, по мнению Ключевского, причиной дворцовых переворотов, последовавших после смерти Петра I.

Историк обвинял царя в самодурстве и деспотичности. Среди множества «дел Петровых» положительную оценку Ключевского заслужило лишь одно: осторожность при заимствовании всего чужеземного. Почти все противники Петра обвиняли его в «слепом» копировании западных причуд. Ключевский же признавал, что бездумного подражания Европе в Петровскую эпоху не было.

Версальский дворец в Париже (с гравюры XVIII в.)

Из всех введенных Петром новшеств бесполезным можно было бы признать лишь брадобритие, но и это не совсем верно. «Бородатость» служила своеобразным психологическим барьером между Россией и Западом: она мешала русским понять иностранцев, и наоборот. Принявшись брить боярам бороды, Петр устранил эту преграду с присущей ему решимостью и бескомпромиссностью. Он «знал, что хорошо в Европе, и не обольщался ею, и то хорошее, что удавалось перенять оттуда, считал не ее благосклонным даром, а милостью провидения» [16]. Характеризуя отношение Петра I к Западу, историк приводит следующий пример. На одной из царских ассамблей некий молодой человек принялся красочно распи­сывать обычаи и манеры высшего света во Франции. Петр, сам бывавший в Париже, скептически заметил: «Хорошо перени­мать у французов науки и художества, и я бы хотел видеть это у себя; а в прочем, Париж воняет» [16]. Ключевский отказывался считать Петра «беззаветным западником» и в выборочности его заимствований усматривал большую пользу для народа.

С.Ф. Платонов о «петровской революции»

Сергей Федорович Платонов (1860—1933) отвергал пози­цию, согласно которой Петр Великий расценивался как

«царь-революционер». Он считал, что это мнение сформировалось под влиянием бытовавшего отношения к царю как к человеку, пытающемуся расшатать некие основы, и подчеркивал, что оно уходит корнями во взгляды «близорукого» московского общества Петровской эпохи.

Москвичи-консерваторы не видели (и не желали видеть) выгод, которые приобретало государство стараниями Петра. Царь, в свою очередь, не терпел даже малейшего сопротивления своей воле. Не отступая назад и не отходя в сторону, Петр I планомерно добивался осуществления намеченных целей.

Окружающие усматривали в этой прямолинейности слепую и бездумную ненависть к старине, а также проявление характера Петра, поэтому ни о каких государственных интересах слышать не хотели. В результате в старой Москве родился миф о том, будто бы царь сумасбродит, навязывает русским ненужные чужеземные обряды. Мнение о гонениях Петра на русскую старину, во многом надуманное, составило ядро этого мифа. Отвержение «всего старого» означало для благопристойного москвитя той поры крушение основ — поругание веры, дедовских обычаев и т.д. «Видоизменения старого порядка они считали за полное его уничтожение» [5].

Платонов утверждает, что спустя десятилетия этот московский миф был трансформирован теми, кто позитивно оценивал деятельность Петра. Новые мифотворцы знак «минус» заменили на «плюс», но при этом оставили в неприкосновенности саму идею «революции», потрясения основ. Глав-

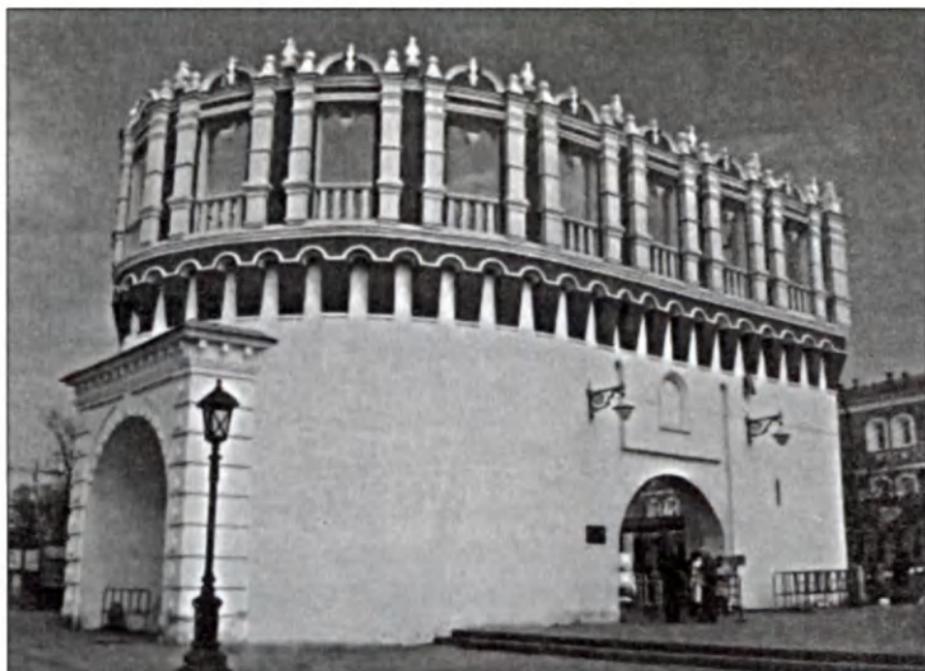

Э. Хоштейн. Вид Петровского дворца в Москве

ными достижениями Петра I представлялись победа в Северной войне и военная реформа. Однако именно на двух этих примерах Платонов показывает, что в реальности никакого потрясения русских устоев не было и не могло быть.

За выход к Балтике боролись многие государственные деятели, которых историки относят к хранителям «русской старины», первым из них можно считать Александра Невского. Весь XVII в. продолжалась борьба со шведами за выход к Балтийскому морю. Петр I выступил в данном случае как продолжатель традиции, имеющей очень древние корни. Он решал задачу, поставленную не впервые.

Петр I активно способствовал распространению мануфактур, и все же при нем Россия не стала индустриально развитой страной. В годы правления Петра было построено более 200 заводов, на которых, однако, работали зависимые (едва ли не крепостные) люди. Говорить о том, что в России в то время произошел промышленный переворот, нет оснований. Петр стремился к тому, чтобы в России было больше собственных мануфактур, тогда как Алексей Михайлович способствовал развитию русской промышленности за счет проникновения в страну иностранных дельцов. Получается,

Кутафья башня Московского Кремля (современная фотография)

что Петр I, носивший западный камзол, оказался в этом смысле даже «более русским», чем его отец.

В области культуры Платонов также считал Петра продолжателем дела его предшественников. Царь Алексей Михайлович и недолго правивший Федор Алексеевич были «учениками киевских богословов и схоластиков» [5]. Петр также учился «латинству», хотя и у западноевропейцев. Существенным отличием Петра I от его предшественников является стремление сделать иноземную культуру всеобщим достоянием — не для того, чтобы русские люди ей поклонялись, но чтобы заимствовали из нее все полезное.

Заключение

Многие отечественные и зарубежные ученые отводят Петру I одно из главных мест в ряду государственных деятелей, оставивших наиболее заметный след в истории Европы. Более важную роль в этом смысле было суждено сыграть впоследствии разве что Наполеону. Р. Виттрам назвал российского императора «...самым значительным монархом раннего европейского Просвещения» [4].

Л.Н. Гумилев относил Петра I к пассионариям — людям, рождающимся редко и наделенным космической энергией, что позволяет им решительно и властно влиять на развитие народов и целых цивилизаций, определять ход событий.

При всей неоднозначности оценок петровских преобразований и личности самого Петра I в исторической перспективе результат его деятельности очевиден: благодаря его радикальным нововведениям, осуществленным в различных сферах общественной жизни, Россия в короткий срок стала второй по значению (после империи Габсбургов) империей в Европе того периода.

Историки полагают, что петровские реформы не только изменили международный статус Российского государства, быт и потребности его подданных, но и определили развитие страны по меньшей мере на полтора века вперед (следующим историческим рубежом стала отмена крепостного права в России в 1861 г.).

Черода дворцовых переворотов, следовавшая после смерти первого российского императора, объясняется не только несовершенством механизма наследования власти (в чем некоторые историки видят вину самого царя), но и отсутствием среди претендентов на трон человека, столь же масштабного, как Петр Великий, или хотя бы сопоставимого с ним по своим личным качествам.

Правящие особы и крупные сановники Петровской эпохи

Алексей Михайлович (1629—1676) — царь, правивший в России в 1645—1676 гг., отец Петра I.

Алексей Петрович (1690—1718) — царевич, сын Петра I, отец Петра II.

Брюс Яков Виллимович (1670—1735) — государственный и военный деятель, сподвижник Петра I.

Голицын Борис Алексеевич (1654—1714) — князь, дядька-воспитатель Петра I.

Голицын Василий Васильевич (1643—1714) — боярин-князь, фаворит регентши Софьи Алексеевны, двоюродный брат Б.А. Голицына.

Екатерина I Алексеевна (1684—1727), урожденная Марта Скавронская — жена Петра I, российская императрица-самодержица в 1725—1727 гг.

Иван V Алексеевич (1666—1696) — царь и соправитель Петра I в 1682—1696 гг., сын царя Алексея Михайловича и М.И. Милославской, сводный брат Петра I по отцу.

Лопухина Евдокия Федоровна (1670—1731) — первая жена Петра I, царица в 1689—1698 гг.; в монашестве инокиня Елена.

Макаров Алексей Васильевич (1674/1675—1750) — государственный деятель, тайный кабинет-секретарь Петра I.

Меншиков Александр Данилович (1673—1729) — светлейший князь, генералиссимус, сподвижник Петра I.

Милославская Мария Ильинична (1626—1669) — первая жена царя Алексея Михайловича, царица в 1648—1669 гг.

Нарышкина Наталья Кирилловна (1651—1694) — вторая жена царя Алексея Михайловича, царица в 1669—1676 гг.

Петр I Алексеевич (1672—1725) — сын Алексея Михайловича и Н.К. Нарышкиной, правивший в 1682—1725 гг., первый российский император.

Ромодановский Федор Юрьевич (ок. 1640—1717) — князь, государственный деятель, сподвижник Петра I и фактический правитель России во время заграничных поездок царя.

Софья Алексеевна (1657—1704), дочь царя Алексея Михайловича и М.И. Милославской, регентша при малолетних Петре I и Иване V в 1682—1689 гг.

София-Шарлотта Брауншвейг-Вольфенбюттельская (1694—1715) — жена царевича Алексея Петровича.

Толстой Петр Андреевич (1645—1729) — граф, государственный деятель и дипломат, сподвижник Петра I.

Федор Алексеевич (1661—1682) — царь в 1676—1682 гг., сын Алексея Михайловича и М.И. Милославской.

Шафиров Петр Павлович (1669—1739) — государственный деятель и дипломат, вице-канцлер, сподвижник Петра I.

Шереметев Борис Петрович (1652—1719) — граф, генерал-фельдмаршал, сподвижник Петра I.

Ягужинский Павел Иванович (1683—1736) — дипломат, генерал-прокурор Сената, сподвижник Петра I.

Список литературы

А. Цитируемая

- Соловьев СМ.* История России с древнейших времен. — М., 2006.
- Гумилев ЛН.* От Руси к России. — М., 1992.
- Труайя А.* Петр Великий. — М., 1998.
- Павленко НИ.* Петр Великий. — М., 1990.
- Платонов С.Ф.* Полный курс лекций по русской истории. — М., 2004.
- Юрганов АЛ, Кацва ЛА.* История России XVI—XVIII вв. — М., 1998.
- Соловьев СМ.* Чтения и рассказы по истории. — М., 1989.
- Богословский ММ.* Петр I. Материалы и биографии. Т. 1. — М., 1940.
- Сборник Русского исторического общества. Т. 20. — СПб., 1877.
- Ноомен ЯК.* Записки о пребывании Петра Великого в Нидерландах в 1697/98 и 1716/17 гг. — Киев., 1904.
- Пушкин АС.* Сочинения в 3 т. Т. 1. — М., 1985.
- Письма и бумаги имп. Петра Великого. Т. I. — СПб., 1887.
- Полное собрание законов Российской империи. Т. VI.
- Артикул воинский 1715 г.: — В кн.: Российское законодательство X—XX вв.: В 9 т. Т.4. — М., 1986.
- Витте СЮ.* О современном положении православия. / «Слово». 1905. № 3.
- Ключевский В.О.* Исторические портреты. — М., 1990.
- Посошков И.Т.* Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. — М., 1951.
- Вартаньян ЭА.* В честь и по поводу. — М., 1987.

Б. Используемая

- Буганов ВИ.* Булавин (ЖЗЛ). — М., 1988.
- Глинский ББ.* Царские дети и их наставники: Исторические очерки для юношества. — СПб.; М., 1912.
- Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. VI. — СПб., 1857.
- Заозерский АИ.* Царская вотчина XVII в., 2-е изд. — М., 1937.
- Зенкова Л.* Первенец уральской металлургии. — Урал. 2001. № 7.

В. Дополнительная

История СССР. С древнейших времен до наших дней. Т. 3. — М., 1967.

Наполова Т.Т. Наталья Кирилловна: царица-мачеха. — М., 2006.

Рамбо А. Живописная история древней и современной России. — М., 1994.

Рубинштейн Л. Дедушка русского флота. — М., 1966.

Соколов Ю.Ф. Ратная слава Отечества. Т. 2. — М., 1999.

Сухарев О.В. Кто был кто в России от Петра I до Павла I. — М., 2005.

Яковер Л.Б. Занимательные рассказы из русской истории (XVIII век). — М., 2004.

Содержание

Предисловие	3
-------------------	---

ГЛАВА 1

РОССИЙСКИЙ ТРОН В ОЖИДАНИИ МОНАРХА	4
Правление Федора Алексеевича	5
Стрелецкий бунт 1682 года	11
Хованщина	21

ГЛАВА 2

РЕГЕНТСТВО ЦАРЕВНЫ СОФЬИ	26
Братья Голицыны	27
Наставники Петра	28
«Марсовы» и «нептуновы» потехи	30
Царские обязанности	34
Законы и проекты	36
«Вечный мир» с Польшей	37
Крымские походы Василия Голицына	39

ГЛАВА 3

ВОЦАРЕНИЕ ПЕТРА	42
Брак Петра I с Евдокией Лопухиной	43
Милославские против Нарышкиных	45
Свержение Софьи	49
Новое правительство	53
Завещание патриарха Иоакима	54
Петр и Немецкая слобода	56
«Всепьянейший сумасброднейший собор»	60
Маневры на суше и знакомство с морем	61
Кончина Н.К. Нарышкиной	63
У России появился флаг	64

ГЛАВА 4

АЗОВСКИЕ ПОХОДЫ	66
Россия и Турция: взгляд из Европы	67
Первая осада Азова	69
Взятие «Оплота ислама»	70
Реакция заграницы	74
Быть России морской державой!	75
Указ, не подлежащий обсуждению	77

Кружок старца Авраамия	78
Новые люди	79
ГЛАВА 5	
ВЕЛИКОЕ ПОСОЛЬСТВО	82
Состав дипломатической миссии	83
Заговор против Петра I	87
Недоразумение в Риге	89
Пребывание в Митаве и Кенигсберге	93
Остановка в пути	95
На верфях Голландии	97
Волонтеры — сподвижники Петра I	100
Августейший плотник	103
Дипломатические затруднения	105
Найм специалистов	107
Петр I в Англии	108
ГЛАВА 6	
СТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ	114
Третий стрелецкий бунт	115
Разрыв с Евдокией Лопухиной	116
Начало Северной войны	117
Сражение под Нарвой	118
Первые победы	120
Основание Петербурга	122
Взятие Нарвы	124
Знакомство Петра I с Екатериной Василевской	125
Восстание под руководством Кондратия Булавина	127
Операция под Гродно	128
Поход Карла XII в Россию	129
Полтавская битва	130
Завоевания в Прибалтике	132
Прутский поход	133
Царское семейство	136
Дальнейшие успехи в Северной войне	137
Вторая поездка Петра I за границу	138
Дело царевича Алексея	140
Ништадтский мир	143
ГЛАВА 7	
РЕФОРМЫ ПЕТРА ВЕЛИКОГО	146
Законотворчество в Петровскую эпоху	147
Военная реформа	149
Городская реформа	165
Административные реформы	166

Табель о рангах	169
Церковная реформа	170
ГЛАВА 8	
ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЦАРСТВОВАНИЯ ПЕТРА I	176
Развитие хозяйства	177
Персидский поход	178
Распри в Сенате	181
Судьба российской короны	183
Кончина Петра I	184
Судьба Лопухиной	185
ГЛАВА 9	
КУЛЬТУРА И БЫТ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ	188
Новый календарь	189
Развитие наук и образования	190
Литература, публицистика и театр	196
Изобразительное искусство и архитектура	200
Быт Петровской эпохи	203
Забота о здоровье и достоинстве народа	209
ГЛАВА 10	
ПЕТР ВЕЛИКИЙ ПЕРЕД СУДОМ ИСТОРИИ	214
Екатерининский миф	215
Взгляд Н.М. Карамзина	219
Гипотеза С.М. Соловьева	220
Западники и славянофилы	222
Позиция В.О. Ключевского	225
С.Ф. Платонов о «петровской революции»	228
Заключение	232
Приложение	233
Список литературы	235

Серия «История России»
Демкина Мария Николаевна
Эпоха Петра I

Выпускающий редактор *Фатиева И.Ю.*
Редактор *Ситникова М.А.*
Технический редактор *Егорова Т.Б.*
Корректоры *Антошина В.Н., Дудкина Н.А.*
Художник *Шмырева И.М.*
Серийное оформление обложки:
дизайнер *Печерина Г.В.*
Компьютерная верстка *Бочкарев А.Ю.*

ООО ТД «Издательство Мир книги»,
Адрес: 111024, г. Москва, ул. 2-я Кабельная, д. 2, стр. 6

Отдел реализации:
Телефон: (495) 974-29-76, 974-29-75. Факс: (495) 742-85-79
E-mail: commerce@mirknigi.ru

Каталог «Мир Книги» можно заказать по адресу:
111116, г. Москва а/я 30 «МИР КНИГИ»,
тел.: (495) 974-29-74 e-mail: order@mirknigi.ru

Подписано в печать 20.10.2007 г.
Формат издания 84x108/32. Печать офсетная. Гарнитура FrizQuadrata.
Печ. л. 7,5. Тираж 5 000 экз. Тип. заказ № 4717213

Отпечатано на ОАО «Нижполиграф»
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32

ЭПОХА ПЕТРА I

По мнению историков, без петровских реформ России потребовалось бы как минимум еще 600 лет, чтобы преодолеть путь, который она прошла всего за четверть века. К концу XVII столетия Россия представляла собой огромную страну, простиравшуюся на тысячи километров, но изолированную от мира как в экономическом, так и в культурном отношении. Она не имела не только морского флота, но и регулярной армии. Для того чтобы застоявшееся в тихой заводи, разохшееся судно превратить в быстроходный корабль и вывести на океанский простор, требовался энергичный, уверенный флотоводец. Такой человек и явился миру в лице первого русского императора. О детстве и юности Петра, великих военных победах и беспрецедентных дипломатических миссиях, смелых реформах, культурных и бытовых нововведениях расскажет очередная книга серии «История России».

ЭПОХА ПЕТРА I

ISBN 978-5-486-01883-1

9 785486 018831